

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№10 ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2012

О творчестве художника Ивана Семесюка читайте на стр. 78

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада   **Николай Неоцененный** 4

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко   **Талантливо несчастный человек** 22

Забывтые страницы

Александр Зорич   **Трудный случай** 32
Кинорассказ 36

Чем живем

Татьяна Харламова   **Песнь народа** 48

Поэзия

Валерий Валесов   **Стихи** 60

Судьба художника

Ирина Опимах   **Немного дальше нас** 64

Открытие «Смены»

Ольга Займенцева   **Пан на районе** 78

Минувшее

Светлана Бестужева-Лада   **Коко, жена Дантеса** 90

Рассказ

Ивлин Во   **Дворянское гнездо** 108

Логунова шутит

Елена Логунова   **Периодическая таблица Купидона** 120

Это интересно

Татьяна Комарова   **Давайте жить на солнечной стороне** 125

Ироническая повесть

Андрей Дышев   **Диссертант** 130

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
Генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

**Иллюстрации
и обложка**

Рябинин Лев Анатольевич

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена»».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №1415

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.09.2012

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Хотя род моей деятельности не имеет отношения к поэзии, все же раза два в год на меня нисходит вдохновение, и рождается пара стихов. И даже примерно раз в два года мне удается напечатать одно из них на страницах какого-нибудь издания. Вот и «Смена» лет семь назад удостоила меня своим вниманием и опубликовала в «Конкурсе одного стихотворения» результат моего «поэтического подъема». Но речь не об этом. Дело в том, что я, многолетний читатель и поклонник журнала, лишь совсем недавно обнаружил, что у вас имеется и вполне приличный сайт в Интернете. Так как там нашлось много чего интересного, знакомство с ним, вижу, затянется на долгое время. Весьма, кстати, захватывающе просматривать старые (и не очень) архивные материалы. Но на этом вашем сайте совершенно нет никаких стихов. Как же так? Ведь в вашем журнале стихи печатались во все времена, вне зависимости от изменений оформления и формата. Очень хорошо помню, что вы публиковали и таких поэтов, как Рождественский и Вознесенский, и робких графоманов вроде меня. Неужели на сайте не нашлось места для поэзии? Может быть, все-таки стоит размещать, пусть и нечасто, какие-нибудь присылаемые вам стихи? Думаю, найдется немало читателей, которым это было бы интересно, так что подумайте, пожалуйста, над моим предложением.

С пожеланиями процветания вашему журналу

Александр Перепелов,

Псков

A black and white portrait of Nicholas I, Emperor of Russia, shown from the chest up. He has a mustache and is wearing a dark military-style coat with a large, fringed collar. He is looking slightly to the right. The background is dark and indistinct.

«Россия — держава могущественная и счастливая сама по себе; она никогда не должна быть угрозой ни для других соседних государств, ни для Европы. Но она должна занимать внушительное оборонительное положение, способное сделать невозможным всякое нападение на нее».

*Николай
Первый*

НИКОЛАЙ НЕОЦЕНЕННЫЙ

Светлана
Бестужева-
Лада

Человек, занимавший российский престол более тридцати лет, никогда не мечтал о короне. Да никто и предположить не мог, что третий по старшинству сын императора Павла сам станет императором. Николай родился уже после смерти своей великой бабки Екатерины, его воспитанием всецело занималась мать и приглашенные ею наставники, отца он почти не помнил, к старшим братьям относился с почтением и уважением.

Но... человек предполагает, а Бог располагает. Ни у Александра Павловича, ни у Константина Павловича не было законных наследников мужского пола. К тому же, российская корона Константина ни капельки не прельщала, слишком уж страшной оказалась судьба его отца, убитого самыми близкими людьми. К тому времени, как Николаю исполнилось тридцать лет, он был членом Государственного Совета, генерал-инспектором армии по инженерной части и командиром гвардейской дивизии.

Женатый по любви на красавице-принцессе Шарлотте Прусской, счастливый муж и отец троих детей внезапно оказался перед выбором: трон или смерть... всей его семьи. Трудно упрекать его в том, что он выбрал первое.

Впрочем, обо всем по порядку.

Николай родился 6 июля 1796 года в Царском Селе. Он был третьим из пятерых сыновей императора

Павла I и императрицы Марии Федоровны и рос отдельно от старших братьев Александра и Константина, родившихся чуть ли не на двадцать лет раньше.

Ни Николая, ни его младшего брата Михаила не готовили к престолу: их ждала исключительно военная карьера. Сразу после рождения великий князь Николай Павлович был записан на военную службу — полковником. Через четыре года мальчика назначили шефом лейб-гвардии Измайловского полка, и с тех пор Николай носил только измайловский мундир.

Образование и воспитание великого князя было, тем не менее, чисто домашним. Воспитателем его стал немецкий генерал М.И. Ламсдорф — человек суровый, жестокий и, по словам современников, не обладавший ни одной из способностей, необходимых воспитателю.

Впрочем, и у самого Николая характер был достаточно трудным. Его педагоги уверяли, что он был груб и жесток, в учебе успехов не показывал, за исключением военных наук. Как сам он писал в своих воспоминаниях:

«Одни военные науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие... Лекции лучших профессоров по правоведению, философии, политэкономии я слушал плохо, от них ничего не осталось в голове».

Да, великий князь недолго любил общественные и правовые теории.

Зато с большим интересом изучал военное дело — артиллерию, фортификацию, тактику и другие военные науки. Более всего он любил свою будущую военную специальность — инженерное дело. И недаром впоследствии император Александр I поставил своего младшего брата во главе инженерного ведомства России, с каковым поручением великий князь блестяще справился.

В 1817 году Николай женился на старшей дочери прусского короля Фридриха Вильгельма II принцессе Шарлотте Каролине Фредерике-Луизе, принявшей православие под име-

ное императором во время чаепития у счастливой четы летом 1819 года: Александр Павлович намерен вскоре отказаться от престола в пользу Николая, так как следующий по старшинству брат, великий князь Константин Павлович, тогдашний наместник в Царстве Польском, также не желает царствовать. Это стало для Николая настоящим шоком, но... за три последующих года не произошло ровно ничего, подтверждающее намерение его царствующего брата.

Только в 1822 году Константин Павлович, наконец, письменно подтвердил свое отречение, а в 1823 го-

---

Ни Николая, ни его младшего брата Михаила не готовили к престолу: их ждала исключительно военная карьера. Сразу же после рождения великий князь Николай Павлович был записан на военную службу — полковником

нем благоверной великой княгини Александры Федоровны. От этого брака родилось семеро детей, в том числе и будущий император Александр II.

До декабря 1825 года великий князь жил спокойно и счастливо, не принимая участия в государственных делах, но старший брат, как оказалось, имел совсем другие планы, которыми, впрочем, не делился даже с ближайшим окружением. Тем неожиданнее для Николая и его молодой супруги стало сообщение, сделан-

ду император Александр I подписал Манифест, объявлявший наследником престола великого князя Николая Павловича. Секретный Манифест: он не публиковался, о нем практически никто не знал, и оставалось только снова ждать и гадать, как будут развиваться события.

3 июля 1817 года Николай был назначен всего лишь генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии Саперного батальона. Да и вел себя Александр I

Николай I в детстве

по отношению к брату весьма странно. Он не только не предпринял мер по подготовке Николая к делам управления государством, но даже не ввел его в состав Государственного Совета и других высших государственных учреждений, так что будущий император служил как заурядный генерал — командиром бригады 1-й Гвардейской дивизии (в состав бригады входили лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки).

Впрочем, великого князя такое положение дел вполне устраивало: он не был честолюбив и трезво отдавал себе отчет в своих способностях. Военное дело было его подлинным призванием, даже недоброжелатели признавали его храбрым и честным воином, хотя и излишне суровым к подчиненным. По описанию современников, он был «солдат по призванию, солдат по образованию, по наружности и по внутренности».

*Принцесса Шарлотта Каролина
Фредерика-Луиза Прусская*

Именно это ему впоследствии и будут ставить в вину, называя за спиной «солдафоном на троне». А пока он не мог похвастаться даже популярностью среди военнослужащих: в гвардии его не любили за строгость, доходившую до мелочной придирчивости, и пренебрежительное отношение к офицерам, уважения он также не мог снискать из-за отсутствия боевого опыта и увлечения строевыми занятиями.

Понимая, тем не менее, какая ответственность может оказаться на его плечах в будущем, Николай начал готовиться к управлению государством и занялся чтением соответствующей литературы, чтобы пополнить свое образование. Но все-таки надлежащей подготовки и навыков к делам государства он не получил и вступил на престол не подготовленным ни теоретически, ни практически. Его вины в этом не было, а поведение старшего брата-императора, скрывавшегося за непроницаемой завесой тайны, лишь усугубляло двойственность ситуации.

В конце ноября 1825 года в Санкт-Петербург пришло скорбное известие о скоропостижной кончине в Таганроге государя-императора. В тот же день был созван Государственный Совет, который постановил, что престол... должен перейти к Константину. Николай одним из первых принес ему присягу, однако Константин решительно отказался от престола, заявив, что императором он признает Николая и присягает ему на верность. Пока курьеры носились между Варшавой и Петербургом, отношение к происходящему было неоднозначным — Москва 30 ноября присягнула Константину, а в Петербурге дело отложили до 14 декабря. По-разному восприняли вопрос о престолонаследии и в провинции.

Две недели фактически смутного времени — немного, с точки зрения истории, но вполне достаточно, чтобы трагически изменить ее ход.

12 декабря к Николаю явился гвардейский поручик Я. И. Ростовцев и предупредил о готовящемся вооруженном выступлении в столице, не называя, правда, имен заговорщиков. Николай немедленно ввел в курс дела Санкт-Петербургского военного губернатора Милорадовича, начальника штаба Гвардейского корпуса Бенкендорфа и князя А.Н. Голицына, одного из трех доверенных Александра, посвященного в тайну пакета, хранящегося в алтаре Успенского собора.

Как только совещание закончилось, из Варшавы прибыл курьер, привезший письмо от Константина с окончательным отказом от трона. На следующий день, 13 декабря, был составлен Манифест, помеченный, впрочем, 12 декабря, о вступлении на престол Николая Первого. В нем приводились и основания для такого решения — воля Александра, высказанная и зафиксированная им в известном письме, оставленном в Успенском соборе. Кроме того, сообщалось и о ряде писем Константина, где наследником престола признавался Николай, а цесаревичем его старший сын Александр, которому было 7 лет.

Поздно...

*Великий князь
Николай Павлович Романов*

Дальнейшее хорошо известно: воспользовавшись создавшейся ситуацией, офицеры и генералы — заговорщики вывели свои войска на Сенатскую площадь и попытались свергнуть династию, поменяв государственное устройство.

В храбрости Николая Павловича никто никогда не сомневался, тем более, что он действительно не испытывал страха перед вышедшими на площадь войсками. Но при этом

смертельно боялся... за свою семью: в планах заговорщиков был четко прописан приговор ВСЕМ членам семьи Романовых — от грудных младенцев до стариков, исключения не делалось даже для женщин. Императрица была напугана происходящим до полусмерти: у молодой женщины начался нервный тик, сохранившийся до конца жизни. Вот этого-то страха за близких император и не мог простить заговорщикам. Он лично командовал оставшимися ему верными войсками и подавил мятеж — более ста его участни-

ператора, наследником престола и правителем государства до совершеннолетия сына Николая — Александра — был назначен великий князь Михаил Павлович. Новый император меньше всего хотел, чтобы какой-то несчастный случай снова вверг страну в неразбериху и кровавый хаос.

Впрочем, за судьбу престола он мог и не опасаться: к моменту коронации у императорской четы было уже четверо детей: сын-наследник и три дочери: Мария, Ольга и Александра. В дальнейшем родилось

В 1823 году император Александр I подписал манифест, объявлявший наследником престола великого князя Николая Павловича. Секретный манифест: он не публиковался, и о нем практически никто не знал

ков были сосланы в Сибирь, сотни отправлены на Кавказ, где шла война с непокорными горцами.

На российский престол вззошел тридцатилетний гвардейский генерал, не только высокий и красивый, но, к тому же, трудолюбивый и по-немецки педантичный, считавший работу над канцелярскими бумагами одной из важнейших своих задач.

В дни коронации Николая Первого Манифестом от 22 августа 1826 года, в случае внезапной смерти им-

еще три сына — Константин, Николай и Михаил.

Забегая вперед, можно сказать, что, когда Николай Павлович скончался и к власти пришел его более чем либеральный сын-реформатор, пыльным цветом расцвели всевозможные подпольные кружки — сначала «вольнодумцев», а потом уже и откровенных террористов. «Николай Палкин» ездил по Санкт-Петербургу в любое время суток без охраны — никто даже в мыслях не покушался

на «тирана». А вот на «царя-освободителя» было совершено семь покушений, причем последнее увенчалось успехом.

Мало кто знает, что Николай Первый был убежденным противником крепостного права. С самого начала царствования он добросовестно пытался разрешить вопрос о его отмене, создав несколько секретных комитетов по крестьянскому вопросу, но в 1842 году пришел к выводу:

Говоря о необходимости реформ общественного строя и правительственного аппарата, император намеревался осуществить их проведение силами правительственных чиновников под своей непосредственной командой, без участия общественных сил. Это было бы вполне возможно в армии, но никак не в обществе, тем паче — российском. Немецкая педантичность Николая Павловича и приверженность всевоз-

---

Заговорщики вывели на Сенатскую площадь свои войска и попытались свергнуть династию. Николай, не испытывая страха, вышел на площадь перед войсками, проявив этим свою храбрость. При этом он смертельно боялся... за свою семью: в планах заговорщиков был четко прописан приговор **ВСЕМ** членам семьи Романовых – от грудных младенцев до стариков

«Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его положении у нас есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом, еще более гибельным».

Как в воду глядел.

Он понимал необходимость проведения реформ, но всегда резко выступал против даже мысли о возможных революционных преобразованиях. За что и был дружно ошеломован всеми прогрессивными умами России, особенно после смерти.

можным уставам в данном случае сыграли с ним злую шутку, а историкам позволили всласть поглумиться над «фельдфебелем на троне».

Действительно, усиление и централизация бюрократического аппарата достигли при Николае Первом невиданных масштабов. Расходы на чиновников и армию поглощали почти все государственные средства. Казарменные порядки господствовали во всех учреждениях, гимназиях, университетах. За малейшее непослушание чиновники отправлялись

на гауптвахту, студенты отдавались в солдаты.

Такой метод управления государством казался императору верхом совершенства:

«Я смотрю на человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит».

Да, Николай был жесток, деспотичен, упрям, но, вместе с тем, ему нельзя отказать в неуклонном исполнении своего долга перед Россией — так, как он это понимал. В выполнении своей миссии он часто не щадил себя, проявляя волю, напористость, личную храбрость, презрение к опасностям. Об этих качествах императора почему-то почти никто не вспоминает.

А в личной жизни он был, к тому же, отменным семьянином, строгим, но вместе с тем и ласковым отцом, заботливым мужем, хранившим верность любимой супруге до тех пор, пока врачи категорически не запретили императрице иметь еще детей. Средство тогда было одно: воздержание от интимной близости, что для еще молодого (чуть старше сорока лет) и здорового Николая Павловича было невозможным. Супруги без слов пришли к компромиссу: император волен иметь личную жизнь, но императрица должна знать об этом как можно меньше.

События декабря 1825 года сильно потрясли Александру Федоров-

ну. Между тем, жизнь и молодость взяли свое, и после коронации двадцатидевятилетняя императрица постепенно отошла от треволнений. 9 сентября 1827 года у нее родился пятый ребенок и второй сын — Константин, названный в честь его дяди. Николай тут же сообщил об этом брату в Варшаву и просил его быть крестным отцом.

Через четыре года у августейшей четы родился еще один сын — Николай, а в октябре 1832 года — последний, седьмой, ребенок, Михаил. Роды были тяжелыми, несколько дней врачи опасались за жизнь матери, но, к счастью, все обошлось.

Император неизменно демонстрировал по отношению к супруге не только подчеркнутую заботливость, но и намеренно не жалел никаких расходов. Парадоксально, но даже жесткая цензура, в которой все обвиняют Николая Павловича, была введена им практически ради супруги: Александра Федоровна очень любила читать, но любой намек на вольнодумство заставлял ее вспоминать страшные события 1825 года и вызывал нервные припадки. Но запретить императрице читать было невозможно, проще было запретить публиковать все мало-мальски вольнолюбивое.

В своей внешней политике император был вынужден выполнять договоры, подписанные во время предыдущего царствования. Тем не ме-

нее, Николай Павлович заявил о своем намерении «положить конец восточному вопросу», который заключался в борьбе с Турцией за обладание побережьем Черного моря, а также за освобождение балканских народов от турецкого ига.

Победоносные военные действия (1828–1829) против турецких войск позволили значительно ослабить Турцию и присоединить ряд территорий к России на побережье Черного моря, в Закавказье, укрепить Черноморский флот. В 1829 году генерал Дибич взял

Второй тяжкой виной императора перед российским обществом было создание печально известного Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Руководитель этого отделения и корпуса жандармов генерал А.Х. Бенкендорф делал императору ежедневные доклады и сопровождал его во всех поездках.

Функции этого отделения были чрезвычайно широки. Ему было поручено наблюдение за иностранцами и разными подозрительными лицами,

Да, Николай был жесток, деспотичен, упрям, но, вместе с тем, ему нельзя отказать в неуклонном исполнении своего долга перед Россией. В выполнении своей миссии он часто не щадил себя, проявляя волю, напористость, личную храбрость. Об этих качествах императора почему-то почти никто не вспоминает

Адрианополь, а граф Паскевич — Карс и Эрзерум. Была провозглашена независимость Греции и автономия Сербии, Молдавии и Валахии.

А в 1830 году началось кровавое восстание в Польше, которое хотя и было подавлено этими же генералами, но сильно ослабило результаты Турецкой войны и надолго отложило освобождение крестьян.

За подавление этого восстания Николая Павловича окрестили «палачом польского народа».

сбор сведений обо всех происшествиях, случаях неповиновения властям, ведение дел о разбоях и фальшивомонетчиках, контроль за чиновниками и превышением власти и так далее. Но главным было наблюдение за антикрепостническими и антисамодежявными настроениями в обществе, высылка подозреваемых лиц, статистические сведения полицейского характера, театральная цензура.

Ужас, мрак, гонения и репрессии, которые осуществлялись сила-

ми... шестнадцать человек, затем двадцати, а к 1841 году число их составило двадцать восемь человек. Понимая, что этого еще недостаточно для тотального контроля над всей Россией, Николай Павлович особым указом присоединил к отделению весь жандармский корпус империи в составе — страшно сказать! — 4378 человек и отдал всю эту махину под командование генерала Л.В. Дубельта с именованием его «начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим III Отделением».

А сколько насмешек у просвещенных людей вызывали привычки императора! Он, по их мнению, на людях демонстрировал великий аскетизм и неприязнательность: спал он на простой железной кровати с тощим тюфяком и покрывался старой шинелью. Демонстрируя свою приверженность русским обычаям, он не любил никакую другую кухню, кроме русской, а из всех ее блюд более всего любил щи и гречневую кашу. Вставал в 5 часов утра и сразу же садился за работу. К 9 часам он успевал прочитать и решить множество дел, выслушать доклады министров и сановников или же побывать в полках, в разных казенных заведениях, снять на кухне пробу блюд, отстоять церковную службу и непременно успеть к утреннему разводу.

Насмешки насмешками, но, надо признать, что, вступив после миропомазания и коронации на импера-

торский трон, Николай решительно взялся за чистку авгиевых конюшен империи с целью ее укрепления как фундамента самодержавия. Первое место в государственном аппарате занимала армия, выросшая к середине царствования Николая Первого до миллиона солдат и офицеров. На ее содержание уходило 40% всех средств империи.

В 1833 году указом от 25 января запрещалось продавать крестьян «с раздроблением семейств», расплачиваться крестьянами за долги, переводить крестьян в дворовые, отбирая у них землю. Существенно улучшилось положение различных категорий незакрепощенных крестьян общей численностью 8 миллионов душ мужского пола, что равнялось более трети всех крестьян империи.

В марте 1835 года образован Секретный комитет «Об улучшении состояния крестьян разных званий», возглавленный членом Государственного Совета, генерал-адъютантом Павлом Дмитриевичем Киселевым. Через месяц комитет был преобразован в Пятое отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, под тем же руководством.

И опять же — почти полное молчание историков и современников, не пожелавших заметить никаких перемен в стране. «Гнет самодержавия» — настолько удобная и емкая формулировка, что ею можно

Императрица Александра Федоровна с детьми

заслониться практически от всего, чего не хочется видеть.

А ведь в царствование Николая Первого произошло немало важных событий, не имеющих государственной важности, но результатами которых мы пользуемся до сих пор. Была построена первая в России Царско-сельская железная дорога (1837),

а затем Николаевская железная дорога Петербург — Москва (движение поездов началось в 1851 году).

В 1828 году в Санкт-Петербурге был открыт Практический технологический институт (впоследствии известный как Технологический) для подготовки инженеров. В 1832 году открылась Императорская Никола-

Николай I на смертном одре

евская военная академия — высшее учебное заведение, готовившее офицеров Генерального штаба.

Во время эпидемии холеры в 1830 году Николай Павлович метался между Санкт-Петербургом и Москвой, смиряя холерные бунты, жертвами которых оказывались врачи-иностранцы — чаще всего немцы, ибо русских врачей почти не было, немцы-аптекари и местные начальники, которых считали состоящими в сговоре с ними.

Холерные бунты возникали и в военных поселениях под Новгородом, где солдаты-поселенцы посчитали,

что всему виной — врачи-немцы и их сообщники — собственные офицеры.

И снова Николай помчался туда, совершенно один, приказал выстроит военных поселян побатальнно, но когда он вошел в середину каре, бунтовавшие солдаты, изранившие и убившие своих офицеров, легли на землю, лицом вниз, изъявляя тем самым покорность.

Николай велел вывести из рядов зачинщиков бунта и предать их военному суду; а батальон, где убили батальонного командира, он приказал отправить в полном составе в Петербург, разместить всех солдат

по крепостям, отдать под суд и исключить из списков.

В годы царствования Николая Первого родился первый официальный гимн Российской империи, ставший одним из символов николаевской эпохи. Автором текста гимна «Боже, царя храни» стал поэт В.А. Жуковский, композитором А.Ф. Львов. Гимн впервые исполнили в Москве, в Большом театре 11 декабря 1833 года. Также при Николае в школах России были введе-

других монархов и их поддержку. Но Европе сильная Россия пугала куда больше Турции. Возникла мощная антирусская коалиция в составе Англии, Франции и других держав. Как только начались успешные военные действия русских войск против Турции, коалиция сразу же выступила на ее стороне. Даже, как казалось, близкие союзники Австрия и Пруссия заняли недружелюбную позицию в отношении России.

Одна из последних фраз императора, обращенных к старшему внуку, была: «Держи все – держи все». Эти слова сопровождались энергичным жестом руки, обозначавшим, что держать нужно крепко. Через несколько часов императора не стало

ны единые программы, учебники, отметки (от 1 до 5), форма одежды.

В октябре 1853 года снова началась война против Турции. В ходе этой войны произошел знаменитый Синопский бой адмирала Нахимова, а вскоре, разбив в нескольких сражениях турецкую армию и флот, Россия могла одержать внушительную победу, но... либеральная Европа не могла допустить такого триумфа православного государя.

Начиная эту войну после подавления революций в Европе 1848–1849 гг., император полагал, что может рассчитывать на благодарность

Николай Первый был вынужден убрать войска с задунайских территорий, и оказался один против враждебной Европы. Англия и Франция высадили войска в Крыму и осадили Севастополь. В осаде, длившейся 11 месяцев, погибли адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин. С весны 1854 года война, хоть и названная позднее Крымской, на самом деле носила мировой характер, ибо в ней участвовали крупнейшие государства, а военные действия велись по всему миру — в Крыму, на Кавказе, в Европе, в Баренцевом море и даже на Камчатке. Боевые дей-

ствия в Крыму, оборона Севастополя стали примером высочайшего героизма русского народа и... вероломства европейских политиков по отношению к России.

Поражение в Крымской войне нанесло сильнейший удар по всей внешнеполитической системе Нико-

сией 30 лет, и как будто не собирался прекращать этого. Вдруг в ночь с 17 на 18 февраля старший сын императора Александр был вызван к отцу, пробыл с ним наедине некоторое время и вышел из кабинета в слезах. Перед смертью Николай попросил, чтобы его облачили в мун-

Демонстрируя свою приверженность русским обычаям, Николай I не любил никакую другую кухню, кроме русской, а из всех блюд более всего любил щи и гречневую кашу. Вставал он в 5 утра, и к 9-ти часам успевал решить множество дел: выслушать доклады министров, побывать в полках, в разных казенных заведениях, снять на кухне пробу блюд, даже отстоять церковную службу...

лая Первого. Рушились ближневосточные позиции России; резко упал ее международный авторитет. Страна вынуждена была пойти на позорный Парижский мирный договор (март 1856), по которому Черное море объявлялось нейтральным, империя лишалась возможности иметь здесь военный флот и строить военные сооружения на его берегах, а также уступала значительные территории и свое влияние на Балканах и в Армении в пользу Турции. Все это привело к душевному надлому у императора. Приближенные вспоминали, как бессонными ночами он «клат земные поклоны», «плакал, как ребенок».

Смерть Николая была абсолютно неожиданной. Он управлял Рос-

дир, а, прощаясь со старшим внуком, промолвил:

— *Учись умирать.*

Одна из его последних фраз, обращенных к наследнику, была: «*Держи все — держи все*». Эти слова сопровождались энергичным жестом руки, обозначавшим, что держать нужно крепко.

Через несколько часов императора не стало. Последней волей Николая Первого был запрет на вскрытие и бальзамирование его тела, он опасался, что вскрытие откроет тайну его смерти, которую хотел унести в могилу.

Не успели в церквах отслужить панихиду, как разнесся слух, что внезапная смерть императора была само-

убийством. Этот слух не опровергнут до сих пор, да и сам характер Николая Павловича позволяет предполагать, что он действительно приказал дать ему яд: позор поражения для офицера был невыносим, а императоры не стреляются и не вешаются.

С его смертью закончился период внутреннего спокойствия в государстве. Железная рука разжалась, выпустила Россию из оков дисциплины и цензуры, и страна вступила в преддверие кровавого хаоса и неразберихи народовольцев, профессиональных революционеров и строителей «светлого будущего». Правда, большинство россиян об этом даже не догадывалось.

Впоследствии, анализируя главную причину крушения николаев-

ского режима, академик В.О. Ключевский писал:

«Николай поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости с помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности».

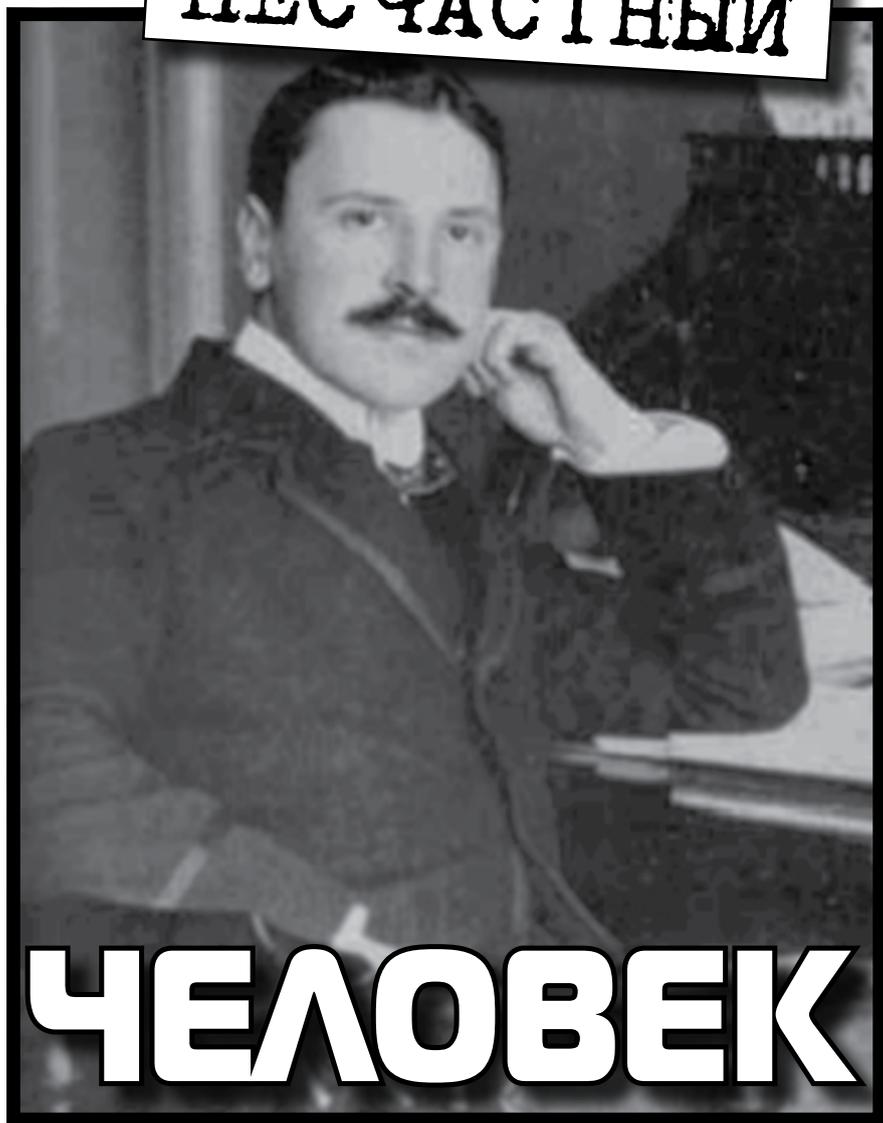
О том, что случилось после того, как «общественную самостоятельность» перестали подавлять, известно, увы, слишком хорошо. Гораздо лучше, чем о том, что сделал никем не оцененный по достоинству император Николай Первый — последний рыцарь России. □

ТАЛАНТЛИВО

Евгения
Гордиенко

НЕСЧАСТНЫЙ

ЧЕЛОВЕК

Долгая жизнь — подарок судьбы или кара? Если бы этот вопрос задали английскому романисту и драматургу Уильяму Сомерсету Моэму, думаю, он бы затруднился с ответом. Прожив 90 лет, он едва ли когда-либо был по-настоящему счастлив, но всегда стремился хоть на йоту приблизиться к тому, что называют счастливой жизнью.

Он был богат, но его мало кто любил. Он много писал и много печатался, но критики говорили, что он пишет крепко, ремесленно, а вот настоящего таланта у него нет.

Незадолго до смерти Моэм судился с собственной дочерью, а своего секретаря, прослужившего у него больше 30 лет, оплакивал весьма трепетно.

Он был женат, но и в течение многих лет после развода не мог не то, что видеться, даже слышать о бывшей жене. Он шел на любые ухищрения, чтобы в стране, где великого Оскара Уайльда посадили в тюрьму за гомосексуализм, все же оставаться верным себе и своим чувствам...

Каким же все-таки был Сомерсет Моэм? Что делало его счастливым? Что делало его несчастным? Чем он жил, и что оставил нам?

Уильям (это имя он не любил и предпочитал пользоваться вторым) Сомерсет Моэм — один из тех, кого можно назвать англичанином и джентльменом в полном смысле этого слова. Всегда безупречный и элегантный, умеющий в любой ситуации держать себя в руках. Однако родился он вовсе не в Англии, а во Франции, хотя родители его сделали все, чтобы формально их сын считался английским подданным. Дело в том, что Моэм был четвертым сыном в семье дипломата, служившего во Франции, и именно там Роберт Ормонд Моэм, юридический советник при посольстве, организовал «роддом» для своей жены. Связано это было с тем, что готовился к принятию новый закон, со-

гласно которому все дети, рожденные на территории Франции, считались французскими подданными и подлежали призыву в случае новой войны. Так что родители спасали новорожденного Вилли от возможных будущих боевых действий. Но не спасли от другого...

Когда Уильяму исполнилось восемь, его мать ждала пятого ребенка. Увы, младенец умер на следующий день после рождения, а через неделю умерла и миссис Моэм. Вилли остался без матери, и эта первая трагедия произвела на него столь сильное впечатление, что и через пятьдесят лет, когда его дочь была беременна пятым ребенком, он с удовольствием говорил, что четверых детей для семьи вполне достаточно.

Испытывал ли он подсознательный страх, что все повторится? Так или иначе, о матери он помнил всю жизнь, и до самой смерти ее портрет стоял у Моэма на столе.

Вскоре умер и отец, ребенка отправили жить к родне в Англию, в семью священника. Нельзя сказать, чтобы жилось там будущему писателю по-диккенсовски плохо, но именно в то время он по непонятным причинам стал заикаться, и этот недуг остался с ним на всю жизнь.

В городке Уитстебле (который в «Бремени страстей человеческих», самом автобиографичном романе Моэма, стал Блэкстеблом), полным конформизма и снобизма, сформировался характер Моэма. Он записы-

вал выражения за дядей-священником: «Приглашай в гости или к обеду только тех, от кого, в свою очередь, можешь получить приглашение». И если в юности Моэму, казалось, претили такие мысли, с возрастом он сам стал образчиком снобизма и консервативности.

Семья дяди хотела, чтобы Моэм или учился в Оксфорде, или пошел служить. Ему не хотелось ни того, ни другого. Он мечтал стать писателем, но признаться в этом у него не хватало сил. В итоге, он стал выбирать между профессиями юриста и врача. Здравомысленно, что трех юристов (его старшие братья были ими) в семье вполне достаточно, Моэм отправился в Лондон, решив, что одновременно с медицинской практикой будет практиковаться и на литературном поприще.

Так и получилось: все свободное время он посвящал тому, что писал. Он не рассуждал о том, есть ли у него талант, для него достаточно было только желания.

Первые свои повести и рассказы Уильям рассылал в журналы, но ему рекомендовали обращаться пока в более мелкие издания, а уж когда появится что-то «более значительное», то и присылать работы в издания покрупнее. Моэма это часто обижало и злило, но он продолжал упорно писать. Чего-чего, а настойчивости этому образчику викторианской эпохи было не занимать.

В это время Моэм уже работал в больнице Святого Фомы в Лондоне

и наблюдал жизнь тех, кого называли «низами общества». Именно об этих людях и писал он в первых своих произведениях. Критики ругали эту манеру «вытаскивать все самое грязное и низкое, что есть в человеке», но Моэм иначе не мог. Ему хотелось, чтобы у каждого читателя была возможность увидеть то, чего из окна гостиной увидеть невозможно.

Первым произведением, получившим успех у публики, стала «Лиза из Ламбета». После этого Моэм решил оставить врачебную карьеру и заделаться профессиональным писателем. Ему было 24 года.

Если в карьере у Уильяма все складывалось хоть и медленно, но

неплохо, то с личной жизнью все было гораздо сложнее...

В 1886 году королева Виктория одобрила поправку к Закону о повсеместном надзоре за моралью. Поправка гласила: «Любое лицо

мужского пола, которое публично или в частном порядке принимает неестественные действия по отношению к другому мужчине, является соучастником подобных действий или поощряет их по отношению к себе, считается виновным и подлежит суду, с последующим тюремным заключением сроком до двух лет с принудительными работами или без оных». Изначально формулировка поправки включала в себя и женщин, но Ее Величество спросила: «Зачем включать в этот

закон женщин? Ведь ясно, что к ним это не относится». Смельчаков дать королеве ответ не нашлось.

А вскоре по этому закону заключили в тюрьму Оскара Уайльда.

Все это настолько напугало Моэма, который к этому времени уже понял, что интересуется мужчинами гораздо больше, чем женщинами, что он стал еще тщательнее скрывать свои пристрастия. Проведя всю свою долгую жизнь рядом с мужчинами, которых он любил, Моэм ни разу нигде и никогда не дал официального подтверждения тому, что является гомосексуалистом. Закон о морали отменили лишь в 1967 году, через 2 года после смерти писателя.

А пока он вынужден был скрывать свои отношения. И зашел в этом так далеко, что даже... женился.

В 1911 году Моэм, к тому времени уже довольно успешный писатель, познакомился с Сарой-Луизой Вэлком, которую все называли Сири. Она была замужем, а светская публика смаковала подробности ее романов. Самым знаменитым из ее любовников был Гордон Сэлфридж, владелец одноименных универмагов.

Моэм нашел Сири привлекательной, но не более того. А вот она влюбилась по-настоящему. Сири обладала характером, который сегодня назвали бы «пробивным», и вскоре их с роман с Моэмом уже дошел до той стадии, когда она стала настаивать на общем ребенке, при этом все еще оставаясь миссис Вэлком. Моэм, скрепя сердце, со-

гласился. Но первая беременность Сири закончилась выкидышем.

А в 1914 году началась война.

Мозэм всегда с теплотой вспоминал о своей армейской службе, хотя и считал, что его вклад в победу на войне был ничтожно мал.

И все же на войне произошло одно из главных событий в его жизни: на Фламандском фронте он познакомился с Джеральдом Хэкстоном, который будет его секретарем, другом и любовником на протяжении более чем тридцати лет.

Мозэм описывал Джеральда так: *«В его лице не было ни одной черточки, которую можно было бы назвать красивой. Он был белозубым, но зубы не слишком ровные; лицо румяное, но рябоватое; густые волосы, но цвет подкачал — нечто среднее между темным шатеном и светлым шатеном; большие глаза, но такого бледно-голубого оттенка, который проще всего назвать серым. У него был немного рассеянный вид, и недоброжелатели говорили, что у него бегающие глаза»*. Также писатель позже вспоминал, что не в последнюю очередь его привлекало в Джеральде полное отсутствие совести.

Но пока на войне у Мозэма завязывался роман, в Англии его ждала вновь беременная Сири.

Возможно, именно сплетение всех этих событий: война, беременность не очень-то любимой женщины и новая влюбленность, — дали Мозэму силы написать один из лучших его романов — «Время страстей

человеческих». Роман вышел в 1915 году одновременно в Англии и в Америке. Приняли его не очень хорошо: война — не лучшее время для появления «романа воспитания».

Да и Сири родила дочь, которую назвали Лизой, в честь «Лизы из Ламбета», а не сына, как хотелось Мозэму. Все это вызывало его крайнее недовольство. К тому же, приходилось еще разбираться с разводом Сири, чего писателю решительно не хотелось. Когда же все тяжбы были окончены, и Сири стала миссис Сомерсет Мозэм, новоиспеченный муж, казалось, был рад одному только тому факту — что все, наконец, закончилось... Это был брак по расчету для обеих сторон. Сири получала respectable мужа и отца для Лизы, Мозэм — «прикрытие» от слухов о его романах с мужчинами.

После войны Мозэма отправили в Женеву, где... занимался шпионажем. Хотя он был всего лишь посредником, передавал инструкции из Лондона местным агентам, ему все же удалось «вынести» из этой деятельности несколько рассказов, вошедших в сборник «Эшенден». Мозэму вообще было свойственно из любого мало-мальски значимого события, из любого общения, из любого нового знакомства черпать сюжеты. Позже, разбогатев, он проводил не меньше полугода в путешествиях по экзотическим странам, ища вдохновения и новых историй. Многие пытались осуждать его за это, говоря чуть ли не в сотый раз, что у Мозэма

нет таланта, что он только «крепкий ремесленник», живущий чужими историями. По этой причине Моэм 20 лет сопротивлялся желанию посетить Индию, считая, что это «страна Кипплинга, а все интересные сюжеты уже использованы». Незвизрая на внешнюю независимость, Моэм очень трепетно относился к общественному мнению.

Сири со временем доставляла Моэму все больше хлопот. Она жаловалась, что он не уделяет ей внимания, тогда как Моэм считал, что она не вправе требовать этого. Ее

злило, что он купил себе виллу на Ривьере и вскоре уехал туда с Джеральдом Хэкстоном, которого Сири терпеть не могла. Однако вскоре она успокоилась и даже открыла собственное дело по дизайну интерьеров. К удивлению Моэма, лавка ее процветала, и он радовался этому, так как жена была при деле и больше не утомляла его.

Через несколько лет супруги окончательно разъехались: Моэм сделал постоянным местом своего проживания виллу «Мореск» на Ривьере, что не мешало ему иногда

приезжать в Лондон и много путешествовать по свету. Сири же осталась в Англии вместе с дочерью и своим бизнесом. Развод произошел только через 10 лет после свадьбы, и это был один из самых странных браков, которые когда-либо видела Англия.

Во время развода Сири стала так раздражать Мозма, что и в течение многих лет после этого события он не мог даже слышать ее имя.

Мозм богател. Его романы продавались все лучше — как в Англии, так и в Америке, по его пьесам ставились спектакли. Он много путешествовал и... становился все большим снобом. Гостям на его вилле «Мореск», которых всегда было превеликое множество, приходилось все труднее — за одно неточное слово можно было получить ледяной взгляд хозяина и предложение освободить комнату

для следующего гостя. Несмотря на свое богатство, Мозм был скуповат. Он писал: «Во Франции у кухарок есть неписаное правило удерживать с вас пять процентов сверх той суммы, которую она уплатила за покупки, независимо от их цены и количества, и если она ограничится тем, что всего лишь удвоит этот процент, можете считать, что вам выпала удача нанять на редкость совестливую женщину». Это было сказано об Аннет, французской кухарке Мозма, большому специалисту по десертам, которые сладкоежка Мозм очень любил.

Если где-то Сомерсет Мозм и был счастлив, то только там, на Ривьере. Потому что там он жил вместе с Джеральдом, который, несмотря на

свои отвратительные привычки (он много пил, играл и изменял Моэму при каждом удобном случае), находился всегда рядом, что бы ни случилось.

И когда Джеральд, которому было всего пятьдесят (самому Моэму исполнилось уже 70), умер, писатель горячо оплакивал его. Он не знал, как жить дальше, как путешествовать, как возвращаться в «Мореск», где Джеральд больше не раздражал его своим постоянным пьянством и скабрёзными шутками над гостями.

Вскоре у Моэма появился новый секретарь — Алан Сирл, намного моложе самого Моэма. Он старался заменить Джеральда, но разве заменишь того, с кем прожита жизнь?

Чем старше Моэм становился, тем меньше он писал. Хотя следует отметить, что более поздние его произведения имели наибольший успех. Чего стоит один лишь великий «Театр», переживший не одну сотню постановок. Женоненавистник Моэм, казалось, простил женщин. Достаточно вспомнить, с какой любовью он описывает Джулию Ламберт — главную героиню «Театра».

С бывшей женой Моэм так и не помирился. Даже ее смерть не заставила Моэма сказать о Сири хоть одно доброе слово...

А вот с дочерью Лизой, с которой он всегда поддерживал теплые отношения, незадолго до своей смерти поругался. Чтобы избежать налога на наследство, Моэм еще при

жизни превратил виллу «Мореск» в корпорацию и записал акции на Лизу. После этого ему стало казаться, что Лиза и ее муж Джон (ни много ни мало — лорд) ходят по дому и составляют опись имущества. Разумеется, это было не так, но он вдруг ощутил себя чужим в собственном доме и даже судился с Лизой, пытаясь отсудить часть своей знаменитой коллекции картин...

Немногие оставшиеся в живых друзья (когда тебе 90, если ты не заводил новых знакомств, рано или поздно остаешься совсем один) говорили, что Моэм выжил из ума. Тогда еще не умели определять на ранних стадиях болезнь Альцгеймера, но теперь можно говорить, что Моэм страдал именно этим недугом. Он забывал и путал людей и лица, стал жадным, мелочным и скандальным. Его боялись приглашать в гости и смущались приходить к нему, потому что любой гость рисковал тем, что его с позором выгонят из дома.

Только Алан Сирл все время неотлучно находился при нем. За несколько дней до смерти писатель упал в своей спальне без сознания. Когда Алан нашел его, Моэм сказал: «Ну же, Алан, где ты был, я уже много лет тебя ищущу! Я хочу пожать твою руку и поблагодарить за все, что ты для меня сделал».

Это были его последние слова. Через несколько дней, 16 декабря 1965 года, он умер в больнице. Поскольку по французским законам пациентов, умерших в больнице, по-

лагалось подвергать вскрытию, Алан увез Мозма в «Мореск» и объявил, что писатель умер дома.

Похоронили его на территории Королевской школы, где он учился

в юности, — так он просил сам. Не было ни гимнов, ни религиозных обрядов. Человек, всю жизнь рассказывавший другим истории, предпочел умереть молча. □

William Somerset Maugham

W. Somerset Maugham

Трудный случай

Изложенное ниже отнюдь не является выдумкой, в этих строках почти буквально передан эпизод, имевший место в одном специальном лечебном заведении Москвы.

Некий молодой советский писатель, полное собрание сочинений которого недавно вышло в свет, обратился за советом и с просьбой о помощи к видному столичному психиатру.

— Мое обращение покажется вам, вероятно, странным и необычным, профессор, — сказал он, — но не можете ли вы посредством гипноза повысить мою способность к письму?

— Простите, не понимаю.

— Я писатель. Но, видите ли, пишу я как-то механически, без подъема, что ли. Мы, конечно, подобно Анатолю Франсу, отрицаем вдохновенье. Существует только умение приводить себя в рабочее состояние. Но вот это-то, понимаете, мне никак не удается. Сколько ни сижу, сколько ни пишу — не удается. Все дело ведь в том, как расставить слова. И вот, не расставляются, проклятые, как надо!

— Вы давно пишете?

— Три с половиной года.

— И много написали?

— Шесть томов — сорок два листа.

— Гм... порядочно. И все неудачно?

— Представьте.

— И все-таки продолжаете писать?

— Откровенно скажу, как врачу: пережевываю старое.

Профессор подумал с минутку, побарабанил по столу пальцами и осторожно сказал:

— Так, может быть, вам лучше бросить? Счесть, так сказать, эксперимент неудавшимся?

— Но ведь я писатель.

— Что ж, иногда приходится менять профессию. К тому же, это все-таки не то, что землемер или часовой мастер. К этому надо иметь особую способность, особый психический, интеллектуальный склад.

— Но меня печатают!

— И много?

— Все.

— И неудачное тоже?

— Тоже.

— И жеваное?

— И жеваное.

Профессор посмотрел в окно и в раздумье почесал переносицу.

— Видите ли, то умение расставлять слова, о котором вы изволили сказать, иногда называется даже талантом. Насколько я понимаю, вы хотите, стало быть, чтобы я внушил вам талант?

— Талантов не существует, профессор. Это отжившее слово.

— Ну, все равно. Умение... э-э... Как вы сказали?

— ...расставлять слова.

— Предположим. Как же вы реально это себе представляете? Надо сказать: практическая медицина не знает таких прецедентов.

— А как вообще лечат гипнозом? Ну, я лягу на кушетку, вы проделаете надо мной пассы, или как уж там это полагается, и станете внушать: «С этих пор ты пишешь иначе, с этих пор ты правильно расставляешь слова, с этих пор...»

— Гм! По этой теории под гипнозом можно обучить строить железнодорожные мосты, например, и пломбировать зубы.

— Ах, доктор, это же совсем другое. Здесь ведь высшая сфера психики.

Профессор встал и, заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

— Послушайте, — сказал он вдруг, — а зачем, собственно, это вам нужно?

— Что «это»?

— Талант, то бишь, умение расставлять слова. Ведь вы говорите, вас и так печатают?

— Да, но ведь это не вечно! Откровенно скажу, как врач: я и сам это считаю недоразумением. В один прекрасный день кто-нибудь да увидит же, что и слова не так расставлены, да и все это вообще не то. Нет, уж вы не отказывайте, доктор. Я буду благодарным пациентом. Хе-хе... Вам будет посвящена первая же повесть, написанная после всех этих штучек...

— Штучек?

— Сеансов, я хотел сказать.

Профессор в упор посмотрел на него. Он же не опустил честных голубых наивных глаз.

— Вот что, — после некоторой паузы сказал профессор, — принесите мне что-нибудь из того, что у вас напечатано. К сожалению, нет, знаете ли, времени следить за беллетристикой. То да се...

— Я понимаю.

— Принесите и загляните через недельку. Я ознакомлюсь, и тогда поговорим.

И писатель прислал пятый том своих сочинений и зашел через неделю.

— Я прочел вашу книгу, — сказал профессор, — и отметил некоторые места. Например, вы пишете: «Смычка — так звали дочь старого политка-торжанина Еремина — блистала зубами, ослепительными, как янтарь». Ведь янтарь желтый. Значит, она блистала желтыми зубами?

— Это поэтическая вольность.

— Ну, не знаю. Или вот: «Дом и мебель были в стиле боярина семнадцатого века с витыми ножками». У кого же витые ножки? У боярина, у дома или у мебели?

— Ну, профессор, это детали.

— Да, а вот еще: «Он постепенно вскрыл пинцетом выпершую кость». Во-первых, костей не вскрывают, а во-вторых, пинцетом вообще вскрыть ничего нельзя. Вы спутали пинцет с ланцетом. Потом вы пишете: «У мечети заржала кобылица, голубая лазурь которой сияла на солнце». Как же это так — голубая кобылица?

— Мечеть, а не кобылица.

— А сказано кобылица.

— Профессор, право же, это частности, давайте ближе к делу.

— Извольте. Я уклоняюсь от... лечения.

— Почему?

— Случай слишком трудный.

— Вы считаете науку бессильной?

— Я считаю, что, поскольку существуют школы второй ступени, внушать посредством гипноза, что корова не пишется через «и» с точкой, нет никакой надобности.

— Однако, доктор, я попросил бы вас выбирать выражения. У меня имя. Я сорок два листа написал.

Профессор вдруг вскочил и закричал, потрясая пятым томом сочинений клиента:

— Дрова пошли бы пилить! Арбузы на баржах грузить». Асфальт в котлах месить! Стыдитесь! Голубая кобылица! Янтарные зубы! Подъезжая к станции и высунувшись в окно... Учиться надо! Грамматике учиться, а не гипнозы выдумывать!..

...Одеваясь в передней, писатель бормотал обиженно, долго шаркая в полутьме ногами и никак не попадая в калоши:

— Раскричался, скажите, пожалуйста! Дрова пилить! Асфальт мешать! Сам иди мешай, старая песочница! Назло тебе, дураку, еще сорок листов напишу. И напечатают! Ну, пинцет, ну, янтарные зубы, ну, ошибся... Подумаешь, Художественный театр!..

Кинорассказ

События в этой фантастической истории разворачивались необычайно стремительным темпом.

Около шести часов вечера директор московской текстильной фабрики Павел Дмитриевич Селезнев, возвращаясь домой, сел или, точнее, встал в прицепной вагон трамвая семнадцать близ Новодевичьего монастыря. В вагоне была страшная теснота, стоя на одной ноге и ухватившись левой рукой за кожаную держалку, правой директор достал, тем не менее, и развернул на голове

стоявшего впереди томик Чехова, которого любил перечитывать в минуты досуга. Книга раскрылась на рассказе «Дама с собачкой». Стоящий впереди, почувствовав нечто инородное на темени, обеспокоено спросил, тщето пытаясь обернуться:

— Кто у меня на голове?

— Дама с собачкой, — машинально ответил, скользя взглядом по раскрытой странице, директор.

Стоящий впереди сказал возмущенно и растерянно:

— Безобразие какое! С собачками с передней площадки надо!

Началось объяснение. В это время какая-то небритая и подозрительная личность, протаранивая сплошную массу спрессованных человеческих тел, стала пробираться с задней площадки к выходу.

— Теснота какая, что прямо рук девать некуда! — сказала личность на ходу.

— То-то вы их в чужие карманы суете! — сторонясь подозрительно, ответил кто-то в толпе.

Поравнявшись с директором в самый разгар страстей и учтя, видимо, благоприятную ситуацию момента, личность неожиданно и с силой наступила на директорскую ногу. Сморщившись от боли, директор ринулся вбок.

— Послушайте, вы стоите на моей ноге!

— А что? — хладнокровно спросила личность, бегая плутоватыми глазками и попутно шаря руками по карманам директорского пиджака. — А что? Разве вам уже выходить?

Пока директор подыскивал и варьировал, закипая, приличные случаю слова, личность протиснулась, пробуравив толпу, к выходу и сошла на углу Плющихи и Арбата, прорывав с площадки на прощанье:

— Аристократы какие! Кто аристократ, пусть в автомобиле ездит!

Слезши у Манежа, директор через десять минут входил уже в свою коммунальную квартиру в Газетном переулке. Кроме него, там жили еще Иван Сергеевич Пронин, слесарь с завода «Динамо» с семьей и профессор одного из московских вузов с женой и попугаем, обученным произносить три фразы, которыми он и оперировал, применяясь к обстоятельствам, во всех случаях жизни.

— Добрый вечер! Заходите, здесь уютно! — закричал он теперь, увидев входящего директора. Так он приветствовал каждого, переступающего порог передней, где висела его клетка.

Директор, успевший уже остыть после инцидента в вагоне, улыбнулся и, шутиливо дразня птицу, почесал пальцем у себя за ухом. Попугай тотчас потешно скопировал жест и сказал, склонив набок хохлатую головку:

— Ха-ха! Не смешите попку!

Директор подошел к своим дверям, на ходу привычно нащупывая ключ в кармане. Увы, в итоге двухминутного объяснения с небритой личностью в трамвае в кармане не оказалось ни ключа, ни бумажника! В недоумении и растерянности остановился директор у запертых дверей. Черт возьми, как же войти теперь внутрь? Он попробовал рвануть за ручку, нет, дверь, конечно, не поддавалась. Попробовал ковырнуть в замке спичкой, спичка сломалась и юркнула куда-то внутрь. Попытался просунуть в скважину мизинец, он влез, но застрял, и, вытаскивая его назад, директор содрал заусеницу. Наконец он заглянул, присев на корточки, внутрь замка и для чего-то подул, подняв пыль, в скважину, но в скважине было темно, торчали какие-то бугорки и смутно виднелись какие-то выемки, все было очень таинственно и непонятно, а от пыли стало щемить в носу и захотелось чихать.

Постояв и повозившись беспомощно еще с минуту у запертых дверей, директор постучал к профессору: может быть, подойдет его ключ? Профессор вышел в халате и ермолке, важный, строгий, значительно глядя поверх очков. Узнав, в чем дело, он любезно предложил свою помощь. Вдвоем с директором они попробовали ключ, однако он не подходил.

Выплыла и профессорша с вязаньем в руках, она предложила поковырять в замке спицей. Поковыряли, но дверь не открывалась. Тогда в ход были пущены поочередно сначала щипцы для завивки волос, потом головная шпилька, потом зубная щетка, потом металлический стержень от старого зонтика, валявшегося в углу, но замок не поддавался, и проклятая дверь держалась, как впаянная.

— У одного немецкого автора я читал, — сказал тогда профессор, — что в таких случаях следует предварительно смазать механизм маслом.

Он вынес масленку и, орудуя ножом, один за другим стал засовывать в скважину куски прекрасного, желтого, ароматного сливочного масла. Оно скользило, таяло и исчезало в скважине бесследно, как в прорве. Каждый раз при этом, когда он засовывал очередной кусок, профессорша, которая стояла рядом, делала конвульсивное глотательное движение, как-то судорожно переступала, точно ее поставили на горячие угли, с ноги на ногу и незаметно щипала его сзади за руку.

— Что ты? — спрашивал, оборачиваясь и глядя поверх очков, профессор.

— Ничего, это нервное, — говорила профессорша и, в подтверждение душевной неуравновешенности, дергала нижней губой.

Наполовину опорожнив масленку, профессор удовлетворенно сказал:

— Теперь, я думаю, промаслилось.

Они вновь пустили в ход шпильку, спицу и старый нож-секач, который принесла из кухни профессорша. Но замок не поддавался, нож, когда его

засунули в щель, сломался, шпильки гнулись, а спица прошла насквозь, упала по ту сторону дверей, и у профессорши соскочила и распустилась одна петля в вязанье.

— Ха-ха! Не смешите же попку! — поминутно кричал сверху попугай, наблюдая сцену. Необычное оживление, царившее в передней, развеселило его, он танцевал по жердочкам, стучал клювом о дверцу клетки, смеялся, щелкал языком и всем своим видом и поведением показывал, что очень доволен происшествием, нарушившим сонный и однообразный покой его пленной жизни.

Хуже всего было то, что никто не знал, что, собственно, надо делать с замком, чтобы его открыть. Директор предполагал, что в скважине есть шпенек, который надо повернуть направо, профессор высказывался в том смысле, что там находится язычок, который, напротив, следует подать влево, профессорша же, игнорируя и шпенек и язычок, утверждала, что надо просто нажать и открыть.

Они стояли перед обычным дверным замком — трое взрослых и культурных людей — с тем же чувством и так же беспомощно, как стояли бы трое дикарей с каких-нибудь Соломоновых островов перед электровозом, который им предложили пустить в ход.

— Одну минуту! — таинственно сказал вдруг профессор, устремляясь в кабинет. — Одну минуту!

Тотчас же он показался опять с томом энциклопедии в руках.

— Заутреня, заседатели, запой, Замбези, заклинатели, — бормотал он, перелистывая страницы. — Ага, вот! Замки! Замки бывают ассирийского, египетского и греческого типов, винтовые, секретные, комбинационные и параутопические. Так, самое главное выяснено. Гм... Гм... Зная механизм замка, его можно открыть даже гусиным пером... Видите, как просто!

— Тогда открывайте! — иронически посоветовал директор.

— Но не зная механизма, — угасая, дочитывал профессор, — но не зная механизма... гм... гм... замок можно взорвать только порохом.

— Ну, я думаю, чем вызывать саперную роту, проще сходить за слесарем, — желчно сказал директор. — Старик Брокгауз стреляет по воробьям из пушки.

Постучали к Ивану Сергеевичу Пронину, соседу и слесарю с «Динамо». Но тот как раз работал в ночной смене, дома были только жена и сынишка, пионер Костя, мастеривший модель планера за домашним верстаком. На верстаке среди груды дощечек, опилок, планок, гвоздей и обрезков проволоки и резины лежала раскрытая на отделе стратосфер толстая захватывающая книга под названием «Хочу все знать». Увлеченный работой, Костя даже не обернулся, когда директор, постучав, вошел в комнату.

Жена Пронина посоветовала попросту с силой рвануть дверь и распахнуть створки, обещая, что, когда утром вернется муж, все будет исправлено в пять минут.

На дверную ручку намотали, чтобы удобнее было брать, крепкое мохнатое полотенце, за один конец ухватился директор, за другой взялся, строго оглядев всех поверх очков, профессор с женщинами.

— Ха-ха! Не смешите же попку! — прокричал сверху, весело танцуя на жердочке, попугай и свистнул вдруг, точно подавая сигнал к действию, озорным свистом.

— Дружно, вместе! — сказал директор. — Р-раз!..

Они дернули, и... в следующее мгновение вырванная с мясом, с шурупами, тощая ручка отлетела от дверей. Падая, директор больно ударился локтем о дверной косяк, а профессорша свалила старые, намотанные на высокие палки гардины, стоявшие в углу. Гардины с грохотом полетели вниз, и одна из них зацепилась на ходу за шнур электрической проводки. Внезапно погас свет...

— Кошмар! — сказала профессорша, чиркнув спичкой и зажигая свечной огарок. — Я боюсь мышей! Что же теперь делать?

— У одного немецкого автора я читал, — внушительно оглядел всех поверх очков профессор, — что это случается, когда перегорает старая пробка.

Пробка. Профессорша открыла тотчас одну из корзин, стоявших в передней и наполненных всяким хламом.

— Это, кажется, новая! — сказала она, извлекая пробку из пыльной боржомной бутылки.

Профессор взял пробку, разглядел ее внимательно сквозь очки, помял пальцами и для чего-то даже понюхал. Действительно, пробка была новая. Но куда ее вставлять, собственно? Подняв голову, он оглядел проводку, все было как будто на месте, в порядке, и никаких перегоревших деталей видно не было. Он беспомощно взглянул на директора.

— Стыдно! — раздраженно сказал тот. — Стыдно! Вы профессор, я директор фабрики, а до чего безграмотны!

— Позвольте, однако!

— Что же позволять? Под моим началом работает три тысячи человек, я управляю одним из крупнейших предприятий Москвы, и, кажется, неплохо управляю. Вы обучаете и воспитываете целое поколение будущих социологов, лингвистов, педагогов, психологов, практиков и теоретиков науки, и, кажется, тоже неплохо воспитываете и обучаете. А дверного замка открыть мы с вами не умеем! А когда сгорела пробка в электричестве, стоим и только глупо хлопаем ушами. А ведь это азы техники, которые каждый должен знать в нашей стране. Стыдно, стыдно! Это невежество!

— Милостивый государь! — возмущенно запахнул халат профессор. — Милостивый государь! Я — член трех академий и автор мировых работ в области аудиции, перцепции и морфем ариоевропейских языков!

— Ну вот, вооружитесь вашими перцепциями и зажгите свет!

— И зажгу, черт возьми! Давайте пробку!

Кряхтя, он влез на стул, добрался до проводки и, ткнув в нескольких местах пробкой в шнур, спросил:

— Не горит?

— Представьте, даже не тлеет, — косо и ехидно усмехнувшись, ответил директор. — Выбросьте эту пробку в ящик с мусором.

— Почему, смею спросить?

— Потому что это пробка боржомная, а не электрическая. Чинить ею проводку — это то же, что поджигать дом антоновым огнем. Давайте уж лучше я.

Теперь влез на стул директор. Но едва он дотянулся до коробки с предохранителями, ток ударил ему в ладонь и мелкими иголками мгновенно пронзил все тело. Он испуганно отдернул руку и сказал, слезая:

— Ну его, к черту! Такое ощущение, будто волосы шевелятся...

— Странно! — сказал профессор, сняв ермолку и поглаживая совершенно лысую голову. — Странно! А у меня не шевелились...

Профессорша вспомнила, что, кажется, этажом выше живет монтер, чинивший как-то лифт в доме. Директор нахлобучил кепи и вышел, сердито хлопнув дверью.

— До свиданья! — напутствовал его попугай третьей из фраз, которой был обучен. — Не забыли ли вы носовой платок? Наденьте галстук!

Этажом выше директор увидел на дверях написанную от руки табличку: «Частный монтер Зверев, он же канализация. Семь долгих, одиннадцать коротких». Но частный монтер Зверев спускаться вниз наотрез отказался: в этот день он женился, и в квартире справляли свадьбу. Когда директор стал настаивать, монтер сказал, возмущенный человеческим эгоизмом:

— Что же мне, из-за вашей пробки холостым оставаться?!

И захлопнул дверь.

С растерянным и унылым видом вернулся директор назад. В передней, освещаемой лишь свечным огарком, было полутемно, дорогу преграждали упавшие гардины, из опрокинутых корзин вывалился хлам, и весь пол был усеян старыми калошами, тряпками, обрывками бечевки и бумага.

— Заходите! Здесь уютно! — приветствовал его попугай.

— Ну что? — спросил профессор, опуская половую щетку, которой уже десять минут тыкал в тщетной надежде во все концы проводки: авось загорится.

— Занят! — лаконически ответил директор. — Женится, черт бы его подрал! Нашел время!

Опустив руки и задрвав кверху головы, они стояли теперь все четверо, в полнейшем недоумении разглядывая в полутьме вившиеся под потолком вдоль стены провода. И здесь все было загадочно и непонятно точно так же, как и в замке.

Неожиданно из своей комнаты показался, тоже со свечой в руках, пионер. Границы происшествия, поскольку погас свет, расширились, и ему волей-неволей пришлось оторваться от увлекательной работы над планером и спуститься со стратосфер на землю. Вначале на него не обратили внимания, и только мать сказала рассеянно и с досадой:

— Не вертись под ногами! Спать пора!

Он молча отошел в угол, молча примостился на днище опрокинутой корзины и молча стал выворачивать один за другим карманы штанов и юнгштурмовской блузы. Оттуда посыпались десятки великолепнейших и бесценных вещей и предметов — гильзы от патронов, свисток, медные пуговицы, гвоздики, винты, веревочки, огрызки карандашей, стеклышко от часов, роговые пластинки, колесики... Он порылся в сонме этих сокровищ, извлек кусок электрической проволоки, размотал жгут на волоски и влез на стул. Общее равнодушие сменилось теперь общим напряженным вниманием, и четыре пары глаз с надеждой вперились в него, и четыре свечи тотчас подбостранно были подняты вверх, едва он сказал, что ему темно. Он обмотал один конец проволочки поверх металлической резьбы пробки, другой подложил, скатав его шариком, под нижний контакт, повернул пробку и... через мгновение вспыхнул свет!

— Остроумно! — сказал профессор, внушительно глядя поверх очков. — Очень остроумно! Давно изобретен этот способ, молодой человек?

— Давно, — слезая со стула, ответил Костя. — Тогда еще Карл Маркс пионером был. Ну, что там у вас еще?

Порывшись опять в карманах, он достал большой гвоздь, слегка изогнул и сплющил его на конце, сунул в скважину замка, надавил снизу на пружину, отвел собачку и так же быстро и ловко открыл дверь.

— Ну, вот видите, — сказал директор, когда пионер ушел, чтобы вновь витать в стратосферах, — вот видите! Вы — академик, я управляю заводом, но когда у нас перегорела пробка, мы оба стоим перед ней с таким видом, точно нам нужно решить задачу о квадратуре круга. А пришел десятилетний карапуз и все сделал в пять минут. Разве не стыдно?

— Чтобы чинить замки и пробки, есть специальные люди.

— Это психология барства.

— Это закон всякого общества. Знания и профессия требуют дифференциации. Всезнайство ведет к регрессу.

— Я не проповедую всезнайства. Но когда человек настолько беспомощен, что вставляет боржомные пробки в электрическую сеть, — это уже

невежество. Допустим, у нас не качает поршень в примусе. Все дело в том, чтобы подвернуть какую-то гайку или шайбу, и это можно сделать ровно в пять секунд. Но мы не знаем, что это за гайка, и как ее нужно вернуть, поэтому несем примус в мастерскую, где с нас дерут десятку, да еще смеются и издеваются за глаза и говорят о нас, хоть мы и во всеоружии дифференцированных знаний, как о дураках с шальными деньгами. Кстати, локоть у меня все-таки чертовски ноет. Надо бы положить компресс. Разрешите воспользоваться вашим примусом?

— Пожалуйста, — сказал профессор, сделав широкий и любезный жест, и тотчас же смущенно запахнул халат. — Но какое странное совпадение! С утра в примусе вот именно не качает поршень!

Вдвоем они отправились в кухню и осмотрели примус. Поршень не действовал. Они попытались вытащить его, чтобы осмотреть, но забыли отвернуть зажимное кольцо, и поршень не шел. Тогда директор с силой рванул его, сломав одну из трех дужек, на которые ставится посуда. Поршень был извлечен, но что с ним делать, они решительно не знали.

— Давайте я надую, — сказал профессор, — а вы заткните дырку пальцем.

Раздув щеки и работая легкими, как мехами, он надул примус и подал знак директору. Тот быстро заткнул пальцем поршневое отверстие. Примус загорелся, но директор оказался прикован к нему, как каторжник к тачке, дужка была сломана, и одной рукой он держал чайник над огнем, а пальцем другой зажимал дырку, чтобы не вышел воздух. Вдруг у него странно задергались губы и щека.

— Нос чешется, — страдальчески сказал он профессору. — Почешите нос! Профессор почесал, внушительно глядя поверх очков.

— Левее, выше! — ежась и тряся ногой, попросил директор.

Профессор почесал правее и выше.

— Правее, ниже! — нетерпеливо подставил лицо директор.

Профессор почесал правее и ниже, но снова не там, и, следуя указаниям директора, добрался до виска.

— Странно! — сказал он. — Весьма странно! Первый раз вижу, чтобы нос помещался в ухе!

Он так и не нашел места, которое чесалось, и, не выдержав, директор выдернул палец из дырки. Примус тут же погас, а когда они попытались снова разжечь его прежним способом, он почему-то уже не загорался. Поцелкав по меди пальцем, профессор сказал:

— У одного немецкого автора я читал, что в таких случаях следует предварительно наполнить резервуар газOLIном.

Они стали наливать горючее, несмотря на то, что в чашечке еще догорал спирт, и директор пролил при этом добрых пол-литра на плиту. Огонь перебросился вниз, и через секунду вся плита была охвачена пламенем.

Начался пожар. Вначале оба долго и бестолково метались по кухне, пытаясь залить горящий керосин водой, которая только усиливала огонь, потом профессор кинулся к телефону, чтобы вызвать пожарную команду, а директор побежал за огнетушителем, висевшим на площадке парадной лестницы. Но телефон, как назло, не отвечал, и профессор стал неистово стучать по рычажку. Директор же, схватив огнетушитель, кинулся с ним в кухню, но как привести в действие этот прибор, который он впервые в жизни сейчас держал в руках, он не знал.

В квартире началась паника.

— Вещи! Господи, вещи! — кричала профессорша, метаясь с растрепанными буклями по комнатам. — Хоть бы самое ценное спасти!

Через минуту она появилась в коридоре, торопливо направляясь к дверям и держа в руках, под мышками и прижимая к груди в качестве самого ценного две диванные подушки, фикус, клизму, веник, утюг, мясорубку и облезлую сапожную щетку.

Попугай, увидев ее, сказал, сделав антраша на жердочке:

— До свиданья! Не забыли ли вы носовой платок?

Ах, да, носовой платок! На мгновение она остановилась как вкопанная, потом круто повернулась и кинулась к комоду...

Жена слесаря Пронина, выбросив часть вещей через раскрытое окно во двор, кинулась будить мальчика.

— Вставай! Беда! Керосин горит!

Он зашевелился, с трудом приподнял отяжелевшие веки и сказал:

— Растяпы! Честное пионерское, растяпы! Тряпками накройте. Спать хочу! — И повернулся к стене.

Кое-как огонь забросали тряпьем, старыми пальто и одеялами. Внезапно заработал и огнетушитель, шляпкой которого директор случайно ударил о стену.

Пожар был потушен. Но тут жильцы заметили вдруг, что бродят по щиколотку в воде. Оказалось, что впопыхах директор с профессором забыли закрыть водопроводный кран, из которого брали воду, заливая огонь. Теперь все кинулись к крану, но он почему-то не закрывался, вода продолжала хлестать поверх раковины на пол. Чтобы исправить положение, директор схватил тяжелый медный пестик от ступки и ударил им по ручке. Кран повернулся, но вода неожиданно хлынула еще сильнее, и механизм не поддавался никаким усилиям: директор свернул резьбу... Можно было бы закрыть верхний, запасной кран, но о существовании его никто не знал, и в квартире этажом ниже начался потоп.

Через час все комнаты и коридор были уже настолько залиты водой, что она доходила людям до пояса. Профессорша взгромоздилась на комод, профессор расположился на туалетной тумбе, директор влез на шкаф с книгами и, выжимая мокрую одежду, язвительно спросил у профессора:

— Ну-с-с, что же нам делать на вершинах дифференцированных знаний? Не читали ли вы чего-нибудь по этому поводу у немецких авторов?

Профессор, расшнуровывая ботинки, угрюмо ответил:

— Кажется, там сказано, что лучше всего послать за слесарем.

— Вы думаете, он уже женился?

Профессор поднял голову и прислушался. На втором этаже, где помещался частный monter Зверев, было шумно, слышался нестройный топот ног, глухая возня, чьи-то вскрики.

— Судя по акустике, — сказал профессор, — он уже разводится.

Вода поднималась все выше и выше, добралась уже до комода, покрыла его, и профессорше, чтобы не мокнуть, пришлось подложить под ноги томик Лермонтова. Потом его оказалось мало, и профессор перебросил ей с этажерки второй, затем третий, пятый, седьмой... Профессорша стояла на комодe, как монумент, упираясь головой в потолок. Когда вода покрыла и этот пьедестал, а подкладывать было больше нечего, она презрительно и возмущенно выкрикнула:

— Всего семь томов! А еще Лермонтов! Говорила же — лучше Поль де Кока купить!

— Отвернись! — тоном человека, принявшего решение, сказал жене профессор, расшнуровав башмаки и отстегивая подтяжки. — Отвернись, Павел Дмитриевич.

Он разделся, остался в одних трусах и в очках и пальцами тощей ноги попробовал воду. Вода была чертовски холодна. Но профессор, вытянув руки вперед жестом профессионала, спрыгнул вниз и поплыл к дверям. Ахнув, профессорша сорвала со стенки игрушечный спасательный круг с надписью «Ялта» и бросила ему вдогонку.

Увидев плывущего профессора, попугай приветливо сказал:

— До свиданья! Наденьте же галстук!

Профессор доплыл до комнаты слесаря Пронина и скрылся за дверью. Через несколько минут они появились в коридоре уже вдвоем с пионером. Ехали они в корыте, употребляемом для стирки белья, профессор сидел посередине, внушительно глядя поверх очков, а пионер загребал на корме веником, направляя «корабль» в кухню.

Они подплыли к водопроводу, и Костя закрыл верхний кран. Струя была остановлена.

За ночь воду выкачала насосами вызванная пожарная команда, а утром слесарь Иван Сергеевич Пронин, придя со смены, стал чинить кран и проверять электрическую проводку в квартире. Работая в кухне, он увидел, как открылась профессорская дверь, и профессор, почему-то озираясь, направился к его, Пронина, комнате. Почти тотчас же вышел и директор и двинулся туда же. Увидев друг друга, они быстро разошлись по своим комнатам, но

через минуту директор выглянул опять и торопливо прошел в комнату слесаря. Тут же появился профессор и направился туда же. Они опять столкнулись, потому что директор уже шел назад, держа в руках какой-то предмет, и снова разминулись, профессор скрылся в комнате Пронина и тоже быстро вышел оттуда, в свою очередь, пряча какой-то загадочный предмет под халатом.

Увидев слесаря, чинившего кран, он остановился и, внушительно глядя поверх очков, сказал:

— У одного автора я читал, что по теории средних чисел в Москве теряется вследствие неисправности кранов около ста тысяч ведер воды в сутки.

— Интересно, что такое средние числа? — работая ключом, спросил Пронин.

— Вы слесарь — зачем вам это?

— Не хочется быть неучем, — пожал плечами Иван Сергеевич.

— Что ж, зайдите, — после паузы сказал профессор. — Зайдите, я все объясню, это очень просто.

— Хорошо, зайду, только шпindelь направлю.

Теперь уже профессор спросил, поправляя очки:

— Интересно, что такое шпindelь?

— Вы профессор — зачем вам это?

— Не хочется быть неучем.

— Что ж, я объясню, это очень просто.

Они встретились глазами и улыбнулись друг другу...

У себя в комнате профессор достал из-под полы загадочный предмет. Это была чудесная Костина книжка «Хочу все знать». Он развернул книжку на отделе замков и с упоением погрузился в чтение. Сквозь стенку слышалось невнятное бормотание соседа: это директор штудировал по второму экземпляру главу об электрических проводах.

Минут двадцать спустя профессор поднялся с места и, изогнув и расплыв между створок стола конец большого ржавого, извлеченного из корзины гвоздя, украдкой взглянув на жену, подошел к двери и запер ее изнутри.

Жена, тем временем, выжала тряпку, которой убирала лужи на полу и в углах, и с ведром пошла к дверям. Они оказались закрыты, а ключа в них не было. Охая и ахая, она обыскала всю комнату и возмущенно сказала профессору:

— Ты не оглох? Слышишь, ключ потерялся!

— Ну, и что такого, — как можно равнодушнее ответил профессор. — Потерялся — и потерялся. Подумаешь, происшествие! Посвети! Обыкновенный комбинированный замок ассирийского типа...

Он вставил гвоздь в скважину, надавил на пружину, отвел собачку, торжественно распахнул дверь, и... как раз в этот момент в квартире неожиданно погасло электричество.

Это директор, кончив главу о проводах, прокрался на цыпочках в коридор и оборвал волосок в предохранителе, тотчас скрывшись обратно к себе.

Снова все высыпали в переднюю со свечками в руках, не было лишь Ивана Сергеевича Пронина, только что ушедшего с сыном на улицу.

— Опять! — расстроено сказала профессорша, когда из дверей своей комнаты появился директор. — Павел Дмитриевич, вы слышите? Опять перегорело.

— Ну, и что такого? — придав скучающее выражение лицу, сказал директор. — Перегорело — и перегорело. Подумаешь, несчастье! Обыкновенная пробка нормального сечения на шесть ампер. Посветите!

Он встал на стул, вынул приготовленный заранее волосок, вставил его, и через секунду вспыхнул свет...

В это время постучали в дверь. Оказалось, явился с лестницей монтер Зверев. Лицо у него с похмелья было заспанное и опухшее.

— У вас пробки сгорели? — спросил он хриплым голосом, облизывая пересохшие губы. — Ну, я пришел. Только это дело серьезное, тут целый день проканителишься. Я за это дело меньше двух синеньких не возьму.

Запахнув халат, профессор иронически оглядел его поверх очков и язвительно спросил:

— Уже женились? Привет супруге!

Ничего не понимая, монтер озадаченно посмотрел на него.

— Милостивый государь! — строго сказал тогда профессор, наступая на него. — Мы сами грамотные люди!

Монтер попятился к дверям. Попугай, сделав курбет на жердочке, насмешливо крикнул:

— До свиданья! Ха-ха!

Монтер вышел, и сквозь раскрытую дверь стало видно, как слесарь Пронин с сыном наклеивают какое-то написанное от руки объявление на площадке лестницы. Все вышли, чтобы взглянуть, в чем дело.

Объявление гласило: «Организуется кружок по овладению бытовой техникой. Запись у пионера Кости Пронина в квартире № 3». Вокруг собирались любопытные жильцы других квартир. Костя, чтобы не сдавать темпов, тут же вытащил блокнотик и огрызок карандаша и начал запись. Желающих оказалось много, и пришлось установить очередь.

Профессорша, которая замешкалась в передней, вышла последней и, увидев очередь и направляясь торопливо в хвост, сказала:

— Кто последний? Я за вами! □

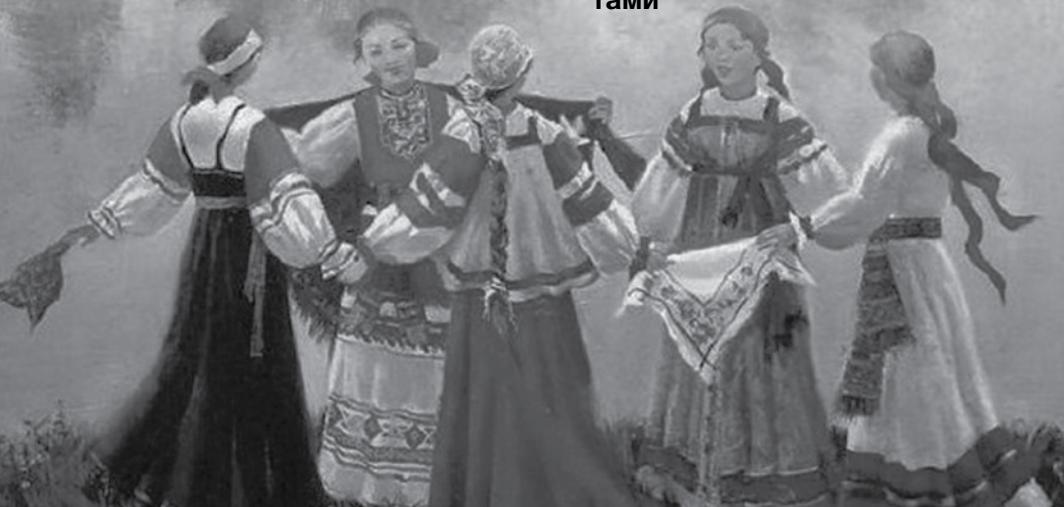
Недавнее успешное выступление «Бурановских бабушек» на Евровидении стало сенсацией. Многие связывают эту победу с началом возрождения русского народного песенного творчества. Сегодня, к сожалению, русская народная песня

М

еснь

Татьяна Харламова

в загоне, ее редко услышишь по радио или по телевидению, а старые пластинки с записями Федора Шаляпина, Лидии Руслановой, Александры Стрельченко, Ольги Воронец, Людмилы Зыкиной давно уже стали раритетами

народа

Между тем, ни один народ в Европе не имеет такого богатства песен и напевов, красивых и оригинальных, как русский. Еще в 18-м столетии наши песни поражали зарубежных музыкантов свежестью и музыкальной красотой. Например, композитор Паизиелло, услышав русские песни, не мог поверить, что это «случайное творение» простых людей. Он, как и многие другие музыкальные деятели, был уверен, что песни написаны настоящими профессионалами. Позже композитор Антон Рубинштейн, опасавшийся за будущность европейской музыки, единственным залогом ее развития видел в полном самобытных красок музыкальном фоне, какой представляла собой русская народная песня. Ее обаяние в единении мелодии и текста, особенностях ритма и

многоголосного исполнения, в приущем ей юморе, причем веселое озорное содержание порой сопровождается минорной мелодией.

Сюжеты русской народной песни невероятно разнообразны, они охватывают весь строй крестьянской и городской жизни, все события, от колыбели до смерти.

Некоторые народные песни напоминают даже молитву. Прослушать их в талантливом исполнении — все равно, что пройти через катарсис, очищение души. А уж что ощущали и ощущают сами исполнители...

Очень ярко описал свои впечатления от слушания таких песен великий классик Иван Сергеевич Тургенев в рассказе «Певцы» из цикла «Записки охотника». В рассказе идет речь о состязании двух крестьян-певцов в кабаке, и подробно описы-

вается, как певцы «входят в образ», настраиваются психологически.

...«Не одна в поле дороженька пролежала» — пел он, и всем нам становилось сладко и жутко. Он пел, и от каждого звука веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь разливалась перед нами, уходила в бесконечную даль...»

С исполнения именно русских народных песен началась карьера великого певца Федора Шаляпина.

«Я считаю знаменательным, — писал он, — и для русской жизни очень типичным, что к пению меня приобщили простые русские мастеровые люди. Русские люди поют с самого рождения. Так это было в дни моего отрочества. Народ, который страдал в темных глубинах жизни, пел как страдальческие, так и до отчаяния веселые песни. А как хорошо пели!.. Чтобы песня по-настоящему звучала, надо было ее душой прочувствовать до боли...»

Возможно, в этом и заключается секрет мощного воздействия русской народной песни на слушателей? Она не терпит фальши и равнодушия и требует полной самоотдачи при исполнении. Чтоб душа взлетала до небес, или билась, как раненая птица об землю, или стонала, как стонут деревья во время бури...

Одной из самых выдающихся народных певиц 20-го столетия была Надежда Плевицкая. В исполнении русской песни она была то же, что Анна Павлова в русском балете. Но Анна Павлова известна всем, а вот о

том, какие трагические хитросплетения преподносила судьба певице, мало кто знает. Ее жизнь — это и своеобразная сказка о Золушке, благодаря таланту и предприимчивости попавшей в царский дворец, и трагедия погубленной любви. Она стала жертвой кровавого века и своих неукротимых страстей.

Девочка из деревни Винниково под Курском из средней крестьянской семьи начала петь очень рано. Пасла гусей на лугу и пела, пела на ярмарках, в ресторанах и постепенно добралась до Москвы, до знаменитого «Яра». Она так вспоминала свое первое выступление в «Яре»:

«В зале обычно шумели. Но когда на занавес выбрасывали аншлаг с моим именем, зал смолкал. Бутылок множество, и выпито немало, а в зале такая страшная тишина. Такое необычайное внимание я не себе приписывала, а русской песне. Я только касалась тех тихих струн, которые у каждого человека так светло звучат, когда их тронешь».

После первых же концертов в Москве и Петербурге Надежда Плевицкая «проснулась» знаменитой. Кугель, один из самых известных музыкальных критиков того времени, побывав на ее концерте, дал многостраничный восторженный отзыв, в котором были такие слова: *«Песни Плевицкой для национального самосознания и чувства дают в тысячу раз больше, чем все гунявые голоса всех гунявых националистов, взятых вместе. Этих гунявых голосов часто сты-*

Федор Шаляпин

дишься, тогда как песни Плевницкой рождают любовь к родной красоте, и гордишься тем, что можешь так чувствовать красоту речи, красоту напевности, дух и сущность сказываемой песни. Хочется быть русским, когда слушаешь Плевницкую...» Кончалась статья на очень высокой ноте: «Я не хочу вина, чаю, шоколаду... Дайте мне стакан чистой воды. Живой, чистой влаги, или песни Плевницкой, или сказки, или полевых цветов и свежего сена...»

Плевницкая получала баснословные гонорары, ее обожали, перед ней преклонялись, швыряли цветы и драгоценности к ее ногам. Ей протезировали самые знаменитые люди

России. С ней дружили Шаляпин, Собинов, Коровин, Станиславский, Мамонтов. Она была любимой певицей последнего русского царя.

Государь Николай II действительно любил и ценил русскую песню как никто из высокопоставленных персон того времени. А. Мосолов, один из министров двора, организовавший концерт певицы во дворце, запомнил фразу, сказанную царем певице после концерта: «Мне думалось, что невозможно быть более русским, чем я. Ваше пение доказало мне обратное: признателен вам всем сердцем за это ощущение.»

Крестьянке из деревни Винниково выпало счастье петь перед госуда-

Надежда Плевицкая

рем. Он, так любивший Россию и все исконно русское, знал наизусть все ее песни и плакал, когда ее слушал.

Потом была великая любовь, Первая мировая, фронт, потеря любимого человека, скитания. Она пела для белых, пела для красных. После долгих мытарств осела вместе с мужем, генералом Скобиным, в Париже. Они, как и большинство эмигрантов, оказались нищими. Единственным их богатством был голос Надежды. Слушать Плевицкую шли, как и в России, — толпами. Талант Плевицкой был признан не только русскими эмигрантами, для которых ее песни были памятью о прошлом, но и теми, кто стоял неизмеримо выше на лестнице музыкального ис-

кусства. Сергей Васильевич Рахманинов очень ценил Плевицкую, иногда даже аккомпанировал ей во время концертов. В 1926 году он аранжировал для хора и оркестра три песни из ее репертуара.

Но приближалось смутное время, которое Плевицкая предпочла бы забыть. Она оказалась благодаря мужу замешанной в одной грязной шпионской истории. Был громкий процесс — генерал Николай Скоблин и певица Надежда Плевицкая обвинялись в шпионаже в пользу коммунистической России, в предательстве, похищении и смерти генерала Миллера. В этой истории много темного и загадочного. В итоге, Надежда Плевицкая получила двадцать лет ка-

торги. По одним сведениям, она умерла в женской каторжной тюрьме накануне Второй мировой войны, по другим — ее казнили занявшие север Франции фашисты. Таков трагический финал жизни великой народной певицы, которую называли «курским соловьем»...

Громадный вклад в популяризацию русской народной песни внесла и прекрасная певица Лидия Русланова. Она обладала не только уникальным голосом, но и великолепной музыкальной памятью. Ее репертуар был невероятно обширным. Она знала так много песен — поволжских, среднерусских, казачьих, северных, что поражала опытных фольклористов. Каждая ее песня становилась небольшим спектаклем из русской народной жизни. *«Как затянешь песню, — говорила она, — и тяжелая работа не в тягость, и горе — не горе».*

Выступая в конце двадцатых годов на слете ямщиков, Русланова рассказывала, что существует более восьмидесяти песен только о ямщиках. Она исполняла около тридцати...

К сожалению, в наше время русская народная песня оказалась на обочине музыкального искусства. Сегодня известно не так много исполнителей, посвятивших себя этому жанру. Среди них одна из самых ярких звезд — Татьяна Петрова.

Ее благословил как певицу покойный митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн.

«Однажды мы разговорились у него в приемной, — вспоминает Татьяна, — и я спросила, правильно ли, что пою церковные песни в концертных залах. Он ответил: «Правильно. И не зовись артисткой. Потому что ты не играешь, а каждый раз проживаешь песню. Поэтому зовись певицей». Эти слова были бальзамом для моей души. И потом он еще добавил, что песней надо не тешить, а утешать».

Девиз певицы: чем труднее время, тем нежнее песня. Ежегодными стали концерты-отчеты «Татьянин день». Эти концерты собирают громадное количество поклонников народной песни, и каждый раз становятся событием в культурной жизни России. Певица поет без микрофона, вкладывая всю душу в каждую песню. Голос она жалеть и щадить не умеет.

В ее семье, жившей на Урале, пели все. Бабушка Анна наставляла: *«Не пой худой песни добрым людям!»* И она следует этому завету. В пятнадцать лет Татьяна Петрова начала петь в Государственном уральском народном хоре.

Писатель Валентин Распутин очень высоко ценит ее талант: *«Уже сама природа наделила Татьяну Петрову двумя замечательными дарами: русской красотой и поющим самоцветным голосом. Самой природой ей был заповедован репертуар: русские песни и романсы от древности до наших дней. Талант, внешность и духовность — полная гармония...»*

Многие известные деятели культуры ставят ее в один ряд с Надеж-

Лидия Русланова

Справа:
*Лидия Русланова
на фронтовом
концерте*

дой Плевичкой и Лидией Руслановой. Когда Петрова поет «Марш славянки», весь зал встает, и даже самые «крутые» мужчины плачут.

«Я не работаю — я служу» — говорит Татьяна. И это правда. Служит, как в храме. По словам писателя Владимира Крупина, Татьяна Петрова появилась в России в тяжелые времена не случайно. Она пришла как надежда и утешение. Ее душа настолько сливается с голосом, что слушатели испытывают настоящее потрясение.

Часто певицу можно увидеть в Борисо-Глебской женской обители под Звенигородом, которую основала княгиня Евдокия Мещерская, тетка Федора Тютчева. Здесь она помо-

гает послушницам — и по хозяйству, и хоровое искусство постичь.

Татьяна Петрова часто говорит, что русская песня делает людей чище и лучше. Где только ей не приходилось выступать! И в поле, и на подводной лодке, и на корабле в шторм, и на площади в дождь.

В то же время певицу не увидишь по телевидению, не услышишь по радио, но эта «блокада» не мешает ей иметь большую армию поклонников.

«У нас сейчас, увы, время денег, — сетует Татьяна Юрьевна, — хочешь выйти в эфир — плати. То, что сейчас происходит на нашем телевидении, не могу назвать иначе как террором против культуры, духовности. Я езжу

по России, общаюсь с народом. Люди возмущены тем, что навязывают им телевизионные магнаты. Русские народные песни сегодня на телевидении не ко двору, а если и звучат, то втиснуты в чужие выхолащивающие душу ритмы. Это очень грустно, ведь русский песенный жанр уникален, свойственен только России, это совершенно особый, напоенный эмоциями сплав речи и мелодии».

Тем не менее, Татьяна Петрова смотрит в будущее с оптимизмом.

«Не надо впадать в уныние. Русская песня никогда не умрет. У меня много талантливых учениц в Российской академии музыки имени Гнесиных. Это певицы с прекрасными го-

лосами, чистой душой. Интерес и любовь к русской песне никогда не будут утрачены».

...Певица Валентина Воронина родом из Курска и символично стала лауреатом состоявшегося в Курской области фестиваля русской народной песни. Символическую фигурку «Курский соловей» в свое время вручил артистке ее знаменитый земляк, ныне покойный — скульптор Вячеслав Клыков.

«В курских деревнях поют практически все — от мала до велика, поэтому выступаешь там, словно на экзаменах, — улыбаясь, рассказывает Валентина Воронина. — Смотрят, слушают недоверчиво... Но

Татьяна Петрова

если после концерта подходят и говорят: «Молодец! Вот это по-нашему!» — это дороже Гран-при самого престижного конкурса».

До того, как выйти на «большую сцену», Валя долго работала в глубинке, стремясь понять душу народную, узнать, чем живут и дышат, о чем мечтают ее земляки. Любила ходить на деревенские гулянья, посиделки, пополняя так свой фольклорный репертуар. Частенько и сейчас во время гастролей по стране заглядывает на местные рынки, наблюдая за старожилками — как они одеваются, ходят, разговаривают. Эти детали помогают потом в создании песенных образов.

Начинала Валентина свою профессиональную деятельность со зна-

менитой курской озорной «Чебатухи». Сегодня в ее репертуаре сотни народных песен разных областей России, классические русские романсы. По манере исполнения, голосу и артистичности коллеги часто сравнивают Воронину с Лидией Руслановой. Сама же Валя считает, что такое сравнение — слишком великая честь. Лидия Русланова остается для нее недостижимым эталоном мастерства.

Каждый концерт Валентины Ворониной — маленький театр. Может быть, поэтому на ее выступления всегда очень эмоционально реагируют зрители. Когда выступала с мужем Геннадием Шишлиным (он у нее и аккомпаниатор, и композитор) в Япо-

Валентина Воронина

нии, в громадном зале на три тысячи человек, местные журналисты были потрясены: всегда такие сдержанные и флегматичные японцы вдруг начали подпевать и пританцовывать. К ее расшитому русскими узорами парчовому платью и сверкающему кокошнику потянулись сотни рук...

Увы, в России в таких залах, как в Японии или, например, во Франции, петь почти не приходится. Это, по мнению артистки, одна из самых больших проблем нашей сегодняшней культуры. У исполнителей народных песен почти нет возможности живого общения со зрителями.

«Отношение к народному творчеству в России парадоксально, — считает певица. — С одной сторо-

ны — возросший интерес к русской песне, а с другой — главные наши «сцены» — телевидение и радио — забиты дешевой эстрадной безвкусицей, «попсой» в стиле «мальчик хочет в Тамбов». Практически исчезли из культурного календаря фестивали национальных искусств. В большинстве школ не ведется преподавание музыки. Из народных песен ребятам сегодня, увы, известны только «Калинка» да «Во поле береза стояла». А ведь их, чудесных и замечательных, сотни! Печально, но в той же Японии русскую песню знают лучше, чем у нас. А песня «Кудельки» вообще считается у японцев как бы своей, национальной...

Людмила Зыкина

И еще говорят, что русская песня обладает магической силой, в языке с помощью песен отгоняли злых духов. У наших предков существовали песни-заговоры, песни-привороты, песни-обереги. Я на себе это испытала. Давно слышала, что песня «Соловей-соловушка» обладает приворотным действием, а когда впервые увидела своего будущего мужа, то сразу решила — выйду за него замуж. Подошла к нему и попросила: может, я тебе пропою одну песню, а ты запишешь нотами... Это была «Соловей-соловушка». Через три месяца мы поженились.

— А песни-отвороты петь не приходилось?

— Таких я не знаю. Русские песни, в основном, несут в себе позитивную энергию. Но был такой слу-

чай. Пели мы как-то на свадьбе красивую свадебную песню. Вдруг выходит девушка из числа гостей и говорит: я могу спеть не хуже. И действительно, сильным красивым голосом запела... плач по покойнику. Гости опешили, растерялись. А уже намного позже я узнала, что те молодожены и года вместе не прожили, расстались. Возможно, у той девушки что-то было в свое время с женихом, и она знала, как отомстить сопернице и расстроить этот союз.

Можно в это верить или не верить, но то, что раньше существовали особые ритуальные свадебные песни, способные отвести сглаз, порчу, — это общеизвестный факт.

Я всем советую: если вам плохо, слушайте народные песни — Русланову, Зыкину. Эта музыка питает,

очищает, ощущение такое, будто в роднике искупался, лучше всяких лекарств помогает...»

...Русская народная песня всегда брала за душу. Ведь в ней — жизненный опыт народа, его переживания. Родился ребенок — поют колыбельную, растет — игровые песни, собирают урожай — поют, свадьбы и похороны тоже сопровождаются песней. И она не терпит фальши, поется только «живьем». Это тот фундамент, на котором стоит вся наша классическая музыкальная культу-

ра. И хотя сегодня на эстраде царят «фанера» и пошлость, есть еще надежные руки, чистые голоса, сохраняющие и передающие следующим поколениям традиции русского народного песенного творчества. Хочется верить, что победа «Бурановских бабушек» не случайна. Интерес и любовь к русской песне никогда не будут утрачены.

Вместо послесловия комментария профессора, доктора медицинских наук Сергея Шушарджана.

ПЕТЬ — ЗНАЧИТ НЕ БОЛЕТЬ

Многие из нас любят петь. Поют, когда хорошо и когда плохо. Поют дома, в ванной, на улице. Поют, когда есть слух, и когда он отсутствует. И правильно делают, что поют. Пение — прекрасная возможность выплеснуть свои чувства и эмоции наружу, своеобразное «самоочищение» организма. Дело не только в том, что, как говорится, на душе становится легче. Пение может лечить любые болезни. Это называется «вокалотерапия».

Еще в студенческие годы в медицинском институте я заметил, что правильная постановка дыхания приводит к существенному повышению резервных возможностей человека. Методика вокалотерапии основана на цпропевании определенных звукосочетаний. Русская народная песня обладает особой ритмикой и мелодичностью. Когда человек поет, лишь 20% звука уходит во внешнее пространство, а 80% — во внутренние органы.

Это значит, что песня не только улучшает душевное состояние, снимает стресс, избавляет от депрессии, но и тонизирует, «массирует» легкие, сердце, почки, печень. Вывод однозначный: если на душе тяжело, не хватайтесь сразу за химию, то есть таблетки или алкоголь, а просто спойте любимую песню. Именно так лечились наши предки, способ проверенный. □

Валерий Валесов

***

Разгулялась Россия-пацанка —
Десять сотен как нету годков.
Эх, шарманка моя, лихоманка,
Вот и я на закланье готов.

Нет вины тебе, нету прелюдий,
Только жизнь да коровий туман.
Твои дети — бедовые люди —
Опрокинули Мира стакан.

«Гончарова и Ларионов не только живые и надолго живые. Не только среди нас, но и немножко дальше нас», — писала об этих удивительных художниках хорошо знавшая их Марина Цветаева. И время показало — она была права

НЕМНОЖКО

В жизни Гончаровой и Ларионова, одной из самых блистательных художественных пар в истории русского искусства, было много похожего, о чем они сами не раз говорили. Они родились в провинции, причем оба — в 1881 году. Однако если Ларионов происходил из не очень

благородного рода — его отец был полковым врачом и, когда родился Миша, служил в Бессарабии, недалеко от Тирасполя, то Наталья была аристократкой и не только тезкой, но и двоюродной правнучкой красавицы Натальи Гончаровой, жены Пушкина!

Дальше нас

В десятилетнем возрасте и Наталья, и маленького Мишу привезли в Москву.

Окончив гимназию, Наталья поступила на медицинские курсы. Училась она там недолго — всего три дня, и сбежала. Следующий этап — историко-филологический факультет Высших женских курсов, но и там она не задержалась — хватило полгода, чтобы понять — это не ее. Как Гончарова вспоминала позже, все это происходило от неуемной жажды деятельности, а вот чем конкретно заниматься в этой жизни, она еще не понимала. И вот, наконец, в 1901 году Наталья поступила в Московское училище живописи, ваяния и зодчества — в класс скульптуры. Ее учителями были Паоло Трубецкой и Сергей Волнухин, замечательные мастера, представители импрессионистского направления. Под их руководством она овладела основами скульптуры, причем столь успешно,

что даже получила за свои работы в 1904 году серебряную медаль. Училась в училище и Михаил Ларионов. Он поступил туда после окончания реального училища. Его преподаватели — Левитан, Серов, Коровин — учили его чувствовать цвет, быть настоящим живописцем. Но Ларионова больше влекло новое искусство, последние работы французских художников Сезанна, Гогена, Ван Гога, которые он бегал смотреть в дом известного коллекционера Сергея Ивановича Щукина. За такое проявление «художественного вольномыслия» его несколько раз отчисляли из училища. Но все это — и награды, и отчисления — было для Михаила и Натальи не главным. Главным событием в их тогдашней жизни, а может, и во всей последующей, стала их встреча. Они познакомились в училище и как-то сразу почувствовали друг в друге родственную душу. Именно Михаил уговорил

*Наталья
Гончарова.
«Желтый
и зеленый лес»*

Наталью перейти на отделение живописи. «У вас глаза на цвет, а вы заняты формой, — убеждал он новую подругу. Раскройте глаза на собственные глаза!» И она это сделала. Поначалу у нее ничего не получалось, но однажды она «вдруг поняла, чего мне не хватает в скульптуре, есть в живописи... есть — живопись». Как-то, зайдя к ней, Ларионов буквально оторопел от удивления: все стены были увешаны картинами — и это была настоящая живопись, полная цвета, яркая,

удивительная. «Прихожу — вся стена в чудесах», — вспоминал он.

Наталья, в отличие от своей знаменитой двоюродной прабабки, красавицей не была — ее скорее можно было назвать стильной, интересной. А Миша... Долговязый, невыразительный, неяркий... Современники часто говорили, что его неброская внешность удивительным образом не соответствовала его таланту и темпераменту. Но они сразу почувствовали друг в друге дар и преданность искусству. А еще — они были

Михаил Ларионов.
«Красный лучизм»

очень молоды. Родители Натальи пришли в ужас — девочка связалась с каким-то прохвостом, нищим, безродным! И только после того, как выяснилось, что работы этого «прохвоста» купила Третьяковская галерея, они смирились с выбором дочери.

Ларионов переехал к Наталье в Трехпрудный переулок, где ее родители выделили им квартиру в родовом доме. Они практически не расставались, правда, летом разъезжались по разным местам — что-

бы работать независимо, не влияя друг на друга.

А между тем художественная жизнь в стране бурлила как никогда. И если Гончарова предпочитала просто творить в стенах мастерской, бурная, неумная натура Ларионова гнала его на улицу, в массы. Совершенно естественным образом он стал вождем русского авангарда. Непрерывно придумывал разные акции, порой весьма скандального характера, перформансы, создавал новые направле-

Михаил Ларионов.
«Голова быка»

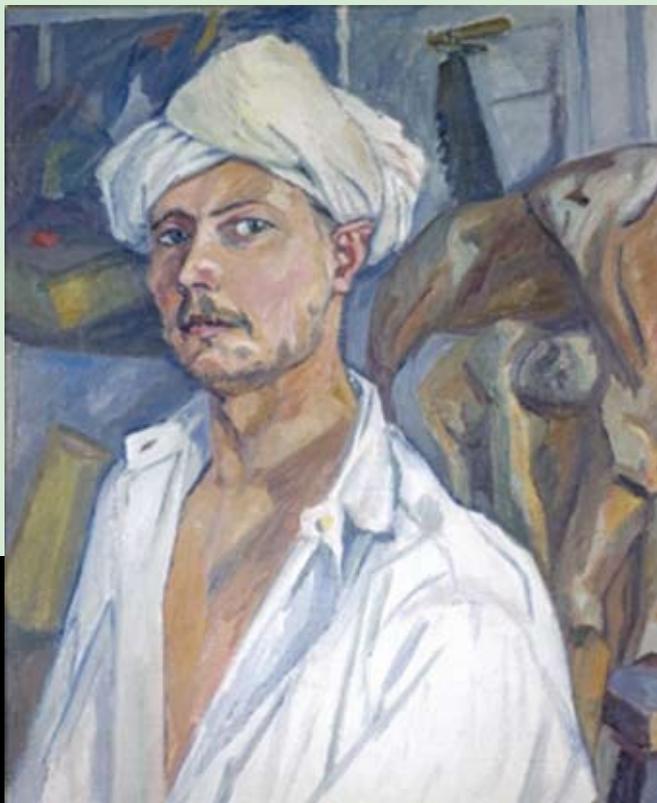

ния. Поначалу увлекся футуристами и сразу же стал «главным Футуристом». Стараясь изо всех сил привлечь внимание к своим работам, Михаил однажды раскрасил свое лицо и лица своих сподвижников цветными узорами и в таком виде вышел из дома. (Одну натурщицу он раскрасил, продлив на нее узор ковра, на фоне которого она позировала). В манифесте, опубликованном в журнале «Аргус», Ларионов объяснял идею раскрашива-

ния так: «Исступленному городу дуговых ламп, обрызганным телами улицам, жмущимся домам — мы принесли раскрашенное лицо; старт дан, и дорожка ждет бегунов. Созидатели, мы пришли не разрушить строительство, но прославить и утвердить. Наша раскраска не вздорная выдумка, не возврат — неразрывно связана она со складом нашей жизни и нашего ремесла... Мы украшаем жизнь и проповедуем — поэтому мы раскрашива-

Слева:
*Михаил
Ларионов.
«Сад весной
(Весенний
пейзаж)»*

*Михаил
Ларионов.
Автопортрет
в тюрбане*

емся. Раскраска — новые драгоценности, они народны, как и все в наш день. Старые были бессвязны и отжаты деньгами. Золото ценно как украшение и было дорогим. Мы свергаем золото и камни с пьедестала и объявляем бесценными. Берегитесь, собирающие их и хранители — скоро будете нищими». Вместе с Ларионовым ходили раскрашенные Маяковский и Бурлюк, Каменский, Крученых и Хармс. А прохождение, видя все это, опасно сто-

ронились — похоже, сумасшедшие сбежали из дома умалишенных, и кто знает, что им придет в голову?

А потом Ларионов увлекся русским лубком, причудливо смешав его с французским фовизмом и немецким экспрессионизмом. И это его новое увлечение дало жизнь новым интересным работам.

В 1910 году он и его приятели — Фальк, Кончаловский, Лентулов, Машков, Бурлюк и другие — организовали объединение «Бубновый

валет». Название придумал, конечно же, Ларионов — по контрасту с распространенными тогда в мире искусства утонченными и изысканными названиями. (Дело в том, что во Франции эта карта, бубновый валет, толкуется как мошенник, плут.) А потом Ларионов и его друзья устроили выставку — с таким же названием. Это был успех, но успех, граничавший со скандалом. Билеты раскупались как пирожки, и каждая картина «бубновалетцев» воспринималась как издевка над общепринятыми вкусами и вообще — приличиями. Участвовала в этой выставке и Гончарова. Она выставила несколько ню, за которые ее тут же обвинили в порнографии. Наталья даже попала под суд, но, к счастью, была оправдана.

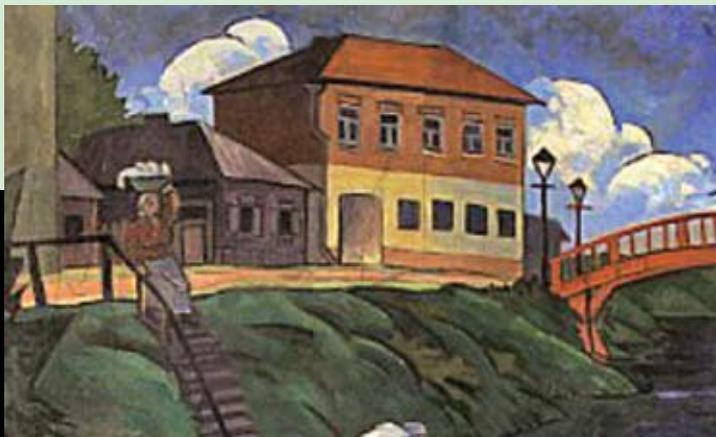
Ларионов, чутко чувствующий природу, как сказали бы сейчас, маркетинга и пиара, непрерывно размещал в разных газетах и журналах свои и не свои интервью, манифесты, рецензии, рассказы об артистических акциях и тому подобные подогревающие интерес публики материалы. Неудивительно, что диспуты «бубновалетцев» о новом искусстве, проводившиеся в Политехническом музее, становились настоящим событием, и желающих попасть туда было столько, что даже требовалась конная полиция, с трудом наводившая некое подобие порядка.

Следующим этапом в творчестве Ларионова стал придуманный им

«лучизм». Нужно изображать не сам предмет, — с присущим ему воодушевлением убеждал он своих собратьев, — а потоки лучей света и цвета, исходящие из предмета. «Лучизм» Ларионова был одним из первых направлений в беспредметной живописи. Оценили это новое направление и за рубежом.

Надо сказать, что Ларионов и Гончарова диктовали моду не только в живописи, но и в жизни вообще. Так, журнал «Дамский мир» рассказывал своим читателям в 1913 году: «он (Ларионов) прославился тем, что несколько недель назад появился на улицах Москвы с раскрашенным лицом, на котором был изображен лучистый рисунок». А Дягилев позже вспоминал: «Гончаровой подражали не только как художнику, но и ей внешне. Это она ввела в моду рубашку-платье, черную с белым, синюю с рыжим. Но это еще ничто. Она нарисовала себе цветы на лице. И вскоре знать и богема выехали на санях — с лошадьми, домами, слонами на щеках, на шее, на лбу». Неумные художники устроили акт внедрения «лучизма» в массы в известном кабаре «Розовый фонарь», после чего к Ларионову, как сообщала «Московская газета», «явились несколько дам и девиц истерического свойства и предложили себя в распоряжение вождя «лучистов». По отношению к «модницам» Ларионов несколько изменил метод раскрашивания. У женщин покрывается кра-

*Наталья
Гончарова.
«Тула,
прачки»*

сками не лицо, а грудь, на которой выводится пестрый орнамент. (Вот когда появился боди-арт, столь популярный сегодня!) А у мужчин на лице оставляется только половина бороды, в волосы вплетаются золотые и серебряные нити, и никаких буржуазных ботинок — только сандалии на голую ногу.

В 1912 году наиболее радикальные члены «Бубнового валета» вышли из этого объединения и организовали новое, под не менее выразительным названием — «Ослиный хвост». (В 1910 году в Париже, в «Салоне независимых» эта группа художников-шутников выставила картину, написанную, как они утверждали, ослом — кистью ему служил хвост.) «Публика думает, что мы пишем для нее ослиным хвостом, так пусть мы будем для нее ослиным хвостом», — заявил тогда Ларионов.

По сравнению с «Ослиным хвостом» «Бубновый валет» был про-

сто оплотом приличий и благопристойности. Картины, которые появлялись на выставках «Ослиного хвоста», порождали еще больший шум и еще более громкие скандалы. И огромный поток посетителей! В 1914 году Гончарову вновь обвинили в нарушении всех табу — на сей раз за «Евангелистов», показанных на ее персональной выставке в Петербурге и вызвавших резкое неприятие Церкви.

Надо сказать, что Гончарова и Ларионов несли настоящую революцию не только в искусстве, но и в моде, в мышлении, свободном от всяческих устоев, в стиле жизни.

Конечно же, Дягилев, с его чувством ко всему новому и яркому, не мог не заметить эту пару. В 1906 году по приглашению Дягилева Ларионов участвовал в парижской выставке, а в 1913 году Дягилев пригласил Гончарову участвовать в парижской постановке оперы-балета

*Наталья
Гончарова.
Автопортрет
с желтыми
лилиями*

Римского-Корсакова «Золотой петушок». Михаил Фокин, ставивший этот балет, сомневался в выборе Дягилевым художницы. Что вытворит эта Гончарова, ведь она «принадлежит к той группе московских футуристов, которые [...] устраивают бурные лекции о новом искусстве и на этих лекциях в качестве самого убедительного аргумента в публику летают графины с водой». Но Наталья совершенно очаровала

великого балетмейстера: «Помню впечатление от Гончаровой и Ларионова... Какая она тихая и сосредоточенная, искренняя во всем, что говорит. И лицо — как у византийской иконы».

Декорации и костюмы, которые она придумала, были невероятно хороши. В них ей удалось соединить фольклорные традиции и самые авангардные идеи. «Так называемый русский стиль гончаровского «Пе-

тушка» до нее никогда не существовал. Все, от самого маленького орнамента на костюме до комических дворцов последнего действия, выдуманно художником», — писал Ларионов. Находки Гончаровой были тут же взяты на вооружение парижскими кутюрье, и на улицах французской столицы появились «русские бабы». Так блистательно началась театральная страница в жизни Гончаровой и Ларионова, и с тех пор театр всегда был с ними.

Художники стали очень популярными, а популярность обычно приносит многочисленные заказы. Ларионов рисовал «лучистые» декорации для театральных постановок, издавал самые разнообразные манифесты (к примеру, «манифест к мужчине», где говорил, какие прически и костюмы должен носить настоящий мужчина), книги о себе, любимом, под разными псевдонимами, типа Варсанофий Парклин. Гончарова же строила здание для сельскохозяйственной выставки в Тирасполе, оформляла спектакли в разных театрах, иллюстрировала книги, занималась модой — придумывала новые фасоны платьев, разрабатывала узоры для обоев, а однажды даже снялась вместе с Ларионовым в фильме футуриста Владимира Касьянова «Драма в кабаре №13». (Фильм, к сожалению, не сохранился, зато сохранились воспоминания о съемках — как игравшую в фильме балерину сначала заморозили на холоде, а по-

том отпаивали коньяком, как расколотили, от избытка чувств, трюмо и многое другое.)

Тонко чувствующий конъюнктуру, Дягилев организовал в Париже персональную выставку картин Ларионова и Гончаровой. И не прогадал — работы этой пары русских художников вызвали бурный восторг у парижан.

Возвращение в Россию было триумфальным, а вскоре, летом 1915 года, Дягилев снова вызвал их за границу — он со своей труппой приходился в Швейцарии, и ему требовалась их помощь в оформлении гастрольных спектаклей. Ларионов и Гончарова не могли ему отказать — они уехали, еще не зная, что покидают родину навсегда. Уехали, оставив в мастерской неоконченные работы, краски, холсты.

Почти вся Европа полыхала в пожаре Первой мировой войны, и только на юге пока сохранялся относительный мир, поэтому Ларионов с Гончаровой, понимая, что глупо в такой ситуации думать о возвращении на родину, много путешествовали: Испания (там родились знаменитые испанские сюжеты Гончаровой), Италия, Париж, где они поселились на улице Жака Калло, в Латинском квартале. На первом этаже их дома было маленькое, уютное кафе, куда любила приходиться русская, и не только русская богема. Здесь они общались с Пикассо, Аполлинером, Кокто, Леже и Корбюзье. Здесь же произошла встреча и

с Мариной Цветаевой. «Наталья Гончарова, как та самая, пушкинская, да и из ее же рода!» И поэтесса решила написать книгу, посвященную двум Натальям Гончаровым — из века XIX и из века XX. Цветаева восхищалась работами Гончаровой, особенно нравились ей «Испанки», она называла их «гончаровским песнопением».

«Вся Гончарова в двух словах: дар и труд. Дар труда. Труд дара», — говорила Марина. Они подружились, дочь Цветаевой Ариадна брала уроки у Гончаровой — девочка оказалась очень способной. Но дружба поэтессы и художницы продлилась не долго. В какой-то момент Цветаева очень обиделась на Наталью, а к тому времени, как книга о двух Гончаровых была закончена, их отношения постепенно сошли на «нет». Уж очень они были разные — темпераментная, открытая Марина и неразговорчивая, любящая укрыться от всех в своей мастерской Наталья.

А вот дружба с Дягилевым и с театром продолжалась. Ларионов очень увлекся балетом, и особенно — балеринами. Частенько он не ночевал дома — репетиции, репетиции, объяснял он своей Талиньке. Наивной дурочкой она никогда не была, и вскоре нашла себе утешение в лице некоего Ореста Розенфельда, бывшего офицера, изгнанного из армии за свои радикальные взгляды, а затем эмигрировавшего из России. Он был на десять лет младше Гончаровой, но при этом вроде искренне

влюблен и предан ей. По всей видимости, как считают многие биографы Гончаровой и Ларионова, этот человек просто решил не упустить посланный судьбой шанс и с помощью совсем не бедствовавших художников слегка улучшить свое благосостояние. Поначалу он избражал из себя преданного искусству мецената, организовывал им отдых на море, вел их дела, но довольно скоро стал официальным секретарем Гончаровой и даже переехал жить в их квартиру. «Милый Орюшка» — так называла его Гончарова. Жизнь втроем — это было не ново в их среде, никто не видел в этом ничего предосудительного. К тому же, вскоре и у Ларионова появилась официальная возлюбленная — его избранницу звали Александра Томилина, она была на двадцать лет младше Ларионова. Дочь московского купца, юная и очаровательная Шуручка работала в библиотеке. Поначалу Ларионов, встретив ее однажды, предложил ей позировать ему. Так она стала его натурщицей, а потом возлюбленной и секретарем, и переехала жить в их дом — сняла квартиру этажом ниже. У Шуручки дома было уютно, она прекрасно, в отличие от Гончаровой, умела готовить. А еще была молода и миловидна. Ларионов часто навещал ее в этой уютной квартирке. Но их отношения никак не повлияли на внутреннюю связь, объединявшую двух больших художников, — несмотря на все свои нежные привязанности,

*Михаил
Ларионов.
«Павлины»*

они проводили вместе большую часть суток, а когда расставались, писали друг другу каждый день. «Как жаль, что ты не со мной! Я так люблю быть с тобой. Несмотря на мой скверный характер, я так тебя люблю, мой Соловей!» — говорил Ларионов в одном из таких писем. А Гончарова однажды призналась: «Ларионов — моя рабочая совесть, мой камертон. ...Пробный камень на фальшь. Мы очень разные, и он меня видит из меня, не из себя. Как и я — его». Их связывало нечто гораздо более важное, чем секс или привычка — их связывала

любь к искусству и полное понимание творческих устремлений и поисков.

Когда началась Вторая мировая война, они решили принять французское гражданство и остались в оккупированном немцами Париже — уезжать им было некуда. Вскоре фашисты арестовали Розенфельда. Ему, как еврею, грозил лагерь смерти. От неминуемой гибели его спасла Гончарова — она написала властям, что он вовсе не еврей, и в доказательство приводила тот факт, что его отец до революции занимал в Астрахани должность, которую, по зако-

нам Российской империи, еврей за-
нимать не мог. Свершилось чудо —
Розенфельда отпустили! Когда же
война кончилась, Орюшка удачно
(в финансовом смысле) женился —
он всегда хорошо просчитывал свои
ходы, — но с Гончаровой и Ларио-
новым всегда поддерживал добрые
отношения.

Жизнь в военные годы в Париже
была непростой. Немолодым уже
художникам приходилось очень
трудно. И тут им очень помогла
Шурочка — она, всеми правдами и
неправдами, добывала продукты,
готовила им, обстирывала, под-
держивала порядок в доме. «Наш
добрый ангел», называли ее Миха-
ил с Натальей.

После окончания войны у них
снова появились заказы, они стали
брать учеников. Но тут начались
проблемы со здоровьем — в 1950
году у Ларионова случился сердеч-
ный приступ, после которого его на-
половину парализовало. Что может
быть страшнее для художника — не
иметь возможности работать из-за
неподвижности руки! Гончарова, за-
быв о своем творчестве, делала все,
что могла — зарабатывала деньги
на лечение, отправляла его в луч-
шие клиники, сама занималась с
ним — учила рисовать левой рукой,
тренировала правую. И так, общими
усилиями, не сразу, но они победи-
ли болезнь!

А в июне 1955 года Ларионов и
Гончарова, наконец, стали законны-
ми супругами. Конечно, причиной их

бракосочетания была не пылкая лю-
бовь — ими двигали соображения
сохранности их картин и бесценных
коллекций, собранных за долгие го-
ды, — старинные книги, картины их
друзей, богатейший архив.

Послевоенные годы были для
Гончаровой и Ларионова годами при-
знания. О них писали монографии,
издавали альбомы, их картины стои-
ли огромные деньги. И при всем при
этом жили они довольно бедно —
не хотели ничего продавать, несмот-
ря на то, что им очень нужны были
деньги на лечение: оба серьезно
болели, Гончарова мучилась от же-
сточайших приступов артрита. Ху-
дожники мечтали, что когда-нибудь
передадут все свои сокровища на
родину.

17 октября 1962 года Гончарова
умерла. Это стало страшным уда-
ром для Ларионова. И тут ему по-
могла выжить Шурочка — теперь
она была уже ему не возлюбленная,
а нянька, сиделка. Более близкого
человека у Ларионова не осталось,
и он решил жениться на ней, чтобы
после его смерти все их с Натальей
богатства остались Шурочке. Брак
этот длился недолго — Ларионов
успел прожить всего лишь год.
10 мая 1964 года он присоединился
к своей Талиньке.

Так Александра Томила стала
наследницей выдающихся русских
художников Гончарова и Ларионо-
ва. Они оба страстно желали, чтобы
все их картины и собранные ими за
долгие годы коллекции стали до-

стоянием России и российского народа. В последние годы жизни Ларионов сам хотел, прослышав о том, что атмосфера в стране изменилась, и наступила «хрущевская оттепель», привезти все это в Россию, но его тогда отговорили. Заняться этим, оказавшимся совсем нелегким, делом пришлось Александре Томилиной. И тогда она с удивлением узнала, что Советский Союз вовсе не торопится принять сей щедрый дар. Более того, то, что она все-таки теми или иными способами переправляла, оказывалось в запасниках музеев.

Александра Томилина сделала все, что от нее зависело, да и могла она, уже тогда очень немолодая женщина, в общем-то, немного. Но все-таки большая часть наследия замечательных русских художников Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова попала в Россию. Шурочка умерла в 1987 году, и похоронили ее в той же могиле, где покоятся останки двух ее друзей.

Третьяковская галерея уже давно обещала открыть музей — в том самом доме на Трехпрудном, где они когда-то жили — молодые, дерзкие, талантливые. Но, к сожалению, и сегодня это лишь обещания...

Однако некоторые их картины все-таки можно увидеть в Русском музее и Третьяковской галерее. В России помнят о них, снимают документальные фильмы, пишут большие труды, выпускают альбо-

*Наталья Гончарова.
«Две испанки»*

мы. О многих современниках Гончаровой и Ларионова, их друзьях по перформансам и уличным эскападам, давно забыли, а искусство этих больших художников остается по-прежнему живым и удивительно современным. □

Ольга Займенцева

Панна

**Гоп-со-смыком — это буду я!
Вы, друзья, послушайте меня:
Ремеслом избрал я кражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
Исправдом скучает без меня!**

Уличная баллада
первой половины XX в.
(из репертуара
Леонида Утесова).

Лейтенант

В XIX веке Николай Некрасов впервые ввел в русскую литературу как героя повествования агриария, крестьянина, «человека от сохи». А в XXI веке художник Иван Семесюк решил поднять до уровня современного искусства тему, которая определяется как уличная субкультура, предстателей которой в народе называют «гопниками»

«Пан на районе»

Иван Семесюк родился в Киеве в 1979 году. В 1997 году окончил Государственную художественную школу им. Т.Г. Шевченко, затем Национальную академию изобразительного искусства и архитектуры, факультет скульптуры, а в 2007-м — аспирантуру и магистратуру НАОМА.

Член Национального союза художников Украины и Союза дизайнеров Украины. Председатель союза вольных художников «Свобода или смерть». Активный участник и организатор разнообразных выставок и арт-проектов, в том числе международных и персональных.

Как первый в Украине художник-«жлобист», Иван считает, что, если арт-проект превращается в направление, пусть и очень узкое, с малым количеством адептов, это все равно большая удача. А для того, чтобы так произошло, за всей «движухой» должна стоять выразительная и актуальная идея, а не ее симулятор...

«...Грушки или яблочки? Может быть, пейзаж с видом Лавры? А может, вазочка с цветочком? Нет. Скажем этому — нет! Человеку по-настоящему интересен лишь человек. Наблюдатель, зритель жизни, зритель мира — этого фантастического кино. Кадры из этого фильма пред-

«Гопак-Монтана»

«Гопак-Адидас»

«Пацанчик
и голуби»

стают в виде картин, их герой — человек. А точнее, соотечественник и современник. И даже больше — человек, определяющий реальности нашей страны. Человек — жлоб. Супергерой нашего времени и культурного пространства.

Жлоб-арт — направление по сути своей глубоко гуманистическое, ибо мерой всему в нем служит человек. Это не критика, не анализ, не борьба и не утверждение. Это — фиксация явления. Но самое главное — это ирония и юмор».

Смещение красивого и некрасивого, оживление мертвого, очеловечивание животных и превращение людей в животных — это игра худож-

ника со смыслами. Он осмысливает своих героев, как социальное явление, а если еще точнее, как свое видение явления, которое и представляет зрителю. Показывает нам изнанку общества, которую невидимая рука решила вывернуть, и — бах! — это уже и не изнанка, а лицевая сторона рубашки с красной орнаментальной вышивкой на груди «ГОПАК».

Или портрет потомка вымышленного, но такого реального Шарикова, он только что пришел с дежурства, где они котов душили, душили... А тут как раз и кот Вася в спортивном костюме, с сигаретой в зубах, только без примуса. Как не вспомнить Булгакова, здесь и «Собачье

Вышивки

«Мент и бобики»

сердце», и «Мастер и Маргарита», аллюзии, аллюзии.

А вот еще персона, на сей раз женщина с цветочным украинским венком на голове с разноцветными лентами. Это сама смерть пожаловала, приглашает в гости. Но она все же дружелюбна, насколько это возможно. Не зря же Семесюк председательствует в союзе вольных художников «Свобода или смерть». Выбирая, разумеется, лучшее из двух зол.

Насмешка, ирония, сатира... Наверное, все же стеб, хотя изредка вместо сигареты, горлышка пивной бутылки и нецензурной брани автор вкладывает в уста своих героев вопросы философские. «В чем смысл

жизни?» — обращается братишка к коту. На что тот разумно отвечает: «Не знаю, Вася, я же просто кот...» Но и эта попытка наделить своего героя если не умом, то хотя бы его отблеском, все равно становится стебом, ведь художник изображает животное разумнее, чем человекообразный жлоб...

— Жлобист — это понятие, точнее направление, вы вывели?

— Похоже, что да... Но все-таки, скорее всего, — это плод коллективного творчества. Есть костяк друзей-коллег... вместе и придумали, но начиналось все с одной картины «Братело».

— Как ваше творчество воспринимают на родине?

— Двояко. Либо как «мазню дегенерата», либо как «прикольный соц-арт». Я, естественно, склонен ко второму мнению. Прекрасно понимаю, что в «жлобарт» речь не идет о феноменальной художественной ценности, хотя, конечно, в меру сил и способностей я стараюсь. Восприятие тут зависит от воспитания зрителя, грубо говоря, если зритель закомплексованный аграрий (а таких у нас много), то для него «жлобарт» это личное оскорбление. Человек, получивший воспитание в городе, более самокритичен, и с юмором

у него получше, это и есть мой «клиент и потребитель».

— Как вам пришло в голову ввести доселе не входившую в разряд искусства тему, я имею в виду представителей субкультуры гопников?

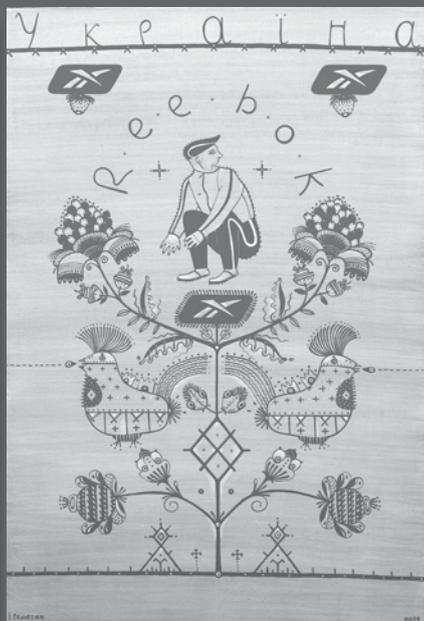
— Тут скорее речь не столько о гопниках, сколько о жлобах в целом. Ну, как... очень просто — что вижу, о том и пою. Тема фактурная, малоизученная и, главное, вечно актуальная для наших широт, к тому же, простая и понятная, грех не обратиться к такому материалу. И еще, что тоже не маловажно, коммерче-

«Адидасоеды»

«Адидаc»

«Рибок»

ски оправдывающая себя. Без этого никак.

— Как вы думаете, жлоб станет героем нашего времени? Вы-то точно сделали его своим героем, может ли такой повышенный интерес к данному персонажу «окультурить» его?

— Он и есть истинный герой нашего времени, а может быть, и всех времен. А окультурить такую обезьяну может только правильно

дозированные порка и поощрение. Жлоб — это существо, склонное к конкретике. Больно — нельзя, не больно — можно. Другое дело, что пороть нынче жлоба некому. Двадцатый век и технологии погубили шляхту. Кто ж меня выпорот-то теперь? Где вы, князя Острожские?!)))

— Когда вы пришли к этому своеобразному направлению, называемому «жлобизм»?

«Парасолька»

— Первая картина из цикла родилась в 2005 году. А первая выставка в рамках уже оформившегося «движняка» — год 2008, пожалуй. То есть, дело это довольно молодое, «свежее».

— Среди ваших работ есть картина с женским скелетом в национальном костюме — как бы вы мне объяснили смысл этого полотна?

— Знаете, мы, украинцы, относимся к тем устойчивым челове-

ским коллективам, у которых развит культ смерти, всяческих страданий и несправедливых обид (скорее всего, на подсознательном уровне), а на все это накладывается фольклорно-аграрно-поэтический традиционализм (в худшем смысле этого слова). Название картины «Horror им. Веревки», что прямо намекает на известный «забронзовевший» Украинский государственный народный хор имени Г.Г. Веревки, а если смотреть шире, то прямо ука-

зывает на все наши окологкультурные симулякры, называемые общим словом «шароварщина».

Но с другой стороны, тут имеется и другой подтекст. Украина — это женщина, а в каждой женщине сидит кровожадная богиня Кали. Украина может стать и такой, опасной и слегка наивной скелетированной дамой в национальном костюме и с петлей в руках. Это картина-прогноз.

— Думаю, много таких ребят, которые переходят с ваших полотен в тюремные камеры. Интересно, они понимают, что вы над ними жестко стебаетесь?

— Что касается вопроса, много ли таких, — пожалуй, да, что тут скажешь? А вот понимают ли? Нет, это точно. Я не встречал еще ни одного гопника, который осознал бы, что он гопник.

— Как коллеги и искусствоведы воспринимают ваше творчество?

— «Жлобарт» лишь недавно стал предметом для искусствоведческого анализа. Лично я читал позитивные отзывы, но, признаюсь, вообще-то, не отслеживаю такие вещи. После каждой выставки собираю мнения на различных интернет-форумах и блогах, поскольку меня больше инте-

Вышивка
«Летунцы»

«Ай лив ин Львив»

решает мнение обывателя, нежели профессионала. А мнение коллег меня не интересует, ведь я сам себе коллега. Вообще я люблю коллег, у которых нет мнения по поводу своих коллег. Художник — это просто такая работа.

— Вы избрали для себя тему гопничества как основную? Мне кажется, она не бесконечна.

— Вы абсолютно правы, тема не вечная. Именно поэтому в нашем творческом коллективе запланировано помпезное и публичное закрытие проекта в будущем, но пока время не пришло.

— Делая центральным героем своего творчества гопника, вы к чему апеллируете? Что хотите сказать этим обществу?

— Если честно, то я не закладываю во все это супер-пупер смыслы, по большому счету это просто «чисто поржать». В общем, цель простая — высмеять человека. Ибо человек — это смешно. Самокритика — вот наш девиз!)))

— Почему вы отошли от объемного изображения (факультет скульптуры), а занялись живописью? Что стало отправной точкой?

— А тут очень просто, социальное искусство требует моментальной реакции на явления, чтобы минимум технологических процессов и легкость в перевозке работы с арт-феста на арт-фест, с выставки на выставку. Надо, к примеру, отвезти выставку в Одессу, загрузился в легковушку и быстренько привез без лишних хлопот. Холст на подрамнике плюс акрил — это оптимальный вариант. Я пробовал использовать скульптуру как инструмент для «жлобарта», но для оперативной реакции скульптура не годится.

— Я знаю, что вы, ко всему прочему, увлекаетесь вышиванием, и у вас немало необычных вышивок...

— А то, я ведь еще и картины вышиваю... Но это другое... не социальное. Вышивка нравится почти всем, она не напрягает и никого не обижает.

— А вам кто-нибудь помогает в процессе вышивания?

— Сам вышиваю, в этом же весь смысл... иначе не то пальто получится. Мне никто так не вышьет, как я сам себе. Вышивка полностью ручная, это же видно. Нитка дырочка в дырочку идет. Кто в этом деле «шарит» — видит. Машинка так не сделает. Я очень горжусь этим делом и считаю, что я один такой маньяк на всю страну.

— Вы себя считаете известным художником?

— Я вообще не считаю себя художником. Художники — это Дюрер и Боттичелли, а я — простой арт-деятель, так сказать. Комнатный шутник-философ. Художником приходится себя называть для понятности. Хотя в определенных кругах весьма известен (мое поколение меня знает). В наше время известность художника определяется просто — Гугл и Интернет в целом все расскажут. Когда видишь собственные работы на аватарах в соцсетях, понимаешь, что да, попал-таки.

— Каковы ваши предпочтения в литературе, живописи?

— Как ни странно, я консервативен в этом деле. В свое время окупнулся в мир античной литературы и все никак не вынырну. А вообще, отдаю предпочтение историческим сагам вроде «Башни шутов» Сапковского или «Легенды о Тиле Уленшпигеле» Шарля де Костера. С живописью то же самое, тут мой вкус столь же, не побоюсь этого слова, аристократичен — Ренессанс, особенно Северное Возрождение. Ну, конечно, не только это, но по большей части так.

Кто знает, быть может, портреты с признаками вырождения на лицах, написанные Иваном, станут началом возрождения? Ведь современное искусство дошло до самого дна, осталось только начать медленно подниматься. □

Б Р А Т Е Л О

Светлана
Бестужева-Лада

Будь она так же прекрасна, как ее младшая сестра, или так же умна, как сестра средняя, выйди она замуж по взаимной любви за особу хоть бы даже королевской крови — она все равно осталась бы неизвестной и никому не интересной русской женщиной Екатериной, урожденной Гончаровой. Но она вышла замуж за родовитого (но не слишком) французского барона и осталась в веках как... жена убийцы. Ибо ее обожаемый до самозабвения супруг, Д'Антес, барон Геккерн, смертельно ранил на дуэли не просто русского дворянина, а великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. И Екатерина Николаевна, Катрин, Коко, до самой смерти носила на себе клеймо «жены убийцы» и страдала оттого, что родные отказались от нее

Коко, жена

D

АНТЕСА

Точно в старой сказке — «жили-были три сестрицы...» Жили они вместе со старшим братом, властной, непредсказуемой матерью и сумасшедшим отцом в Калужской губернии, в обширном имении со странным названием Полотняный Завод, где был огромный парк с оранжереями, прудами и известным на всю губернию конным заводом. Явно богатое поместье, но все три сестры могли рассчитывать на очень скромное приданое — матушка не любила выпускать деньги из своих рук. Хотя на образование дочек не скупилась. Как и всех барышень тех времен, их учили специально нанятые учителя и гувернантки — французскому языку, танцам, истории и изящной словесности. По-французски все три барышни Гончаровы изъяснялись безукоризненно, танцевали — легко и грациозно, но историей интересовалась лишь средняя — Александрина, старшая Катрин очень много читала — в усадьбе была огромная библиотека, а еще слыла замечательной наездницей. И Александрин, и Катрин прекрасно играли на рояле. И только младшая Натали была просто красавицей, равнодушной к чтению, музицированию, даже к верховой езде, вдобавок, похоже, невеликого ума, о чем сохранилось немало свидетельств современников.

Красоту, а также имя, младшая дочь унаследовала от матери — прекрасной фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны Натальи Загряжской, прославившейся мно-

гочисленными романами при дворе и стремительным выходом замуж за Николая Гончарова, молодого дворянина во втором поколении, чья семья владела бумажной фабрикой в Полотняном Заводе. Брак был достаточно удачным до тех пор, пока Николай Афанасьевич, страстный лошадиник, не получил ушиб головы, решив объездить норовистую лошадь, и не потерял рассудок.

Он был вполне безобидным сумасшедшим, только его жене, привыкшей к безделью и роскоши, пришлось взять в свои руки управление всем имением, включая конный завод и знаменитую фабрику, поставившую, между прочим, бумагу императорскому двору. И без того вспыльчивая, властная и гордая, Наталья Ивановна вскоре сделалась настоящим тираном не только для крепостных, но и для домашних: три дочери частенько выходили из комнаты матери с красными щеками и заплаканными глазами. Пощечины миновали только сыновей, которых, кстати, тоже было трое.

Жить все время под материнским гнетом трем гордым барышням было тяжело. Они подрастали, их вывозили на балы: в Калугу, в Москву. Но ни Катрин, ни Александрина красотой не блистали, немногих возможных женихов отпугивало мизерное приданое и... будущая теща, которая стала частенько прикладываться к рюмочке и «амурничать со всеми лакеями».

И вдруг — как гром среди ясного неба — пылкое, напористое, смета-

ющее все преграды сватовство знаменитого поэта к младшей сестре. Нужды нет, что не слишком богат, к тому же, совсем не красив. Зато обещал забрать к себе в Петербург и старших сестер жены, только бы грозная Наталья Ивановна смилостивилась и отдала за него прекрасную Натали. Кто же мог предположить, какой дьявольский узел завяжется в этой семье по прихоти судьбы!

Катрин, более других тяготившаяся материнской мелочной опекой, мечтала о том, что в Петербурге ее жизнь волшебным образом изменится к лучшему. Увы!

На первых порах она чувствовала себя явно не в своей тарелке: попасть из глухой провинции сразу в высший свет и стать там своею — на такое была способна только пушкинская Татьяна, а не реальная женщина, да еще не блещущая красотой и трудно сходявшаяся с людьми из-за гордости и застенчивости.

Благосклонный к семейству Пушкина император сделал сестер прекрасной Натали фрейлинами императрицы. На первых порах они упивались придворными развлечениями, слали в Полотняный Завод матери и братьям письмо за письмом с описанием балов и раутов и... с просьбами о деньгах. Нужны были роскошные туалеты, шляпки — да мало ли чего нужно придворным красавицам, ждущим женихов?

Екатерина Николаевна была очень замкнутой, трудно находила общий язык с людьми, поэтому об ее деви-

Екатерина Гончарова

ческой жизни почти не сохранилось воспоминаний современников. И неудивительно, что старшая сестра не стремилась с кем-то сблизиться — при первом «большом выезде» в свет, на приеме у знаменитой графини Фикельмон, хозяйка представила ее и Александрин гостям как «сестер мадам Пушкиной». Да они в глазах света на самом деле и были только сестрами прекрасной жены знаменитого поэта.

Гордая Катрин проглотила обиду молча. Александрин, склонная к самоиронии, не преминула упомянуть об этом в одном из писем к родным. А вот дочь историка Николая Карам-

Александра Гончарова

Наталья Гончарова

зина Софья в своих письмах к брату язвительно прошла насчет того, что «сестрам мадам Пушкиной» для выездов на бал приходилось одалживать у знакомых дам то перчатки, то веер, а то и вовсе — бальные туфельки. Катрин откровенно бесила эта «благородная бедность», в одном из писем к старшему брату она открытым текстом пожаловалась:

«Так больно просить!..»

В какой-то степени это был упрек: брат, управлявший к тому времени всем имением, был, как и матушка, мягко говоря, скуповат и сестер подарками не баловал. Чаще всего вырчала тетушка — Екатерина Ива-

новна Загряжская, ну и, разумеется, супруги Пушкины, сами давно запутавшиеся в колоссальных карточных долгах Александра Сергеевича. Александрина старалась быть полезной: следила за хозяйством, развлекала умными беседами свояка. Катрин проводила вечера за игрой на фортепиано и чтением — замкнутая, молчаливая, невеселая.

Оживлялась она только на балах, хотя и там находилась в тени своей младшей сестры. И на одном из балов встретила, наконец, свою судьбу, хотя в момент встречи и мечтать не осмеливалась о том, что назовет красавца-кавалергарда своим му-

жем. Но сердце ее было покорено мгновенно и навсегда.

Дантес, высокий, атлетически сложенный белокурый красавец, был любимцем женщин, а по слухам, и самой государыни. Впрочем, император тоже отличал молодого француза. Его также запросто принимали не только у полкового командира Полетики, но и в салонах Карамзиных, Вяземских, Мещерских. Он умел к месту рассказать пикантный анекдот, достать запрещенную в России книгу, отменно вальсировал, виртуозно поддерживал любой светский разговор. Кроме того, неплохо фехтовал, был прекрасным наездником и великолепным стрелком.

Мысль о женитьбе, пусть даже и выгодной, молодому повесе пока и в голову не приходила: мало кто из светских красавиц мог устоять перед его обаянием и напором. К слову сказать, он никогда не хвастался своими победами и не скомпрометировал ни одну из своих многочисленных замужних любовниц. Более того, ухитрился не вызвать ревности ни в ком из петербургских великосветских мужей. Но однажды его познакомили со «смуглой мадонной», красотой которой восхищались все, включая императора. Было бы странно, если бы Дантес не начал тут же волочиться за прекрасной мадам Пушкиной. (Кстати, «мадонной» Наталью Николаевну прозвали в петербургском свете из-за ее практически непрерывных беременностей, а вовсе не из-за «небесной чистоты лица». Прозвище

сохранилось, о его происхождении предпочли забыть: ведь речь шла о жене САМОГО ПУШКИНА.)

Прекрасной Натали не хватило ума и такта перевести «ритуальные» ухаживания Дантеса в область легкой интрижки, весьма распространенной в ту пору в высшем петербургском свете. А Пушкин... Пушкин был патологически ревнив, хотя сам супружескую верность сохранял от силы первые полгода после женитьбы, и о его связях судачили все, кому ни лень. Правда, он и сам не делал из своих романов большой тайны, а его любовницы были достаточно умны и хорошо воспитаны, чтобы все оставалось в дозволенных светскими приличиями рамках.

Сосредоточившись на скандальных ухаживаниях красавца-кавалергарда за «смуглой мадонной», общественное мнение проморгало другой роман, куда более серьезный, разворачивающийся в непосредственной близости от прекрасной Натали. Катрин Гончарова следовала взглядом за Дантесом во всех светских гостиных, на всех балах. Она шла на всевозможные ухищрения, чтобы побыть со своим кумиром несколько минут, обменяться с ним двумя-тремя фразами. И очень скоро ее усилия были вознаграждены: страстный поклонник младшей сестры стал... тайным любовником старшей. Вот это от пристального внимания светского общества уже не ускользнуло.

Прекрасно воспитанный, абсолютно светский Андрей Карамзин

Знакомство Александра Пушкина с семейством Гончаровых

писал одному из друзей: «...из сводни Катрин превратилась в возлюбленную... которую принимали у себя почти как супругу, в самом невыигрышном неглиже».

Из-за частых и неосторожных визитов любовницы Дантес отказывался принимать друзей и знакомых, заходивших без предупреждения. Тому же Андрею Карамзину, кстати.

Жорж Дантес де Геккери

Обо всем этом можно прочитать в книге итальянской исследовательницы-историка Серены Витале «Пуговица Пушкина». Там же впервые опубликовано несколько писем барона Жоржа Дантеса к Катрин. Это, безусловно, любовные письма, хотя в них нет и намека на какое-то «неземное чувство». Все было очень

реально, включая и то, что Катрин достаточно быстро оказалась в интересном положении.

Рискну предположить, что тайна Катрин каким-то образом стала известна мужу ее младшей сестры. И первый вызов на дуэль, посланный Пушкиным Дантесу, обусловлен именно стремлением защитить

Екатерина Дантес де Геккерн

честь свояченицы, не скомпрометировав ее при этом.

«Намек» был понят мгновенно и правильно: Дантес сделал официальное предложение Екатерине Николаевне вовсе не потому, что намеревался заслониться женитьбой от взбешенного Пушкина. Он просто обязан был это сделать как честный

человек и, главное, дворянин. К тому же Екатерина Николаевна была фрейлиной императрицы, шутить с обольщенной девицей такого ранга было рискованно.

Посему Жорж испросил высочайшего дозволения на брак с мадемуазель Гончаровой. Разрешение Двора было почти немедленно получено,

Устинов Е.А. «Пушкин, Натали, Николай I»

братья невесты, Сергей и Дмитрий, спешно привезли материнское благословение и... приданое. Это Пушкин мог сделать широкий жест и

сам выплатить себе приданое своей Мадонны, без которого маменька Гончарова отказывалась благословить дочь. Дантес же был фран-

цузом, а представители этой нации на бесприданницах, как правило, не женились никогда.

Екатерина Ивановна Загряжская писала Жуковскому:

«Жених и почтенный его батюшка были у меня с предложением... К большому щастию, за четверть часа перед ними приехал из Москвы старшой Гончаров и объявил им родительское согласие и так — все концы в воду...»

Почему-то принято считать, что «концами» старая дама иносказательно называла ухаживания француза за Натальей Николаевной. А ведь имелось в виду совсем другое: беременность Катрин.

Единственным человеком, пытавшимся отговорить Катрин от брака, была... Наталья Николаевна. Что это — ревность или все та же глупость? Ведь в «безумную любовь» кавалергарда-француза к прекрасной Натали верила только она сама, да некоторые охочие до романтики дамы высшего света. Так считала, кстати, Анна Ахматова и добавляла, что «...этого, как ни удивительно, оказалось достаточно, чтобы потомки получили эту легенду во всей своей неприкосновенности».

Анна Андреевна, прекрасно понимавшая самые тонкие движения женской души, абсолютно права: не могло быть и речи ни о какой безумной любви, хотя бы потому, что Дантес был на подобное чувство просто не способен. Он волочился за мадам Пушкиной, как за каждой

красивой дамой, попадавшей в поле его зрения, ну, и, возможно, его забавляла «арапская ревность» ее мужа. Во Франции ничего подобного увидеть невозможно, а тут такая смешная экзотика!

Но все, читавшие письмо Дантеса Геккерну, свято убеждены, что там написана «правда, вся правда, и ничего, кроме правды»:

«Петербург 20 января 1836 года. Я безумно влюблен! Я тебе ее не назыву, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты будешь знать ее имя. Но всего ужаснее в моем положении то, что она тоже любит меня, и мы не можем видаться до сих пор, так как ее муж бешено ревнив».

И все-таки со стороны обоих — это только увлекательная игра, не более того. Спустя две недели в новом письме Геккерну Дантес буквально захлебывается от восторга, описывая свой разговор с прекрасной Натали:

«Если бы ты знал, как она меня утешала, потому что она видела, как я задыхаюсь, и что мое положение ужасно, а потом она сказала мне, я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит...»

Любой здравомыслящий мужчина, услышав, что женщина предлагает ему свое сердце, но решительно отказывает во всем остальном, поставил бы крест на подобном романе и перенес свое внимание на более осязаемые и доступные предметы

страсти. К тому же, в момент этого признания Наталья Николаевна была на седьмом месяце своей пятой беременности — не самый подходящий момент для любовных приключений.

Но... Дантесу приятно щекотал самолюбие тот факт, что его «роман» с мадам Пушкиной обсуждается во всех светских гостиных, где чуть ли не держат пари: уступит «мадонна-поэтша» (прозвище, данное Натальи острой на язык княгиней Вяземской) блестящему кавалергарду или останется верной своему мужу. Кстати сказать, записочки, пожимание рук и даже мимолетные поцелуи в те времена не считались чем-то зазорным, а были просто неперемненными атрибутами любого флирта в высшем свете. Но впоследствии именно записочки и будут выставять основной причиной и ревности Пушкина, и роковой дуэли.

Удивительно, но в это же время Дантес писал другому адресату:

«Позвольте мне верить, что Вы счастливы, потому что я так счастлив сегодня утром. Я не мог говорить с Вами, а сердце мое было полно нежности и ласки к Вам, так как я люблю Вас, милая Катенька, и хочу Вам повторять об этом с той искренностью, которая свойственна моему характеру и которую Вы всегда во мне встретите».

Вот в это отчего-то верится больше, чем в пафосные восторги по поводу неземной платонической любви к «смуглой мадонне», тем более,

что это письмо от Жоржа к Катрин далеко не единственное.

А потом была темная и до сих пор не вполне ясная история с присланным Пушкину «дипломом». Четвертого ноября 1836 года городская почта доставила Пушкину и несколькими его друзьям анонимный пасквиль — диплом о присвоении поэту титула рогоносца. Там же содержался и косвенный намек на внимание к Наталье Николаевне не только Дантеса, но и самого венценосца, Николая I.

Пушкин хотя и подтверждал, что пасквиль написан не Дантесом и не Геккерном, тем не менее, вызов на дуэль был послан именно им, хотя подлинными авторами так и остались неизвестными.

Князь Трубецкой, впрочем, в своих «Записках» слегка приоткрывает завесу тайны:

«Пушкинъ все настойчивее искалъ случая поссориться съ Дантесомъ. Случай скоро представился. Въ то время несколько шалуновъ изъ молодежи, — между прочимъ Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой consin, — стали разсылать анонимныя письма по мужьямъ-рогоносцамъ. Въ числе многихъ получилъ такое письмо и Пушкинъ. Въ другое время онъ не обратилъ бы вниманія на подобную шутку и, во всякомъ случае, отнесся бы къ ней, какъ къ шутке, быть можетъ, заклеилъ бы ее эпиграммой. Но теперь онъ увидель въ этомъ хорошій предлогъ и воспользовался имъ по своему...»

Вот так все просто: «шалуны из молодежи», поименно перечисляемые рассказчиком, шутки ради рассылают анонимные письма обманутым мужьям. Вполне обыденная вещь для общества, где честь женщины — предмет для дружеской беседы в казармах, а подробности любовного романа тотчас же подвергаются совместному обсуждению. Не случайно же кавалергарды после

роковой дуэли горой стояли за полкового товарища и защищали его во всех великосветских гостиных. С их точки зрения все было абсолютно нормально и никакой трагедии в произошедшем они не усматривали. К тому же, и сам Пушкин не был образцом супружеской верности.

Княгиня Вера Федоровна Вяземская вспоминала впоследствии, что даже апатичную и холодную Натали

Дуэль А. Пушкина и Ж. Дантеса

раздражали отнюдь не платонические ухаживания мужа за А.О. Смирновой и графиней Соллогуб, подозревала она и о нежных отношениях между ним и сестрицей Александриной, насчет которой в свете ходило немало сплетен и слухов.

«Дело въ томъ, — снова вернемся к «Запискам» князя Трубецкого, — что Гончаровыхъ было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, но чрезвычайно глупая; Екатерина, на которой женился Дантесъ, и Александра, очень некрасивая, но весьма умная девушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть все стихотворенія своего будущаго beau frère и была влюблена въ него заочно. Вскоре после брака Пушкинъ сошелся съ Alexandrine и жилъ съ нею.

Фактъ этотъ не подлежить сомнѣнiю. Alexandrine сознавалась въ этомъ г-же Полетике. Однако, связь Пушкина съ Александриною мало кому была достоверно известна...»

Первый вызов на дуэль закончился свадьбой: 10 января 1837 года Екатерина Гончарова и Жорж Д'Антес-Геккерн сочтались узами брака — в Исаакиевском соборе, по православному обряду, и в костеле св. Екатерины — по католическому. Это была настоящая великосветская свадьба, причем многие присутствовавшие отмечали, что и жених, и невеста выглядели счастливыми.

Натали Пушкина присутствовала лишь на православном венчании. Пушкин приехал на свадебный обед,

где у него состоялся короткий разговор с бароном Геккерном. Тот выразил надежду на то, что теперь Александр Сергеевич, вероятно, изменит свое негативное отношение к оболганному Жоржу на родственное. Пушкин крайне сухо ответил, что не желает никаких отношений между его домом и семейством Д'Антесов-Геккерн...

И немудрено: несмотря на соблюденные, казалось бы, приличия и отказ от дуэли, 21-го ноября Александр Сергеевич написал Геккерну:

«Если дипломатия есть искусство узнавать о том, что делается у других, и раскрывать их намерения, то вы должны отдать мне справедливость, признав, что были побеждены по всем пунктам... Поединка мне уже недостаточно... Я сделаю все, чтобы вы и ваш так называемый сын были обеспечены в глазах дворов вашего и нашего!»

Приехавшего к Пушкиным с визитом Дантеса поэт так и не принял. Тогда тот написал ему письмо, но Пушкин, даже не распечатав, вернул его. И как! На вечере у тетушки Загряжской попытался отдать послание... старшему Геккерну. Тот, однако, отказался его принять. Тогда Пушкин вскипел и бросил его в лицо своему визави с криком:

— Ты его примешь, негодяй!

А вот молодая баронесса Дантес выглядела совершенно спокойной и не делала ни малейшей попытки прекратить встречи своего супруга и младшей сестры. Катрин была от-

кровенно счастлива, она буквально купалась во внимании мужа и свекра, наслаждалась роскошными, на ее взгляд, апартаментами в голландском посольстве. В письмах к родным повторяется снова и снова: «я абсолютно счастлива». И противоречит этому только одно-единственное письмо сестрицы Александрины к старшему брату:

«Катя, я нахожу, больше выиграла в отношении приличия».

Это было сочтено пушкиноведами достаточным основанием для утверждения, что брак был заключен для отвода глаз ревнивому мужу, а на деле все осталось по-прежнему. Только вот в чем дело: сама-то Александрина «в отношении приличий» находилась в крайне щекотливом положении. И гжуче завидовала старшей сестре, сумевшей сделать вполне достойную партию: сама-то Александрина все еще оставалась в девицах.

А Пушкин продолжал беситься от ревности и... регулярно изменять своей жене не только со свояченицей, но и со многими другими дамами. И неуклонно подготавливать, казалось бы, отмененную дуэль, хотя дал слово самому императору более в дуэлях не участвовать.

Дело в том, что Жуковский доложил Николаю I о предполагаемой дуэли. Тот вызвал Пушкина «на ковер» и пообещал лично защитить честь семьи поэта. Взамен взял слово, что тот не пошлет нового дуэльного вызова, не известив об этом

царя. Пушкин слово дал, но... 26 января 1837 года, через две с небольшим недели после свадьбы Катрин и Жоржа, написал чрезвычайно оскорбительное письмо Геккерну и послал ему вызов на дуэль. Именно барону Геккерну, а не его приемному сыну. Он же не давал императору слова не вызывать на дуэль голландского посланника.

В письме Пушкина была определена степень виновности каждого, про Дантеса, например, сказано, что «он только подлец и шалопай». И добавлено: «*Всем его поведением (довольно, впрочем, неловким) руководили вы!*»

Вызов был послан старшему барону, хотя Пушкин прекрасно знал, что дипломат не может по своему статусу стреляться на дуэли, и его вынужден будет заменить приемный сын. Судя по всему, он ни минуты не сомневался в том, что убьет или ранит своего противника (как было в тринадцати предыдущих дуэлях), государь-император погрозит ему в очередной раз пальчиком, сошлет на какое-то время в деревню, ненавистных Геккернов вышвырнет из России, а через пару лет все забудется. Но сценарий оказался совершенно другим.

Трудно догадаться, знала ли Екатерина Николаевна о предстоящей роковой дуэли. Надо полагать, знала. И можно только попытаться себе представить холодный ужас молодой женщины, только что обвенчавшейся со страстно любимым человеком и ждущей первенца. А если,

*Дочери Е.Н. Дантес де Геккери.
Слева направо: Леони, Матильда, Берта. Акварель Л. Фишера, 1843*

не дай Бог... Если долгожданное счастье закончится, едва начавшись?..

Потом был арест Дантеса, суд, формальное разжалование в солдаты, чужая страна, холодные стены замка в Сульце — родовом имении мужа, затерявшемся на северо-западе Франции. И — почти полная изоляция, ибо связь с Россией фактически прервалась. Брат Дмитрий был практически единственным, кто как-то поддерживал с ней переписку. Ека-

терина жаловалась, что сестры ей не пишут, и даже мать и единственная тетка, видимо, не желают компрометировать себя связью с ней. При всей своей гордости, она давала понять, что ей горько чувствовать себя отрезанным ломтем. Да и в чем, собственно, она была виновата перед своими родными?

Потом родные и вовсе перестали ей писать, она узнавала о них все новости через третьих лиц... И начала считать эту обструкцию наказа-

нием, ниспосланным ей свыше за... неумеренную страсть к мужу, которого не переставала любить и после почти пяти лет супружеской жизни, рождения трех дочерей и потери четвертого ребенка — родившегося мертвым мальчика.

Она тяжело ждала пятого ребенка, горячо, со слезами молилась о том, чтобы родился долгожданный сын! Босой ходила в католическую часовню, подолгу стояла на коленях на холодном каменном полу. Ей так не хотелось огорчать любимого мужа. Она с болью вспоминала его сдержанные поздравления на другой день после рождения третьей дочери. Свекор, барон Геккерн, кажется, обрадовался рождению ребенка больше, чем отец...

Своих немногих знакомых, а родных — особенно, она старалась всегда успокоить видимым безразличием к тому, что их с Жоржем принимают не везде, и не все из бывших ее русских соотечественников могут скрыть гримасу отвращения, случайно узнав, чья она супруга. Так, она писала из Вены брату Дмитрию (в гончаровском архиве сохранилось всего два ее письма из австрийской столицы, где они провели зиму по приглашению свекра):

«Я веду здесь жизнь очень тихую и вздыхаю по своей Эльзасской долине, куда рассчитываю вернуться весной. Я совсем не бываю в свете, муж и я находим это скучным, здесь у нас есть маленький круг приятных знакомых, и этого нам достаточно.

Иногда я хожу в театр, в оперу, она здесь неплохая, у нас там абонирована ложа...»

И еще, другое письмо ему же:

«Я в особенности хочу, чтобы ты был глубоко уверен, что все то, что мне приходит из России, всегда мне чрезвычайно дорого, и что я берегу к ней и ко всем Вам самую большую любовь!»

Добавим — безответную. Почти все пушкинисты, словно сговорившись, сквозь зубы цедят, что Екатерина Николаевна, уехав во Францию, порвала все связи с Россией и знать о ней не желала. Муж и жена — одна сатана, убийца поэта и жена убийцы не заслуживают добрых слов. Они даже правды о себе не заслуживают. К тому же, Катрин всегда ставили в вину слова, сказанные ею при отъезде из России:

— *Я прощаю Пушкина.*

Все крупные европейские газеты известили о гибели Пушкина. Дуэль трактовалась как «политическая акция», а Пушкина называли главой русской национальной партии. Именно с этого момента Европа узнала о существовании «величайшего русского поэта», а до его нелепой гибели, увы, даже и не подозревала...

Но баронессе Дантес не было дела ни до Европы, ни до славы ее погибшего свояка. Заветной мечтой Екатерины было подарить мужу наследника. Забеременев первый раз, она была абсолютно уверена, что носит мальчика, и писала уже покинувшему Россию супругу о еще не рожденном ребенке:

«Как и подобает почтенному и любящему сыну, он сильно капризничает, оттого что у него отняли его обожаемого папашу».

Но ее надеждам не суждено было немедленно сбыться: одна за другой родились три дочери — Матильда, Берта и Леони-Шарлотта. Четвертый ребенок — мальчик — родился мертвым. И, несмотря на увещевания врачей, Катрин снова готовилась стать матерью.

Екатерине Николаевне ставят в вину то, что ни в одном письме на родину она хотя бы намеком не высказала ни малейшего раскаяния или просто сожаления о петербургской трагедии. Но... в чем она должна была раскаиваться? В том, что вышла замуж по страстной любви за человека, который был вызван на дуэль САМИМ ПУШКИНЫМ? В том, что сестры вычеркнули ее из своей жизни и запретили даже упоминать ее имя? Удивительное жестокосердие со стороны Натальи Николаевны: ведь сестрицу Александрина она ни в чем не винила, хотя прекрасно знала об ее связи с покойным первым мужем. Наоборот, терпела все ее капризы: характер у Александры Николаевны с годами становился все невыносимее...

Стоит сказать, что Бог в определенный момент оказался милостив к Екатерине Николаевне: она не дожидаясь до того дня, когда младшая дочь, неведомо какими путями в совершенстве овладевшая русским языком и выучившая наизусть все стихи

Пушкина, бросила в лицо отцу роковое слово «убийца». Леони до обожествления любила Пушкина и его поэзию, в ее комнате висело несколько портретов поэта. После того, как она узнала «петербургскую историю», Леони была помещена в психиатрическую лечебницу, где и закончила свои дни. Диагноз звучал так: «Эротическая пушкиномания, загробная любовь к своему дяде». Вторая невинная жертва в этой истории...

Но это было много позже. А пока Мадонна, наконец, вняла молитвам Катрин: в сентябре 1843 года она родила мальчика, названного Луи-Жозеф-Жорж-Шарль-Морис. А вскоре в Россию полетело письмо с известием, что Екатерина находится в тяжелом состоянии: у нее послеродовая горячка. Катрин умирала тяжело, но и во время агонии никто не слышал от нее жалобы или стоны. Привычка терпеть, ничем не выдавать своего страдания до конца осталась при ней.

Есть предание, что, умирая, она шептала слова, написанные мужу в 1837 году уже после дуэли и высылки:

«Единственную вещь, которую я хочу, чтобы ты знал ее, в чем ты уже вполне уверен, это то, что тебя крепко, крепко люблю, и что в одном тебе все мое счастье, только в тебе, тебе одном!»

Пятнадцатого октября 1843 года Гончарова-Дантес скончалась и была похоронена в Сульце. На могиле — крест, обвитый четками.

Баронесса Екатерина Дантес де Геккерн

Катрин сознательно принесла себя в жертву, желая, вопреки советам врачей, подарить мужу наследника. Но таких женщин можно насчитать сотни, если не тысячи. И если бы баронесса Д'Антес не была «женой убийцы», кто обратил бы внимание на ее смерть от родильной горячки?

А ее обожаемый муж, ставший вдовцом в тридцать два года, так больше никогда не женился. Детей взялась растить его незамужняя се-

стра, а сам он сосредоточил свое внимание на политическом и финансовом поприще. Стал богатым промышленником, сенатором, уважаемым в обществе человеком. И умер в своей постели на восемьдесят четвертом году жизни, более чем на полвека пережив свою русскую жену.

Кстати, на смертном одре он вспоминал только «милую Коко», а вовсе не прекрасную Натали... □

Дворянское

ГНЕЗДО

Ивлин Во

1

Я прибыл в Ванбург без пяти час. Дождь лил как из ведра, и площадь перед паршивенькой станцией пустовала, если не считать продуваемого всеми ветрами такси. Они могли бы прислать за мной автомобиль.

И как далеко находится Стайл? Примерно в трех милях, сказал мне кондуктор. А какая часть Стайла меня интересует? Поместье герцога? Еще миля по другую сторону деревни.

Могли и прислать бы за мной автомобиль.

Не без трудностей мне удалось найти таксиста, мрачного молодого человека. Утешало только одно: ему предстояло вымокнуть сильнее, чем мне. Поездка нас ждала жуткая.

После перекрестка в Стайле мы, наконец-то, добрались до стены, огораживающей парк, бесконечной и обветшалой, тянувшейся вдоль дороги и повторяющей все ее повороты и изгибы. С лишенных листвы деревьев капала вода на и так намокшие камни. Через какое-то время мы увидели ворота и сторожевые будки, которых было целых три. Через кованое железо виднелась широкая и неухоженная подъездная дорожка.

Но ворота оказались запертыми на всякий замок, а в сторожевых будках большинство окошек было разбито.

— Дальше есть еще ворота, — сообщил мне таксист. — Потом еще и еще. Как я понимаю, должны они как-то входить и выходить, хотя бы изредка.

В конце концов мы нашли проселок, который вел мимо каких-то фермерских домов к подъездной дорожке. Парковую землю по обе стороны ограждали изгороди, и использовалась она, несомненно, под пастбища. Одна очень грязная овца выскочила на дорогу и, завидев нас, бросилась прочь, то и дело оглядываясь, а когда мы ее обогнали, уставилась нам вслед. Дорога все-таки привела нас к особняку, по мере приближения расширяющемуся во все стороны.

Таксист потребовал с меня восемь шиллингов. Я заплатил и позвонил в дверь.

После некоторой задержки ее открыл какой-то старик.

— Мистер Воэн, — представился я. — Как я понимаю, его светлость ждет меня к ленчу.

— Да, заходите, пожалуйста. — Я уже хотел отдать ему мою шляпу, когда он добавил: — Я — герцог Ванбургский. Надеюсь, вы извините меня за то, что я сам открыл дверь. Дворецкий сегодня в постели — у него ужасно болит спина, а других лакеев давно уже нет.

Комната, в которую мы вошли, стала для меня полной неожиданностью. Только однажды, лет в двенадцать, мне довелось побывать в герцогском

доме, и, если не считать фруктового сада, запомнился он мне диким холодом: даже пришлось бежать по длинным коридорам за меховой накидкой, которую мать попросила принести ей после обеда, чтобы хоть немного согреться. Конечно, случилось все это в Шотландии, но всеокупающая жара, которая встретила нас, когда герцог открыл дверь, изумила меня сверх всякой меры. Двойные окна закрыли намертво, и яркий огонь пылал в круглом викторианском камине. Воздух наполнял тяжелый аромат хризантем, на каминной доске стояли золоченые часы под стеклянным колпаком, и повсюду я видел фарфоровые статуэтки и прочие безделушки. Такую комнату ожидаешь найти где-нибудь в Ланкастер-Гейт или Элм-Парк-Гарден, где вдова какого-то провинциального рыцаря коротает свои дни среди преданных слуг. Перед камином сидела старушка и грызла яблоко.

— Дорогая моя, это мистер Возн, которому предстоит вывезти Стайла за границу... моя сестра, леди Эмили. Мистер Возн только что приехал из Лондона на своем автомобиле.

— Нет, — поправил его я, — я приехал на поезде. В двенадцать пятьдесят пять.

— Не слишком ли это дорого? — спросила леди Эмили.

Возможно, мне пора объяснить причину моего визита. Как я уже говорил, у меня нет привычки возвращаться в столь высокородных кругах, но моя крестная, из тех самых кругов, изредка проявляет интерес к моим делам. Я только-только закончил Оксфорд и еще не смог найти применения моим талантам и полученным знаниям, когда она неожиданно узнала, что герцогу Ванбургскому нужен домашний учитель, чтобы вывезти его внука, восемнадцатилетнего юношу, маркиза Стайлского, за рубеж. Вроде бы предлагался вполне приемлемый способ времяпрепровождения ближайших шести месяцев, и после достигнутой договоренности я прибыл в Ванбург с тем, чтобы на следующий день забрать моего ученика и отбыть с ним на континент.

— Вы приехали поездом? — переспросил герцог.

— В двенадцать пятьдесят пять, — подтвердил я.

— Но вы говорили, что приедете на автомобиле.

— Нет, я не мог такого сказать, у меня нет автомобиля.

— Если вы этого не говорили, мне следовало послать Бинга, чтобы он встретил вас. Бинг вас не встретил, так?

— Нет, не встретил.

— Ну, вот видите!

Леди Эмили положила огрызок и внезапно сменила тему:

— Ваш отец в свое время жил в Оукшотте. Я знала его довольно-таки хорошо. Отвратительно держался в седле.

— Вы говорите про моего дядю Хью. Мой отец чуть ли не всю свою жизнь провел в Индии. Там он и умер.

— Не думаю, что он мог так поступить, — ответила леди Эмили. — Просто не верю, что он отправился туда, правда, Чарльз?

— Кто? Что?

— Хью Возн никогда не бывал в Индии, так?

— Нет, нет, разумеется, нет. Он продал Оукшотт и уехал куда-то в Гэмпшир. В Индии он не бывал.

В этот момент в комнату вошла еще одна пожилая дама, практически неотличимая от леди Эмили.

— Это мистер Возн, дорогая моя. Ты помнишь его отца из Оукшотта, правда? Он вывезет Стайла за границу... моя сестра, леди Гертруда.

Леди Гертруда ослепительно улыбнулась и пожалала мне руку.

— Я знала, что кто-то приедет к ленчу, и когда пятнадцатью минутами раньше увидела Бинга, входящего в дом с овощами, подумала, а ведь он должен быть в Ванбурге и встречать поезд.

— Нет, нет, дорогая, — возразила леди Эмили. — Мистер Возн приехал на автомобиле.

— Тогда все хорошо. Я думала, что он приедет на поезде.

2

Маркиз Стайлский на ленч не пришел.

— Боюсь, поначалу вы найдете его очень застенчивым, — объяснил герцог. — До этого утра мы не говорили ему о вашем приезде. Боялись, что это может его расстроить. И действительно, он немного расстроился. Вы видели его после завтрака, дорогие мои?

— Не кажется ли вам, что мистеру Возну лучше знать правду о Стайле? — спросила леди Гертруда. — Он же и так скоро все узнает.

— Правда в том, мистер Возн, — вздохнул герцог, — что у моего внука не все в порядке с головой. Он не безумец, вы понимаете, но сильно отстает в развитии.

— Моя крестная мне что-то такое говорила, — кивнул я.

— Главным образом потому, что не ходил в школу. Он проучился в частной школе два семестра, но ему там не нравилось, и плату за обучение брали очень большую; поэтому я его оттуда забрал. С тех пор он не получал нормального образования.

— Никакого образования, дорогой, — уточнила леди Гертруда.

— Что ж, дело обстоит именно так. Безусловно, это печально, как вы, разумеется, поймете. Видите ли, мальчик — мой наследник и... что ж, это крайне неудачно. А теперь выяснилось, что мать мальчика оставила довольно-таки большую сумму на его образование. Ничего другого с этими деньгами сделать нельзя... и, по правде говоря, я совершенно забыл обо всем этом, пока на днях мне не напомнил мой адвокат. Кажется, на счету сейчас порядка тысячи трехсот фунтов. Я обсудил сложившуюся ситуацию с леди Эмили и леди Гертрудой, и мы пришли к заключению, что наилучший вариант — отправить его за границу с домашним учителем. Может, он изменится к лучшему. Во всяком случае, мы будем уверены, что выполнили свой долг перед мальчиком (мне показалось странным такое их отношение, но я ничего не сказал). Вам, вероятно, придется купить ему кое-какую одежду. Видите ли, он нигде не бывает, и, так уж вышло, одежда у него, боюсь, поизносилась.

Когда ленч закончился, они поставили на стол большую коробку сливочной помадки с мятным вкусом. Леди Эмили съела пять.

3

Что ж, Оксфорд я закончил далеко не с отличием и восторженными рекомендациями не располагал, так что не пристало мне выказывать излишнюю разборчивость. Однако я счел ниже своего достоинства убивать год, сопровождая высокородного психа по всей Европе, и уже практически принял решение отказаться от предложенной работы, рискуя, правда, вызвать неудовольствие моей крестной, когда появился молодой человек.

Он остановился в дверях столовой, оглядывая нас четверых. Чувствовалось, что ему определено не по себе, но при этом он не очень-то тусовался.

— Привет, вы закончили ленч? Могу я взять мятную помадку, тетя Эмили?

Юноша мне понравился. Роста чуть выше среднего, говорил он с интонациями, свойственными людям благородного происхождения, которые

жили среди слуг и крестьян. Одежда, конечно, оставляла желать лучшего: ярко-синий костюм с четырьмя пуговицами на пиджаке, слишком для него маленький, поэтому из-под брючин виднелись несколько дюймов шерстяных носок, белая фланелевая рубашка с жестким вечерним воротником и очень узкий галстук, завязанный морским узлом, излишне длинные волосы он пригладил водой. Но при всем этом молодой человек точно не выглядел безумцем.

— Войди и поздоровайся со своим новым учителем, — предложила леди Гертруда, словно разговаривая с шестилетним ребенком. — Протяни правую руку... да, эту.

Юноша неуклюже подошел ко мне, протягивая руку, потом убрал за спину и тут же выбросил вперед, при этом еще и наклонившись ко мне. Я вдруг почувствовал стыд за это не умеющее вести себя в обществе существо.

— Добрый день, — поздоровался он. — Если не ошибаюсь, они забыли послать за вами автомобиль, так? Последний домашний учитель приехал на станцию и попал сюда только в половине третьего. Потом они сказали, что я псих, и он тут же ушел. Они уже сказали вам, что я псих?

— Нет, — заверил я его, — конечно же, нет.

— Что ж, еще скажут. Но, возможно, уже сказали, просто вы не хотите меня расстраивать. Вы — джентльмен, так? Мой дед любит говорить: «Он — негодяй, но, по крайней мере, джентльмен». Насчет меня можете не волноваться. Они все говорят, что я псих.

В любом другом месте такая тирада могла вызвать неловкость, но леди Гертруда заговорила спокойно и без всяких эмоций:

— Ты не должен так разговаривать с мистром Возном. Подойди и возьми мятную помадку, дорогой, — и выразительно посмотрела на меня, словно спрашивая взглядом: «Ну, что я вам говорила?»

И вдруг, совершенно внезапно и неожиданно для себя, я решил согласиться на эту работу.

Часом позже мы уже сидели в поезде. В моем кармане лежал чек герцога на сто пятьдесят фунтов, выделенных на предварительные расходы. Маленький чемоданчик с жалкими пожитками юноши легко поместился на полке над его головой.

— И как мне вас называть? — спросил он.

— Большинство моих друзей называют меня Эрнестом.

— Мне тоже можно?

— Да, разумеется. А как мне называть тебя?

На его лице отразилась неуверенность:

— Дедушка и тетушки называют меня Стайл, все остальные «мой господин», когда они рядом, и Бэтс, когда мы одни.

— Но разве у тебя нет имени, данного при крещении?

Ему пришлось призадуматься, прежде чем ответить.

— Да... Джордж Теодор Верней.

— Что ж, тогда я буду звать тебя Джордж.

— Правда? А скажите, вы часто бываете в Лондоне?

— Да, обычно я там живу.

— Понятно. Знаете, я никогда не был в Лондоне. Никогда не уезжал из дома... кроме как в школу.

— Там было ужасно?

— Там было... — он произнес ругательство, какое можно услышать от крестьянина. — Наверное, нельзя мне так говорить? Тетя Эмили говорит, что нельзя.

— Она совершенно права.

— Знаете, ей в голову иногда приходят такие странные идеи... — И мы с ним весело проболтали всю оставшуюся часть пути.

В тот вечер он выразил желание пойти в театр, но, помня об одежде юноши, я ранним вечером уложил его спать, а сам отправился на поиски друзей. Имея в кармане сто пятьдесят фунтов, я мог позволить себе шампанское, не говоря уже о хорошей истории, которую намеревался рассказать.

Следующий день мы провели, заказывая одежду. Едва я увидел вещи, которые он взял с собой, мне стало понятно, что в Лондоне нам придется провести четыре или пять дней, не было у него ничего, что можно здесь носить. Как только он проснулся, я отвел его во все магазины, где уже успел задолжать. Он заказывал много и с явным удовольствием. К вечеру начали прибывать первые покупки, и скоро его номер превратился в груды картона и оберточной бумаги. Мистер Филлрик, который всегда производит впечатление, будто я — первый клиент, решившийся заказать у него

костюм, так растрогался, видя его покупательскую искренность, что прибыл к нам в отель в сопровождении помощника, несшего целый чемодан с образцами тканей. Джордж показал врожденную тягу к клетке. Мистер Филлрик пообещал, что два костюма будут готовы к четвергу, а третий догонит нас в Крильоне. Я спросил, не знает ли он места, где можно приобрести сносный готовый костюм для выхода в свет? Он назвал магазин, куда его фирма продавала костюмы, от которых по каким-то причинам отказывались клиенты. Мистер Филлрик хорошо помнил отца его светлости и пообещал прийти завтра на примерку. Спросил, есть ли у меня необходимая одежда, потому что у него появились новые интересные ткани. Что же касается числящегося за мной должка... что ж, я мог оплатить его в любое удобное для меня время (хотя в его последнем письме однозначно указывалось, что новый заказ он возьмет лишь после полного расчета по долгам). Я заказал два костюма. Все это действие очень понравилось Джорджу.

А уже на следующее утро я перестал изображать из себя учителя. Нам предстояло провести в Лондоне четыре дня до отъезда на континент, и, как и говорил Джордж, в столицу он попал впервые. Ему хотелось увидеть все и, прежде всего, познакомиться с новыми людьми. При этом он легко отличал хорошее от плохого и обладал врожденной утонченностью, которая легко просматривалась сквозь налет провинциальности. Впервые попав в театр, он радовался и изумлялся как ребенок, сцена, оркестр, зрительный зал завораживали его. Он настоял на том, чтобы мы заняли свои места за десять минут до начала и ушли за десять минут до окончания первого действия. Он думал, что зрелище вульгарное, скучное и отвратительное, а ему хотелось еще столько увидеть. Точка зрения

«можно-остаться-здесь-раз-за-все-уплочено» представлялась ему неприемлемой.

Так же он подходил и к еде, хотел перепробовать все блюда. Если какое-то ему не нравилось, тут же заказывал что-нибудь еще. В первый наш обед он решил, что шампанское безвкусное и неприятное, после чего отказался его пить, не желая подстраиваться под чьи-то вкусы, а в Национальной галерее отказался на что-либо смотреть после «Смерти Петра-мученика» Беллини.

Джордж пользовался огромным успехом у всех, с кем я его знакомил. Манер у него не было никаких. Он говорил, что думал, и с интересом слушал все, что говорилось при нем. Поначалу иногда вмешивался с довольно тревожащей искренностью в разговоры, состоящие чуть ли не целиком из штампов, к которым мы так привыкли, но почти сразу понял, какие фразы произносятся чисто механически, а потому их надобно пропускать мимо ушей. Расхожие выражения и словечки он схватывал на лету, но использовал по-своему, придавая им новые оттенки.

И все это произошло за четыре дня. За четыре месяца перемены были бы куда заметнее. Я отметил для себя, как он с каждым часом набирался опыта и приобретал новые знания.

В наш последний вечер в Лондоне я купил атлас и попытался объяснить ему, куда мы едем. Мир делился для него на три части: Европа, где находилось множество городов, таких, как Париж и Будапешт, одинаково далеких от Англии, Восток, кишущий слонами и верблюдами, пустынями и дервишами, и Америка, которая, помимо двух континентов, включала в себя Австралию, Новую Зеландию и большую часть Британской империи.

— Нам придется остановиться на ночь в Бринзини, — сказал ему я. — Тогда утром мы сможем пойти в «Ллойд Трестино». Как много ты куришь!

Мы только вернулись после чая и коктейль-пати. Джордж стоял перед зеркалом и разглядывал себя в новой одежде.

— Знаешь, он хорошо сшил этот костюм, Эрнест. Это единственное, чему я научился дома — в смысле, курить. Обычно я уходил в седельную с Бингом.

— Ты не сказал мне, как тебе коктейль-пати?

— Эрнест, почему все твои друзья были так милы со мной? Только потому, что я стану герцогом?

— Думаю, для некоторых это многое значит... для Джулии, например. Она сказала, что ты выглядел таким потеряннным.

— Боюсь, Джулия мне не приглянулась. Нет, я про Питера и этого забавного мистера Олифанта.

— Я думаю, ты им просто понравился.

— Как странно! — он вновь оглядел себя в зеркале. — Знаешь, я хочу сказать тебе, что после этих нескольких дней уже не верю, что я псих. Только дома я чувствовал себя не таким, как все. Разумеется, я многого не знаю... Но я подумал... как, по-твоему, может, это дедушка и мои тетушки безумные?

— Они, конечно, старые.

— Нет, сумасшедшие. Я помню, как странно иной раз они себя вели. Прошлым летом тетя Гертруда решила, что под кроватью у нее рой пчел, и позвала садовников, чтобы их выкурили. Отказывалась вылезать из кровати, пока пчелы не улетели, а ведь их не было вовсе. Или дедушка как-то сплел венок из листьев клубники и танцевал по саду, распевая детские песенки. Тогда я не обратил на это внимание, но ведь это странное поведение, правда? В любом случае, я не увижу их долгие месяцы. Ох, это прекрасно! Тебе не кажется, что рукава узковаты? В Афинах люди черные?

— Не черные, как уголь... по большей части, евреи и студенты-выпускники.

— Кто это?

— Вот Питер, например, — студент-выпускник.

— Слушай, как думаешь, люди могут принять меня за студента-выпускника?

4

Иногда мне кажется, что природа, как ленивый автор, превращает в короткий рассказ то, что задумывалось началом романа.

Наутро почтой мне прибыли два письма. Одно из банка, с чеком герцога на сто пятьдесят фунтов и пометкой: «Платежи прекращены», другое из адвокатской конторы, с сообщением, что они, точнее, один из них, этим утром нане-

сет мне визит по поручению герцога Ванбургского. Я отнес письма Джорджу.

Он ответил одной фразой: «Я чувствовал, что все это слишком хорошо, чтобы затянуться надолго».

Адвокат прибыл. На лице читалось неудовольствие, поскольку мы не потрудились одеться к его приходу. Он выразил желание поговорить со мной наедине.

Его светлость, сказал он, изменил свои планы в отношении внука. Разумеется, строго между нами, мы должны признать, что мальчик немного не в себе... так печально... такой древний род... и я, если б что случилось, оказался бы в сложном положении... его светлость обсудил все с леди Эмили и леди Гертрудой... слишком это опасный эксперимент... кроме того, они специально держали мальчика взаперти, потому что не хотели, чтобы мир знал... дискредитация фамилии... и, разумеется, пойдут разговоры. Это совершенно не его дело, обсуждать правильность решения клиента, но он очень удивлен, что его светлость вообще рассматривал возможность отпустить мальчика из дома... потом, возможно, но не сейчас... он должен находиться под постоянным присмотром. И, разумеется, он должен унаследовать большие деньги, дела у его светлости идут гораздо лучше, чем предполагают многие... городская недвижимость... поместье... и так далее.

Он получил указания оплатить все расходы по сегодняшней день и выдать мне трехмесячное жалование... очень великодушно со стороны его светлости, учитывая отсутствие документально подтвержденных обязательств... Что же касается одежды... мы, похоже, перестарались. Однако все готовые вещи вернутся обратно в магазины, а заказанные будут оплачены. Он получил инструкции и на этот счет... и сам отвезет маркиза Стайлского к дедушке.

Через час они уехали.

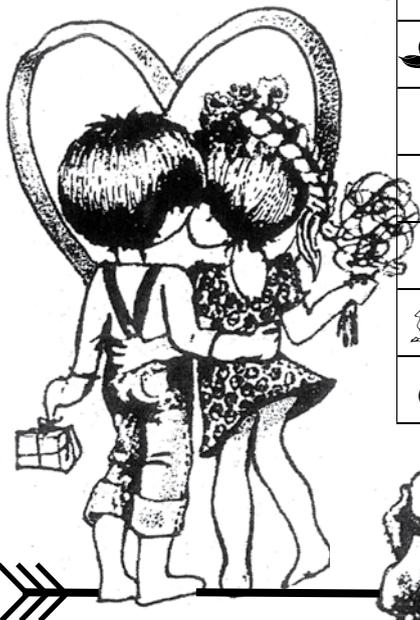
— Я провел прекрасные четыре дня, — сказал на прощание Джордж и добавил. — Все равно через три года мне исполнится двадцать один, и деньги моей матери станут моими. Думаю, это неправильно отсылать все эти галстуки. Как, по-вашему, могу я оставить себе один или два?

А пятью минутами позже позвонила Джулия, чтобы пригласить нас на ленч. □

Перевод с английского

Виктора Вебера

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Елена
Логунова

Купидона

— Любви все возрасты покорны, — ска-
зал поэт.

И тут же добавил первое веское «но»:

— Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как воды вешние полям:
В дожде страстей они свежают.

Спорить с Пушкиным не будем, напротив, подкрепим его утверждение мнением психологов: болеть любовью можно в любом возрасте, и в различные периоды жизни это заболевание протекает по-разному.

Первый интерес к противоположному полу проявляется еще в детстве — возникают особые симпатии и увлечения, которые запоминаются надолго.

Впервые я влюбилась, когда мне было пять лет — в Сережку Жолтикова. Жгучее чувство пришло ко мне одновременно с пониманием, что ВСЕ девочки из нашей группы детского сада неровно дышат к этому самому Сереже.

Я не помню, как он выглядел. Зато помню, как мы бегали по двору, играя в салочки... И я летела, как на крыльях, через клумбу, где хилые астры загибались в объятиях могучей крапивы... А великолепный Сережа Жолтиков сопел и топал позади, заставляя меня отчаянно волноваться в ожидании неизбежного прикосновения его крепкой, как деревянный совочек, ладошки к моим крыловидным лопаткам.

Я до сих пор волнуюсь и трепещу в ожидании первого прикосновения. И в том, что от него у меня обычно подкашиваются коленки, всецело виню быстрого Сережу Жолтикова: ведь это он в той давней игре в салочки беспардонно обрушил меня лицом в лопухи! Должно быть, с годами рефлекс закрепился.

Впрочем, Сережу я разлюбила очень скоро и в один момент. В тот роковой день мы бок о бок скакали на деревянных лошадках, играя в красных дьяволят, преследующих белогвардейцев. «Будем двигаться быстро, но тихо!» — скомандовала я, а красный дьяволенок Жолтиков возразил мне: «Так не бывает!» Он не понял, что слово «тихо» в контексте сказанного означало «бесшумно». Я попыталась рассказать ему про слова-синонимы, но натолкнулась на глухую стену непонимания. О ее незыблемую твердь и разбилось мое самое первое нежное чувство.

С тех пор я бегу от неинтеллектуальных и малоэрудированных мужчин, как одинокий недобитый беляк от эскадрона мстительных красных дьяволят. Но умников на свете не так уж мало, а я до безобразия влюбчива, так что стрела Амура разит мое сердце с регулярностью, способной посрамить лунный цикл. И накопленный личный опыт позволяет мне безоговорочно верить психологам, утверждающим, что в разные времена своей жизни мы, женщины, любим по-разному.

Наше восприятие любви в большей степени зависит от возраста — вопросы «когда», «где», «как» и «почему» взаимосвязаны. Вздумай маленький проказник Купидон, в подражание Менделееву, составить свою периодическую таблицу (поскольку у амурчика руки постоянно заняты луком со стрелами, предла-

гаю сделать это за него), получилась бы довольно четкая система.

Примерно такая:

Любовь в песочнице

Случается в нежном детсадовском возрасте, выражается бурно и искренне, объясняется невразумительно и, с точки зрения взрослых, нелогично, но исчерпывающе: «Я люблю Петю, потому что он громкий», или «Потому что он меня обзывает», или «Потому что у него ружье с пулями» — варианты неисчерпаемы и восхитительно нелогичны.

Психологи предупреждают мам и пап, что недооценивать детские чувства нельзя. Малыши 4–5 лет умеют любить не менее верно и страстно, чем взрослые.

Любовь за партой

Настигает нас, как правило, в начальной и средней школе, выражается публично и вообще имеет характер социального чувства. А возникает обычно из желания быть не хуже других.

Первое четко и ясно сформулированное признание в любви я услышала во втором классе — от Ромы Компанийцева, который открыл мне

свои чувства во время школьного завтрака, как сейчас помню, между сосиской и компотом. Присутствие за столом всего нашего второго «В» ни меня, ни Рому не смутило: то было время влюбляться коллективно, целой компанией, и сразу вслед за Ромео Компанийцевым свои признательные записки в мой школьный ранец положили еще двое пылких влюбленных. Я безжалостно отвергла всех их оптом, и уже на следующий день все в той же столовой Рома Компанийцев предложил свое юное сердце Леночке Маховой (кстати, с тем же результатом).

Сердца в то время у нас были тугие и крепкие, как помидоры-сливки: их было совершенно невозможно разбить, и даже колющим и режущим инструментам они оказывали самое упорное сопротивление (это я о помидорах, хотя аналогия полная).

Любовь в парадном

Старшие классы средней школы — это прекрасное и ужасное время отчаянной и бескорыстной любви, которая более или менее безопасна только в том случае, если совершенно безответна.

Губы, помятые неловкими поцелуями в полутемном подъезде, и попа, отмороженная за время длительного свидания на парковой ла-

вочке, — это минимум потерь, с которым выходит из подростковой влюбленности удачливая барышня. Наиболее невезучие успевают принести знойному чувству полноценную жертву, в которой впоследствии непременно раскаиваются.

С тринадцати до семнадцати лет мы все Джульетты, готовые принять за благородного Ромео любого юного оболтуса, говорящего нам заветные слова: «Я, слышь... Это... Ну, типа, того... Люблю ты, ваще!» Формулировка может быть более лаконичной и изящной, но сути дела не меняет. Неопытное девичье сердце реагирует на пароль, как пещера с сокровищами на незатейливое «Сим-Сим, откройся!», после чего кладезь нежных чувств неминуемо подвергается разграблению.

Пожалуй, единственным, но зато существенным плюсом этой драматической ситуации является то, что сокровищницы девичьей любви наполняются вновь даже быстрее, чем трюмы тонущего «Титаника». Как мудро заметил другой русский классик — Антон Сергеевич Макаренко: «Хорошо, что сердца Марусь устроены по принципу взаимозаменяемости частей. Пройдет два месяца, вывинтит Маруся изнашившийся ржавый образ Пети и, прочистив сердце керосином надежды, завинтит новую блестящую деталь — образ Панаса...»

По статистике, за три-четыре года каждая влюбчивая Маруся успе-

вает более или менее контактно примерить к резьбе своего сердца от трех до семи «блестящих деталей». Но практически все они сдаются в металлолом не позднее утра после выпускного бала.

Любовь в аудитории

Возраст: 17–22. Джульетта благополучно пережила всех лже-Ромео и вырвалась из более или менее тихой гавани отчего дома на штормовой простор большой жизни.

Физически и духовно она уже настоящей взрослою, но женским опытом, коварством, расчетливостью и кокетством не вооружена, а потому легко уязвима.

Этот опасный период чреват скоропалительными и скоропортящимися браками и ранним материнством, как в окольцованном состоянии, так и вне его.

Любовь где-то там

Это смутное определение относится уже не к географии преимущественного распространения нежного чувства, а к его роли в жизни гражданочки сознательного возраста: в списке ее жизненных целей любовь, как правило, отступает на заранее

подготовленные позиции и занимает место между борьбой за умножение и сохранение красоты и расплывчатым «то-се».

Замуж в этот период уже не выскакивают, а выходят, соблюдая подобающую торжественность. Влюбляться не спешат, прислушиваясь больше к голосу разума, нежели к зову сердца. Но уж если дама влюбляется... Тогда держите ее семеро, и то не факт, что удержите: помнится, телохранители-гномы с Белоснежкой в этом смысле сработали некачественно, хотя количественно как раз соответствовали.

Самостоятельная, независимая, полная сил и желаний особа «около тридцати» опасна для мужчин, пожалуй, больше, чем они для нее.

Этот период торжества и глумления слабого пола над сильным дамы, его пережившие, впоследствии вспоминают с особым удовольстви-

ем. Вырваться из сладкого плена удается не всем: в возрасте между двадцатью и тридцатью годами женщина, приятная во всех отношениях, застревает, как паровоз в депо.

Любовь всегда, любовь везде

«За тридцать» — универсальное определение возраста, устремленного в бесконечность, и потому «30+» — это самая большая, содержательная, с подразделами, пунктами и подпунктами, ячейка периодической таблицы Купидона.

Раздробить ее на типичные периоды теоретически можно, а вот практически — извините, рука не поднимается!

Я попробую это сделать лет через двадцать, пожалуй. □

*..Есть ценностей
незыблемые скалы
над скучными
ошибками веков*

*Осип
Мандельштам*

Давайте жить на солнечной стороне

Татьяна Комарова

Многие из нас часто задаются вечным вопросом: что делать? как жить дальше? кто виноват? Нравственный кризис, о котором сегодня говорят гораздо меньше, чем об экономическом, — это не что иное, как потеря смысла жизни. Отсюда и разгул преступности, рост алкоголизма и наркомании, равно как и душевных заболеваний. Кому же лучше знать ответы на эти вопросы, как не Владимиру Леви, известному знатоку че-

ловеческих душ, написавшему ряд книг, ставших бестселлерами: «Нестандартный ребенок», «Искусство быть собой», «Искусство быть дружим», «Цвет судьбы». Владимир Львович и сегодня в прекрасной форме, недавно вышла его новая книга «Ошибки здоровья» — о том, как ошибки души и тела предупреждать и исправлять.

Мы же попросили Владимира Леви поразмышлять о том, что с на-

ми происходит, есть ли «диагноз» нашего внутреннего дискомфорта, и как обрести душевное равновесие.

— Есть такое понятие — «история болезни». Если слова поменять местами, получится «болезнь истории». Это как раз то, в чем мы живем, — говорит Владимир Львович. — Если заболел человек, врачи обязательно изучают его наследственность. Так вот, социально-психологическая наследственность — совершенно реальная вещь. То, как чувствовали и мыслили наши предки, отражается в потоках, то есть, в нас.

— *Сами россияне называют свою родину «страной чудес». Многие, кстати, этих «чудес» не выдерживают и уезжают...*

— Болезнь истории переживает не только Россия. Вспомним хотя

бы Германию, ныне здоровую, а вернее, выздоровевшую. Ведь эта страна чуть было не погубила себя, со всем миром в придачу. Такие же моменты были у ныне процветающей Японии: серия войн, Хиросима, дикий кризис, аварии на ядерных станциях. Даже в спокойной деловой Швейцарии можно найти свои болевые точки. А внешне благополучная Швеция — одна лидеров по количеству самоубийств.

Чрезвычайно важно понять особенности своей исторической социально-душевной болезни. Такое «самопонимание» — начало излечения. Наша страна уже долгое время переходит из одного экстремального состояния в другое, и самое печальное, что у многих утрачена вера в завтрашний день.

А в результате происходит эволюция душ не в лучшую сторону, одичание какое-то, озверение. Достоевский описывал, как страшно мучился Раскольников, убив старушку, его душевные муки достигали вселенских размеров. Современные же убийцы цинично расстреливают свои жертвы и при этом чувствуют себя совершенно спокойно. Заемный термин «киллер» мне абсолютно не нравится, он придает как бы благопристойный характер этой, с позволения сказать, профессии наемного убийцы...

В своей профессиональной практике, подробно занимаясь исследованием душевного развития детей, подростков и молодых людей, я могу конкретно наблюдать, как зарожда-

ются семена психологии убийцы, как готовятся они дать ростки. К сожалению, и почва для этого имеется: агрессивность среды, жестокость и бесчеловечность на уровне самой обыденной, бытовой психологии...

Однажды ко мне на прием пришел молодой человек, который уже чуть было не занялся «мокрым» ремеслом. С детства он был хилый, слабый, сверстники его били, унижали. Постепенно в нем пробудилось стойкое мстительное желание утвердить себя. Подростком начал фанатично заниматься спортом, нарастил мускулы, стал здоровым и крепким малым. Но чувство неполноценности и постоянной униженности, как бывает в таких случаях, продолжало его преследовать. Кроме того, первая же девушка, в которую он влюбился, бросила его накануне свадьбы. Бросила из-за его финансовой несостоятельности, в чем откровенно призналась...

История очень банальная, но представьте, как почувствовал себя этот парень, с высшим образованием, сын профессора, тоже оказавшегося в нищете. Он припомнил, что один из его приятелей живет на широкую ногу, ездит на иномарке, потому что обретается в одном из подразделений так называемой организованной преступности, а проще говоря, в банде по угону автомобилей. Парень и попросился в эту банду. Одним из первых испытаний была разборка с человеком, которого похитили для выколачивания долга.

С месяц ему неотвязно мерещилось изуродованное лицо «должника»... А следующим заданием должно было стать уже физическое устранение конкурента. Состояние ужаса и отчаяния побудило его позвонить мне (ему попала моя книга) и попроситься на прием. В этот момент он как раз находился на грани, переступив которую, обратно не возвращаются.

Был у меня еще один пациент, который работал банковским охранником. Психология охранника — это тоже нечто особенное. В человеке появляется нечто от цепного пса, так и хочется кого-нибудь укусить. А сколько молодых, здоровых ребят оказались сегодня в этой шкуре цепных псов, потому что больше нигде себя реализовать. Молодого человека, который пришел ко мне, удалось вытащить из «воронки». Корень его ущербности, как и у множества других, — внутренняя несвобода: жесткая психологическая зависимость от оценок окружающих, от материального положения, от успеха, понимаемого не своим умом, а навязанного неосознанными стереотипами. По существу, это психология раба, все та же болезнь истории... Я помог ему осознать свой комплекс и найти, что ему противопоставить: парень увлекся компьютером, пошел учиться, нашел нормальную работу.

...В начале века известный психиатр Ломброзо описал в своей моно-

графии преступный типаж. Низкий лоб, сильная челюсть, что-то от обезьяны. В этой не очень научной теории была доля истины. Владимир Леви, прекрасный физиономист по долгу службы, изучая сегодня «криминальные» лица, пришел к тревожным выводам. Современный преступник выглядит чаще всего как самый обычный, а то и с претензией на интеллект, человек. Один из недавних серийных убийц, например, ликом — ну, просто библейский апостол. Этот нарастающий диссонанс, по мнению Леви, говорит об очень опасной фазе «болезни истории». Нам угрожает необратимое перерождение нравственных основ, духовная мутация. Поэтому главное сейчас — объединить все здоровые силы, мобилизоваться, чтобы переломить страшную тенденцию, найти и утвердить новую основу для общественного согласия, взаимопонимания и доверия.

— Владимир Львович, но где же все-таки взять силы, откуда черпать веру, надежду и оптимизм?

— В этом вопросе отзвук нашего вечного иждивенчества, нашего неверия в себя, непривычки на себя опираться. А если поставить вопрос иначе: как силу выработать, нарастить? Невозможно достойно жить, если не развивать собственные «производственные» мощности.

— Есть надежда, что эти «мощности» заработают в нашем нынешнем положении? Ведь все больше россиян впадают в депрессию...

— Надежда есть, и немалая. Я вспоминаю опыт военного прошлого, опыт недавних поколений. Великий психотерапевт Виктор Франкл, австриец, пройдя через Освенцим, пережив самое страшное, что только можно пережить, выработал свой метод и свою философию спасения жизни и души. Философия эта — религиозная, основой своей совпадающая с положениями всех главных религий мира, и может быть выражена кратким утверждением: в человеке живет Бог. Франкл многих спас от самоубийства, отчаяния и депрессии.

Смотреть нужно на свет, ориентироваться на позитив в человеке. Из века в век общий источник духовных сил человека — один. Все ветви мировых религий выходят на общий вектор — «ценностей незыблемых скалу». Они известны — это любовь, взаимопонимание, красота, доброта. Всего этого так много в русской культуре, а значит, есть в каждом из нас, заложено в наших социальных генах. Для меня лично, например, психотерапия — русский язык, русская словесность. Какое богатство, какая светоносная мощь! Вот откуда надо черпать!

А сколько примеров как тьмы кромешной, так и лучезарного света... Я вижу людей, у которых роскошные виллы и большие счета в банке, но они глубоко несчастны. Знаю и таких, которые живут трудно, бедно, но их лица светятся радостью и добротой. Именно к этим людям применимы слова: «в ро-

скошной бедности, в могучей нищете...»

Бывая часто на Памире, познакомился однажды с вертолетчиками, доставлявшими продукты в горы. Зарабатывали они очень мало, быт их был крайне суровым и аскетичным, но они постоянно шутили, смеялись — ну просто счастливые люди.

Я поинтересовался: в чем секрет? Они взяли меня в полет, и я все понял — достаточно один раз увидеть эту фантастическую красоту, изумиться, вобрать ее в душу — и жить уже можно светло, озаренно, порядком ценностей держится крепко и держит тебя. Я это называю — жить на солнечной стороне жизни... □

Д

Андрей Дышев

ИССЕРТАНТ

Глава 15

Крутое пике

Не желая отпускать удачу, которую, как мне казалось, я крепко держал за хвост, я немедленно разыскал по справочнику адрес дилера «Рено». Вполне возможно, что француженка, не слишком владея русским, все напутала и отправила договор прямиком на адрес дилера.

Я долго петлял по центральным улочкам, пока, наконец, нашел этот офис. Дальше порога пройти мне не удалось, и здесь же меня ждало потрясение.

Окончание. Начало в № 9,2012

Диссертант

— «Льезон глобале стьентифик»? — переспросил охранник и пожал плечами. — Первый раз о таком слышу. Здесь нет представителя журнала. Тут вообще нет никаких представительлей, кроме «Рено».

Пятьдесят тысяч долларов, которые я мысленно уже положил в свой карман, почему-то никак не хотели материализоваться. Я не мог понять, почему так получилось с французами? Может быть, я имею дело с обыкновенными «кидалами», которые решили опубликовать статью и при этом ничего не заплатить?

От этой мысли мне стало дурно. Как же теперь наскрести семьдесят тысяч баксов? Не слишком ли я поторопился, порвав с фирмой?

— Серега, — сказал я, позвонив директору. — Я погорячился.

— Забудь этот номер, — ответил директор. — Он тебе больше не пригодится. У меня на тебя стойкая аллергия.

— Я больше так не буду, — пообещал я. — Это все на нервной почве. Мне срочно надо пятьдесят тысяч баксов...

— Я ничем не могу тебе помочь, — оборвал меня на полуслове директор и отключился.

Примирения не получилось. Тут еще насыпал соль на раны мой «друг», позвонивший с педантичной точностью.

— Значит, ты не хочешь сознаться, что не писал диссертацию? — спросил он. — Будешь ждать, когда Чемоданов тебя публично развенчает?

— Я тебе советую разговаривать со мной, лежа лицом вверх, — сказал я усталым голосом. — Чтобы вставная челюсть не выпала.

Вернувшись к машине, я сел за руль и позвонил Календулову:

— На мое имя по электронной почте никаких писем или предложений не поступало?

— Увы, увы, — ответил Календулов и стал кашлять. — Извините, я простужен.

— Берите больничный, — посоветовал я. — Все равно торопиться некуда. Защита подождет.

— Вы так считаете?

— Да на кой хрен она вообще мне сдалась! — произнес я с бесстыжим цинизмом. — Меня постигло глубочайшее разочарование на ниве науки.

Кинув телефон на соседнее сиденье, я взялся за ключ зажигания. Кажется, я созрел для того, чтобы немедленно ехать в академию на встречу с Чемодановым и кинуться ему в ноги. Я даже не подозревал, что ради денег способен так унизиться. Вот только где взять недостающие пятьдесят тысяч? Допустим, я продам машину за пятнадцать. За тридцать можно сплавить старую квартиру. Десять у меня есть. Итого пятьдесят пять. Не хватает пятнадцати.

Я стал перебирать в уме знакомых, которые могли бы дать мне займы. К сожалению, все знакомые, так или иначе, были связаны с фирмой, из которой меня сегодня турнули. После такого скандального увольнения никто мне даже рубля в долг не даст.

«Хватит с него и пятидесяти пяти, — решил я, трогаясь с места. — Огромные деньги! Принципиальной разницы нет».

Пока ехал и торчал в пробках, решил, что в качестве аванса выплачу Чемоданову десять тысяч. Как закончит работу — еще пятнадцать. А там видно будет. Может, он уйдет в такой глубокий запой, что начисто забудет об оставшихся деньгах.

В половине четвертого я припарковался у главного входа, вышел из машины и сразу же заглянул в фойе. Чемоданова не было. Успокоившись, я стал прохаживаться туда-сюда, контролируя все подходы. Ждать пришлось недолго. Минут через десять в толпе мелькнул бордовый пуховик, и я пошел ему навстречу, изо всех сил стараясь приветливо улыбаться.

— Витя, привет!

Он вздрогнул, посмотрел на меня слезящимися от ветра глазами, приподнял нос и холодно произнес:

— Здравствуй.

— У меня к тебе деловой разговор, — взял я его под руку и повел к машине.

Чемоданов вяло сопротивлялся, демонстрируя неподкупную гордость. От него разило то ли портвейном, то ли дешевым одеколоном.

— Не о чем нам с тобой разговаривать, — ответил он. — Отпусти руку. Меня ждут в академии наук. — «Академия» он произнес через «э». Получилось очень торжественно.

— Я согласен на твои условия, — перешел я к делу, чтобы сломить его упрямство.

Чемоданов остановился и, недоверчиво косясь на меня, напомнил:

— Семьдесят тысяч.

— Да!

— Долларов, — уточнил он.

— Да, да! — крикнул я. — Пошли в машину! Паспорт у тебя с собой? Нам надо будет заехать к нотариусу.

— Я должен подумать, — проявил некоторую осторожность Чемоданов.

— Думай, — согласился я. — Пять минут тебе хватит?

— Пять минут?! — презрительно протянул он и полез в карман за сигаретой. — Такие дела за пять минут не решаются... Поехали, чего стоим!

— Куда едем? — угодливо спросил я.

— В центр! — приказал Чемоданов и удобнее устроился на сиденье. — Погнали в кабак. Самый крутой! За мой счет!

Я остановился у первого попавшегося ресторана со странным названием «Телевизор». Швейцар приветливо распахнул перед нами дверь. Однако увидев, как одет Чемоданов, тотчас преградил нам путь. Пришлось сунуть ему десять баксов.

Мы спустились в сумрачный зал и заняли самый крайний столик, стоящий в сумеречном углу. Там не так бросался бы в глаза его рваный свитер с обвислым воротом.

Официант положил перед нами меню. Опасаясь, что Чемоданов быстро опьянеет, и с ним невозможно будет нормально поговорить, я тут же выложил на стол пачку долларов.

— Это аванс. Еще пятнадцать выплачу тебе сразу по завершении работы.

Я думал, что Чемоданов немедленно вцепится в баксы и сразу же согласится на мои условия. Но произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Это что? — спросил он, не прикасаясь к деньгам.

— Десять тысяч баксов. Новенькими, хрустящими.

— Ты что, Серенька? — оттопыривая губы, поднял он на меня свой масляный взгляд. — Разве я не ясно выразился? Я же сказал — семьдесят тысяч!

— Да, все правильно! — кивнул я. — Дам я тебе семьдесят. Но частями. Ты пойми меня, сейчас таких денег...

— Мне уйти? — перебил Чемоданов. — Или изъясняться с тобой по-китайски?..

— У меня ведь тоже должны быть какие-то гарантии, — еле сдерживаясь, стал убеждать его я. — Даю тебе первую часть — мы подписываем договор, и ты приступаешь к работе...

— Ага! — рассмеялся Чемоданов. — Ищи дурака! Я отдам тебе все права, а ты грохнешь меня в каком-нибудь темном переулке!

— Ну, что ты говоришь, Витя! — пытался я его образумить. — Мы же с тобой друзья, одноклассники!

— Конечно, друзья! — закивал Чемоданов. — Помню, как ты меня с лестницы спустил!.. В общем, так, одноклассник! За эти десять тысяч я соглашаюсь только приостановить кампанию в защиту своих прав. На одну неделю!.. Наливай, не сиди!

Этот поганец загонял меня в угол, и я ничего не мог сделать. Нет, он не согласится на пятьдесят пять тысяч. Он будет с упрямостью бешеного осла стоять на семидесяти. И у меня нет иного выхода, чем выдать ему всю сумму сразу. Значит, в ближайшие дни я должен продать машину и старую квартиру. Останется добыть еще пятнадцать тысяч. Но где же их добыть?

Все последующее время, пока мы ужинали, и Чемоданов поднимал тосты в честь своей непризнанной гениальности, мои мысли были заняты этой проблемой. Я снова и снова перечислял в уме всех своих знакомых, кто, теоретически, мог бы дать мне займы...

Наконец мы снова сели в машину, и «БМВ» тихо покатил по ночным улицам. Чемоданов мгновенно вырубился, и я с облегчением вздохнул, но тут же вздрогнул от пронзительного писка мобильного.

— Ты понимаешь, что катишься в пропасть? — раздался в трубке шепот «друга».

— А-а, это ты, старый пень! Давно тебя не слышал. Ну? Что ты теперь хочешь сказать? Чем будешь пугать? Геенной огненной?

— Одумайся, — произнес «друг». — Еще не поздно остановиться!

— Закрой рот, пугало ты огородное! — крикнул я. — Теперь настала моя очередь говорить! Хочу тебя обрадовать: я выкупил все права на диссертацию! И теперь она моя по всем законам! Понял, мухомор трухлявый?

И теперь, если еще раз позвонишь мне, тебе не поздоровится! — и отключил телефон.

— С кем это ты так громко говорил? — проснувшись, невнятно произнес Чемоданов и, так как я ничего не ответил, добавил, зевнув во весь рот: — Высади меня тут, прогуляюсь немного.

Пришлось остановиться и попрощаться с Чемодановым. Перед тем, как закрыть дверь машины, он напомнил, что оставшиеся шестьдесят тысяч будет ждать ровно неделю, ни дня больше.

«За неделю я что-нибудь придумаю», — успокоил себя я.

Но я зря рассчитывал на недельный тайм-аут. Не успел вернуться домой и войти в квартиру, как телефон снова разразился пронзительным звонком. Междугородний! Я схватил трубку и услышал женский голос:

— Алло! Господин Савельев? Это вас беспокоит бюро научно-технических проблем из НАСА...

Я чуть дара речи от волнения не потерял. Переложил трубку на другое ухо и даже дышать перестал.

— Да, да, слушаю вас!

— Как продвигается ваша работа?

— Через десять дней, возможно, я все закончу, — ответил я.

— О-о! — разочарованно протянула женщина. — Десять дней — очень много. Вы должны понимать, что на основе вашей работы мы разворачиваем целый проект. Постарайтесь завершить работу за три дня и немедленно вышлите выводы факсом.

— Три дня? — переспросил я, совершенно не соображая, как я за три дня смогу выдавить из Чемоданова выводы. Он только весь завтрашний день опохмеляться будет. Но разве объяснишь американцам, что такое русский запой? — Хорошо, я постараюсь.

— Очень буду вам признательна, — ответила женщина.

Я положил трубку и тут же набрал номер телефонной станции.

— Девушка, мне только что звонили по межгороду. Я хочу узнать, из какого города звонили.

— Эта услуга платная, — предупредила девушка.

— Да, да, я согласен на любую сумму!

— Секундочку... Алло, вы слушаете? Вам звонили из Вашингтона.

— Девушка! — у меня даже голос задрожал. — А ошибки быть не может? Телефонные хулиганы еще не на такие шутки способны...

— Никакой ошибки, — уверенно ответила она. — Звонили из Соединенных Штатов Америки. Можете не сомневаться.

«Ну, что еще ты хочешь выяснить?» — спросил я сам у себя и, грохнув кулаком по столу, сказал вслух:

— Продавать! Все, к едрене фене, продавать!

Уже утром по квартире расхаживал риелтор. Это был очень любезный молодой человек с усиками. Первые пятнадцать минут он выяснял у меня, играю ли я в теннис, а когда узнал, что нет, поинтересовался, за какую футбольную команду я болею. После чего неожиданно спросил:

— Так сколько вы за нее хотите?

— Тридцать тысяч долларов. Причем, деньги мне нужны уже вечером, — выдал я заранее подготовленную фразу.

Мое пожелание про вечер несколько смутило риелтора.

— Даже так? — уточнил он и зачем-то заглянул под ванну.

— Если вы не сможете это сделать, то я обращусь в другую контору.

Риелтор подумал и решил, что сможет это сделать.

Весь день я пропадал на авторынке. Желающих купить мою машину было много, но все они не в меньшей мере хотели, чтобы я сбросил цену. Я стоял на своем насмерть. Перед самым закрытием мне все же удалось уломать одного кавказца. Он заплатил мне пятнадцать тысяч, и я отдал ему ключи.

Домой я возвращался на метро, неожиданно меняя вагоны и направление, чтобы уйти от возможного «хвоста». Как только я поднялся на поверхность земли, мне позвонили с риелторской конторы и сказали, чтобы я немедленно приезжал подписывать документы и получать деньги.

К себе я вернулся в восемь вечера на такси, держа под курткой солидный сверток с баксами. Никогда я еще не держал в руках одновременно такую сумму. Выгнав из дома уже пьяную бригаду, я допоздна слонялся по пустым комнатам и думал о том, что стою на пороге радикальных и великих перемен.

Когда уже лег на раскладушку, накрывшись старым солдатским одеялом, то вдруг необыкновенно ясно и четко понял, где возьму недостающие пятнадцать тысяч. Как-то Настя показала мне шкатулку, в которой ее отец хранил все свои сбережения на «черный» день. Зачем она это сделала, я до сих пор понять не мог, но шкатулка здорово врезалась мне в память. Кажется, там лежала довольно приличная сумма в долларах.

И как же я раньше не вспомнил о ней?

Глава 16

Ударить
или придушить

— Я вчера звонила тебе домой весь вечер, — говорила Настя.

Я лежал на раскладушке, смотрел на потолок, где утреннее солнце рисовало замысловатые фигуры, и прижимал к уху трубку мобильного.

— Я ночевал в новой квартире. Рабочие совсем распоясались, приходится их контролировать... Ты прости меня за то, что я с тобой тогда грубо разговаривал, ладно?

— А ты диссертацией больше не занимаешься?

— Что ты! — легко солгал я. — Боже упаси!

— И к этому ненормальному Чемоданову не едешь?

— Нет, милая, нет. Я только о тебе думаю. Рву волосы у себя на голове в наказание за то, что был с тобой груб.

— Ты сильно изменился за последние дни, — заметила Настя.

— Я много думал о нашем будущем, — нежно ворковал я. — Мы созданы друг для друга.

— Я видела очень симпатичное свадебное платье...

— Все будет, милая, — пообещал я. — И свадебное платье, и туфельки. А сейчас я очень хочу тебя видеть.

— Я могу приехать к тебе.

— Ко мне? Что ты! — наигранно возмутился я. — Разве я могу принять тебя в пустой комнате, где даже сесть негде?

— Тогда давай встретимся на твоей старой квартире, — предложила Настя.

— На старой? Да там можно только удавиться!

— А где же тогда? — растерялась она.

— Лучше я приеду к тебе. Очень люблю смотреть на тебя, когда ты сидишь в своем кресле, завернувшись в плед. В это время ты необыкновенно уютная, нежная, домашняя...

— Вот как запел! — рассмеялась Настя. — Конечно же, приезжай! Но потом отвезешь меня в Коломенское. Тысячу лет там не была!

— В Коломенское? — растерянно переспросил я и добавил: — Понимаешь, в чем проблема... Я машину поставил в сервис.

— Какая жалость. Придется ехать на такси.

— Может, в другой раз съездим? У меня сегодня совещание в фирме. Настя в ответ только вздохнула.

Через час я был у нее дома. С порога преподнес ей цветы, обнял и долго не отпускал. Она целовала меня и что-то шептала. Я не слушал, думая о том, что мне предстояло сделать. Шкатулка находилась в кладовке, где профессор хранил бесчисленное количество строительных и ремонтных инструментов. Он никогда ими не пользовался по той причине, что не умел ни гвоздя забить, ни розетку исправить. Тем не менее, регулярно приносил со строительного рынка всевозможные инструменты, которые немедленно оказывались на полках кладовки. Среди этих инструментов профессор и хранил шкатулку со всем своим состоянием, полагая, что воры никогда не станут искать там деньги.

— Давай больше никогда не ссориться, — сказала Настя.

— Давай, — согласился я.

Самый удобный момент проникнуть в кладовку незамеченным, когда Настя пойдет в душ. Мне достаточно будет одной минуты: встать на табуретку, дотянуться до верхней полки, снять шкатулку и вытряхнуть из нее баксы. Я был уверен, что неделю или две, пока я не получу восемьсот тысяч, ни профессор, ни Настя в шкатулку не заглянут. А потом я таким же способом положу баксы обратно. И больше моей ноги в этом доме не будет!

Я подхватил Настю на руки, отнес в ее комнату и спросил, торопливо скидывая с себя пиджак:

— Папаша, случайно, не зайвится?

— Ты без пяти минут мой муж, — с улыбкой ответила Настя, — а все еще чувствуешь себя тайным любовником.

«Я чувствую себя вором», — подумал я. Не хватало, чтобы профессор зашел в квартиру в тот момент, когда я буду очищать шкатулку.

Настя откинула одеяло, легла и позвала меня томным голосом:

— Алло! Ты о чем задумался, дружочек? Какой-то ты сегодня весь деревянный...

«Станешь тут деревянным!» — подумал я, так как Настя ломала все мои планы, и сказал, не позволяя ей завалить меня на кровать:

— Кажется, на кухне вода шумит.

— Разве? — удивилась она и прислушалась. — Ничего там не шумит... Что с тобой? Ты какой-то странный!

— Странный? — переспросил я, растягивая губы в мучительной улыбке. — А что во мне странного? Тебе показалось.

— Нет, не показалось, — возразила Настя. — Ты какой-то озабоченный. У тебя ничего не болит?

— У меня? — пожал я плечами. — Вроде ничего, — и, поднявшись, принялся надевать рубашку. Мне было ужасно стыдно. Но еще больше меня терзала досада, что не удастся взять деньги.

— Все понятно, — произнесла Настя и, вздохнув, тоже встала. — Только этих проблем нам не хватало. Может, тебе сходить к врачу?

— У меня все нормально!! — выкрикнул я.

— А чего ты на меня кричишь? Я ни в чем не виновата!

«А ведь я могу ее ударить, — совершенно ясно подумал я, глядя на спину Насти. — Или немного придушить, чтобы она потеряла сознание. Когда она очнется, деньги уже буду лежать в моем кар-

мане. Я скажу ей, что находился в состоянии аффекта. Не станет же она заявлять на меня в полицию?»

Я сам не понял, насколько серьезны были эти мысли. Тем не менее, осмотрел комнату в поисках шарфа или полотенца, но ничего подходящего не увидел.

Настя словно почувствовала исходящую от меня черную энергию и вернулась ко мне, с тревогой глядя на мое лицо:

— Сядь-ка в кресло, а я кофе с бутербродами приготовлю. По-моему, из-за этой диссертации у тебя началась физическая деградация.

— Да, давай кофе и бутерброды, — ответил я с облегчением. Кажется, фортуна, наконец, улыбнулась мне.

Настя еще раз встревожено взглянула на меня и вышла. Я прислушался. Из кухни доносился звон посуды. Чтобы дойти до кладовки, надо было пройти через холл, одна из дверей которого вела на кухню. Не теряя времени, я пошел на цыпочках, придумывая какую-нибудь правдоподобную версию, если вдруг неожиданно попаду на глаза Насте, но в голову ничего умного не приходило.

Поравнявшись с кухней, я увидел, что Настя стоит у плиты, спиной ко мне, и мурлычет какую-то песенку.

— Тебе кофе со сливками? — крикнула она.

Я молча прошмыгнул к кладовке, открыл дверь и юркнул в темноту. Нащупал на стене выключатель, зажег свет. Вот табурет. Очень кстати. Я то-ропливо встал на него, дотянулся до верхней полки и нащупал шкатулку. Вот она, моя родимая! Ключик от волшебной двери!

Прижав шкатулку к груди, я открыл ее и опустил внутрь пальцы.

Раздался щелчок, и жуткая боль парализовала руку. И как я только сдержался, чтобы не заорать истошным криком? Мне казалось, что мои несчастные пальцы одним махом откусил маленький крокодилчик, сидящий в шкатулке. Опустив глаза, я увидел, что ладонь схвачена пружиной мышеловки.

Обливаясь потом от боли, я слез с табурета, положил шкатулку на пол и стал осторожно оттягивать пружину. Мои пальцы посинели от удара, на первых фалангах остался бордовый рубец.

— Ау! Ты где? — услышал я голос Насти. Она начала меня искать!

Я сорвал мышеловку с ладони и зашвырнул ее в угол. Идиотские шутки у профессора! Солидный человек, а впадает в детство. И вообще, такую семейку еще поискать надо. Что папочка, что дочка...

Я выгреб из шкатулки пачку денег и затолкал ее в нагрудный карман пиджака. Положил шкатулку на прежнее место и приблизился к двери. Кажется, Настя решила, что я играю с ней в прятки. Ее веселый голос доносился то ли из зала, то ли из ее комнаты.

Выйдя в холл, я прикрыл за собой дверь и быстро вышел в прихожую. Когда Настя нашла меня и зажгла в прихожей свет, я уже зашнуровывал второй ботинок.

— А ты куда? — растерянно спросила она.

— Мне надо срочно в фирму, — ответил я, снимая с вешалки куртку.

— Ты же хотел кофе с бутербродами.

— Некогда, — бросил я и быстро выскочил из квартиры.

Глава 17

Золотые рога

Мне казалось, что мои ноги едва касаются земли. Полиэтиленовый пакет, в котором лежало шестьдесят тысяч долларов, обладал аэродинамической силой, что-то вроде пропеллера Карлсона. Было такое ощущение, что если я сделаю одно резкое движение, то обязательно взлечу над головами прохожих. Судьбоносный день наступил! На пути к моей цели уже не было преград. Вперед, только вперед, без сомнений и оглядки!

Я зашел в первую попавшуюся нотариальную контору и, не обращая внимания на очередь, распахнул дверь кабинета.

За столом сидела очень серьезная дама, перед ней стоял стакан с томатным соком.

— Молодой человек, — сказала она, не глядя на меня, но каким-то удивительным образом определив мой возраст. — У меня обед.

— Я прошу вас срочно заверить важный договор, — на одном выдохе выпалил я.

— Я к вам по-русски обращаюсь? — не меняя тона, спросила дама.

— Вам надо поехать со мной и заверить подписи, — упрямо гнул я свое, попутно доставая из кармана бумажник. — Сто долларов хватит?
— Это невозможно, — покачала головой нотариус.
— Двести!
— Сколько? — не расслышала женщина.
— Триста, — немедленно внес я коррективы.
— Какой договор вы собираетесь подписывать?
— О пожизненной передаче всех прав на диссертацию.
— Ждите меня на улице, — быстро проговорила она и первый раз ода-рила меня взглядом.

Вышла нотариус в роскошной норковой шубе. Делая вид, что не заме-чает меня, села в джип и открыла вторую дверь, для меня.

— Деньги! — потребовала она, когда я оказался с ней рядом.

Я отсчитал ей три сотни. Женщина небрежно закинула их в нишу под панелью и спросила:

— Куда ехать?

Вела машину она классно. Всякая мелкая шваль вроде «Жигулей» и «Москвичей» разбегалась перед ее джипом, словно селедки перед аку-лой. Всю дорогу она безостановочно курила и отвечала на телефонные звонки.

Чем ближе мы подъезжали к дому Чемоданова, тем более выразитель-но проявлялось на ее лице выражение брезгливости.

— Бесподобно! — сказала она, когда я показал ей подъезд, у которого следовало остановиться. Это же слово повторила, когда мы поднимались по лестнице.

Я молил Бога, чтобы Чемоданов оказался дома.

Мне повезло. Он открыл сразу, что избавило меня от необходимости выламывать дверь.

— Серенька! — протянул Чемоданов и, переведя взгляд на женщину, добавил: — С бабой!

— Это нотариус! — ответил я, едва сдержавшись, чтобы не добавить какое-нибудь оскорбительное слово.

Женщина вопросительно взглянула на меня и вскинула вверх тонкие, как шнурки, брови:

— Это с ним вы собираетесь подписывать важный договор?

Я кивнул и вздохнул, мол, сам понимаю, что этого дегенерата дешевле убить. Нотариус смело зашла в квартиру. Я провел ее в комнату и показал на табурет. Чемоданов сбросил со стола на пол мусор. Удивляюсь, как он догадался сменить свои идиотские шорты на брюки.

— Паспорт неси! — сказал я ему.

— Сначала деньги покажи! — перестраховался Чемоданов.

Пока нотариус раскладывала на столе образцы договоров и коробочки с печатями, мы во второй комнате занялись пересчетом денег. Я отдал Чемоданову весь пакет и стал следить за тем, как он ползает на четвереньках по полу и раскладывает баксы стопками по шесть тысяч. На четвертой стопке это занятие ему надоело, и он сгрел деньги обратно в пакет.

— Верю, — сказал он и, победно ухмыляясь, протянул мне руку. Мне пришлось ее пожать. А что делать?

Когда мы вернулись в комнату, нотариус ждала нас и прижимала к лицу носовой платок. Видимо, она сильно страдала от запахов.

— Читайте! — сказала она, кивнув на два экземпляра договора.

Я настоял на том, чтобы название диссертации было указано полностью, а также внес пункт о том, что Чемоданов обязуется вернуть мне всю сумму, если в трехдневный срок не «приведет к конечному результату разработки относительно смешанных течений...» И далее в точности по письму из НАСА. К моему удивлению, Чемоданов возражать не стал и безоговорочно подмахнул договор.

Нотариус скрепила наши подписи своим заверением, печатями и голограммами, отдала нам с Чемодановым по одному экземпляру, а третий оставила себе. На всякий случай я попросил разъяснить мне мои права.

— Вы можете делать с этой диссертацией все, что хотите. Используйте ее по своему усмотрению.

— И в коммерческих целях? — уточнил я.

— В любых, — подтвердила нотариус и высморкалась. — А гражданин Чемоданов эти права теряет. За нарушение договора он несет уголовную ответственность.

Я вскочил с табуретки и громко чмокнул ее в щеку.

— Спокойно, — ответила она и направилась к выходу.

Как только дверь за ней закрылась, я подпрыгнул до потолка. Чудовищный груз свалился с моих плеч. Эти несколько недель, которые я провел в постоянном страхе перед разоблачением, ушли в прошлое и растаяли, как дурной сон.

— Все, Чемоданчик! — кричал я, прыгая по квартире с договором в руках. — Запрягайся! Время пошло!

Чемоданов, пощупав деньги собственными руками, стал прежним Чемодановым. Он стал бояться потерять свалившееся ему на голову богатство. Его безграничную наглость как дождем смыло.

— Без базара, — ответил он, жалко улыбаясь. — Через три дня как штык... День и ночь пахать буду. Можешь даже не сомневаться...

— И чтобы без халтуры! — предупредил я, поднеся кулак к его носу. — Все записано в договоре. Если сделаешь не то, что надо, — потеряешь «бабки» и зубы!

— Да что ты, Серенька! Все будет в лучшем виде!..

Вдруг наше общение прервал стук в дверь. Мы оба замолчали и посмотрели друг на друга.

— Кто это? — тихо спросил я.

— Не знаю, — пожал плечами Чемоданов. — Может, эта тетка забыла что-нибудь?

Я махнул на него рукой, чтобы он замолчал, тихо подошел к двери и склонился перед замочной скважиной. И тут меня будто током ударило. На лестничной площадке стояла Настя!

Я тут же отпрянул от двери. Какого лешего ее сюда принесло? Выследила?

— Меня нет и не было, — шепнул я Чемоданову и показал ему кулак. — Выпроводи ее, понял? И не вздумай вякнуть про договор!

Я зашел в туалет и неплотно прикрыл дверь, чтобы можно было подглядывать через щель.

— Ба! Какие люди! Милости просим! — громко сказал Чемоданов.

«Сволочь! — подумал я. — В квартиру мог бы и не приглашать».

Настя вошла в прихожую и посмотрела по сторонам:

— Сергея у тебя нет?

— Сергея? — повторил Чемоданов и стал чесать затылок. — Нет! Сереньки у меня нет.

— И не заезжал?

— А зачем ему ко мне заезжать? Какие у нас с ним дела? Договор что ли подписывать?

Я даже за голову схватился. У Чемоданова явно чесался язык.

— Плохо, — произнесла Настя, — я так надеялась, что он поехал к тебе.

— Нет, не поехал. А что случилось? — проявил участие Чемоданов.

— Как тебе сказать, в общем, у меня пропали деньги...

У меня все внутри оборвалось. Я даже сел на унитаз. Все-таки заметила! Когда успела? Или догадалась проверить шкатулку?

— Ай-я-яй! — посочувствовал Чемоданов. — Много?

— Пятнадцать тысяч долларов.

— Вот беда какая! — ахнул Чемоданов. — Такие огромные деньги! А Серенька тебе зачем?

— Я подумала, может... может, он что-нибудь знает... Он был у меня недавно. Мы поругались... Ох, как у меня на душе нехорошо! Может, я его нечаянно обидела?

Чемоданов все чмокал губами и качал головой.

— Да ты проходи! — вдруг оживился он. — Раздевайся!

«Убью гада! — подумал я. — Кто его за язык тянул сюда приглашать?!»

К моему удивлению, Настя позволила Чемоданову снять с себя дубленку и прошла в комнату. Я перестал ее видеть и слышать.

Прошло пять минут, десять. Мне надоело сидеть в дурнопахнущем помещении, причем в полной темноте. Я тихо приоткрыл дверь, высунул голову наружу и прислушался. Полная тишина. Что они там делают? А вдруг у Насти были переписаны все номера купюр, и сейчас она проверяет ту пачку денег, которую я дал Чемоданову?

Тихо и медленно я приблизился к дверному проему, краем глаза заглянул за косяк и... остолбенел.

Чемоданов и Настя стояли у окна, крепко сжимая друг друга в объятиях, и самозабвенно цело-

вались. У меня остановилось дыхание и замерло сердце. Чудовищно!! Нелыханная наглость!! И эта стерва смела навязываться мне в невесты?! Целоваться с таким моральным уродом, как Чемоданов?!

Чтобы не упасть в обморок, я вернулся в туалет и просидел на унитаже до тех пор, пока Настя не вышла из квартиры.

Чемоданов распахнул дверь туалета и громко продекламировал:

— Свобода вас встретит радостно у входа!

Оттолкнув Чемоданова, я вышел в коридор, схватил куртку и, едва не сорвав дверь с петель, вывалился на лестничную площадку.

Он что-то лепетал за моей спиной, но я делал вид, что огонь гнева уже бежит к пороховой бочке возмездия. Но если честно, я был рад, что так все получилось. Если рога золотые, то почему бы их не носить?

Глава 18

Ватерлоо

Электричка везла меня в Москву. Уже второй час подряд я лелеял в своей душе чувство презрения к Насте и не давал ему погаснуть. Перед самой Москвой я прослезился от жалости к себе и окончательно убедил себя, что Настя заслуживает самого сурового наказания. И пятнадцать тысяч долларов, которые я взял у нее, очень удачно становились орудием наказания.

Когда я выходил из вагона на платформу Курского вокзала, позвонила Настя. Голос у нее был тихий и печальный (прикидывается овечкой!).

— Ты где? — спросила она.

— На работе! Где же мне еще быть?

— А я только домой пришла. В магазин ходила. У меня беда, пропали деньги, которые папа себе на старость откладывал.

— А я при чем здесь?

— Нет, ты не при чем. Просто я подумала, может ты случайно...

— Что случайно? Говори, не тяни! — грубо перебил ее я.

— Когда ты уходил, не обратил внимания, дверь в кладовку была открыта или нет?

— Не обратил. Только не надо юлить! Ты ведь думаешь, что это я украл эти деньги. Так ведь? Ну, признайся, что подумала на меня! Ты уверена, что я украл их, чтобы заплатить Чемоданову за его молчание! Так ведь? Признавайся!

Настя не ответила и положила трубку.

Следующее утро преподнесло мне неожиданный сюрприз. Меня разбудил телефонный звонок. Я думал, что это Настя, и уже подготовил несколько крепких выражений, но, к своему удивлению, услышал голос Чемоданова:

— Это я.

У меня сердце едва из груди не выпрыгнуло. Голос его был вялым и безжизненным.

— Что-нибудь случилось? — крикнул я, вскакивая с раскладушки.

— Вроде нет, — расплывчато ответил Чемоданов.

— Что значит «вроде»? Ты потерял какие-нибудь справочники? Не нашел работы Сницаря?

— Да все я нашел, просто всю ночь не спал. Так увлекся, что остановиться не мог. В общем, работа готова. Могу подвезти.

— Эйнштейн ты мой! Голубчик! Родненький! С меня шампанское... А ты все хорошо сделал?

— Как надо, так и сделал, — заверил Чемоданов. — Моя тема, я в ней разбираюсь.

— До чего ж ты хороший парень, — признался я. — Не пил бы — цены б тебе не было.

Мы договорились встретиться у метро «Выхино». «Что-то он подозрительно услужливый, — думал я, торопливо одеваясь. — Как бы не запросил еще денег. Надо будет ему объяснить, что я прочно сижу на мели».

Чтобы наглядно продемонстрировать свое тяжелое материальное положение, я надел старые джинсы, в которых руководил бригадой, напялил на себя брошенную кем-то из рабочих телогрейку и, ничуть не комплексуя из-за своего необычного вида, направился к автобусной остановке.

Чемоданов снова поразил меня своим умением перевоплощаться. Мы словно поменялись с ним ролями. Он был весьма прилично одет, пострижен, и от него разило дорогим одеколоном.

— А ты неплохо выглядишь, — кинул я комплимент.

— Пить завязал, — ответил Чемоданов и, придирчиво оглядев мой вид, спросил: — А ты что? Начал?

Я взял из его рук тонкую пластиковую папку, в которой лежали три странички, отпечатанные на принтере. Три странички, стоимостью восемьсот тысяч долларов.

— Ты гарантируешь, что здесь все правильно? — спросил я, бараном глядя на формулы.

— Если твой заказчик будет недоволен, — самоуверенно заявил он, — то я верну тебе все твои деньги.

— Ну, что, шампанского? — предложил я, аккуратно пряча папку под телогрейку.

— Во-первых, я не пью, — поморщившись, напомнил Чемоданов, — а во-вторых, ты не в форме...

Ах ты, сукин кот! Как заговорил! Он уже меня стесняется!

Я протянул ему руку в полной уверенности, что мы больше никогда не встретимся.

Распроцававшись с Чемодановым, я напрямик поехал в Главпочтамт, откуда отправил выводы в НАСА срочным факсом, указав номер своего мобильного телефона. Затем зашел в церковь на Житной и поставил свечку Николаю Чудотворцу.

В тот момент, когда я выходил из церкви, произошел довольно странный случай. Я поскользнулся на мраморных ступенях и едва не упал. Не рискуя свернуть себе шею накануне новой жизни, я задержался на ступенях, выискивая более безопасный путь. И тут вдруг заметил черную «Волгу», стоящую как раз напротив меня. Боковое стекло было опущено, и незнакомый пожилой мужчина целился в меня через проем объективом фотоаппарата. Я сначала подумал, что он снимает церковь, но едва я отошел в сторону, как объектив тотчас повернулся в мою сторону.

Когда до меня дошло, что некто проявляет особый интерес к моей персоне, «Волга» тронулась с места и быстро смешалась с потоком машин.

Я брел по шумным оживленным улицам и думал о том, кому могла понадобиться моя фотография на фоне церкви. Ни одна, даже очень сомнительная версия, не пришла мне в голову, что несколько испортило мне настроение. Я заходил в дорогие магазины, прикидывая, какой костюм, какой чемодан куплю для авиаперелета, но незнакомец с фотоаппаратом все никак не выходил из головы.

Наконец я пришел к выводу, что мной заинтересовался некий криминальный тип, который каким-то образом узнал про грядущие восемьсот тысяч. «Если он надеется, что я с ним поделюсь, — думал я, поминутно

оглядываясь, — то зря. Я попрошу, чтобы баксы не высылали в Россию, а положили на именной счет в какой-нибудь европейский банк».

С утра я вплотную занялся подготовкой к отъезду. Первым делом связался с риелторской конторой и попросил прислать специалиста для оценки продажной стоимости моей квартиры. Затем отправился в авиакассы, где выяснил, в какие европейские страны упрощена система въезда, и, остановив свой выбор на Кипре, переписал расписание самолетов.

Этот день ничем больше не ознаменовался, если не считать двух звонков. Один был от Насти. Всхлипывая, она бормотала в трубку, что я совсем перестал любить ее, что напрасно подозреваю в каких-то грехах. Она еще что-то хотела добавить, но я оборвал ее, сославшись на страшную занятость.

А в восемь вечера, верный своей традиции, позвонил «друг». Едва он затянул старую песню о моем окончательном моральном разложении, как я, сыграв изумление, что этот курилка до сих пор жив, объявил:

— Через несколько дней я сдаю этот номер, и ты будешь читать проповеди уже другому абоненту. Напоследок хочу пожелать тебе, старой промокашке, поскорее осознать всю никчемность своей жалкой и бессмысленной жизни и всех твоих нравственных напряжений!

— А разве тебе не хотелось бы встретиться со мной напоследок?

— Встретиться? — удивился я такой неожиданной храбрости лысого академика. — А ты не испугаешься?

— Нет, — пообещал «друг».

— Ладно, Колобок, — согласился я. — Я позволю тебе из Шереметьева дней через пять. Не забудь только прихватить зубные протезы, чтобы было чем клацать от злобы.

Потом я долго слонялся по пустым комнатам, думая, чем бы убить вечер, как вдруг мне в голову взбрела идея страшной мести Зойке.

— Милая моя, — говорил я ей по телефону, сморкаясь в носовой платок. — Я только теперь понял, как ты мне дорога. Раньше я видел тебя каждый день и не ценил тебя. И вот теперь, когда меня уволили, и я лишен возможности видеть тебя, мне стало ясно, что я тебя любил...

— Чего? — не веря своим ушам, переспросила Зоя.

— Да, я люблю тебя! — с жаром произнес я. — Моя жизнь потеряла всякий смысл. Я близок к суициду...

— К чему? — не поняла Зоя.

Какая же она, однако, дура!

Через час она приехала ко мне. Я тотчас затолкал ее в ванную и постелил на полу. Полночи она выясняла у меня, что значит «я тебя любил», и какие конкретные шаги я намерен в этой связи предпринять. И лишь когда я покаялся ей, что не позднее, как через неделю, в нашу честь будет звучать Мендельсон, она отдалась мне.

С утра пораньше я вытолкал ее из квартиры, сославшись на необходимость срочно ехать на биржу занятости, чтобы отметиться в очереди. На пороге Зоя всего меня зацеловала и пообещала к завтрашнему дню представить на мое утверждение список свадебных гостей. Она поскакала по лестнице вниз, перепрыгивая через ступени, и эхо еще долго доносило до меня ее восторженные слова:

— Как я счастлива! Как я счастлива!..

А знала бы она, как я был счастлив! Мое оскорбленное самолюбие было удовлетворено. «Это тебе за письмо из Франции!» — мстительно подумал я.

Не успел я закрыть дверь и вернуться к прерванному сну, как ожил телефон. Я кинул взгляд на часы. Половина восьмого! Никто еще не звонил мне так рано. Но это в Москве раннее утро. А в Америке сейчас поздний вечер. От предчувствия особой значимости момента у меня бешено заколотилось сердце. На ватных ногах я приблизился к мобильнику, лежавшему на подоконнике, взял его и взмолился: «Пусть свершится чудо!»

— Господин Савельев? — услышал я знакомый и уже ставший родным женский голос с акцентом. — Мы получили вашу работу. Хочу вас поздравить! Решением аттестационной комиссии вы приняты на должность ведущего инженера в Бюро научно-технических проблем авиации и космонавтики.

Слова застряли у меня в горле. Я силился что-то сказать, но только кряхтел, словно висел вниз головой и чесал между лопаток. Куда я принят? На какую должность? Все происходило словно во сне. Мой мозг не

был способен оценить глубину и масштабность предложения, пришедшего из далекой страны.

— Аллоу! Господин Савельев! Вы слышите меня?

Я откашлялся и с трудом произнес:

— Да...

— Мы готовим вам вызов. Затраты на перелет будут компенсированы. НАСА обеспечит вас достойными условиями для проживания...

Ощущение запредельного восторга медленно отпускало, словно я выиграл автомобиль, но для его получения требовалось быть негром.

— Скажите, — вымолвил я. — А деньги?

— Да, конечно! Я не сказала вам самого главного! — рассмеялась женщина. — Ваше ежемесячное жалование будет составлять двадцать тысяч долларов в месяц. Кроме того, НАСА выплачивает премиальные по итогам работы...

— Вы меня не поняли, — мягко перебил я. — Меня интересуют восемьсот тысяч, упомянутых вами в письме.

— Конечно, конечно! — громко и возбужденно заверила женщина. — Этот пункт нашего контракта остается в силе. Восемьсот тысяч долларов вы получите через две недели после вступления в должность. Таков закон...

Я опустился на пол. Руки дрожали. Горло сдавила судорога. Я чувствовал, что из моих глаз вот-вот польются слезы.

— А-а-а... А разве никак нельзя получить эти деньги, не вступая в должность?

— Это невозможно, — с американской доброжелательностью отказала женщина. — А что, собственно, вас беспокоит? Разве в России вам предлагают более выгодные условия работы?

— Нет, я не могу сказать так, — неуверенно пробормотал я, — но дело в том, что я не планировал переезжать в Америку. Я был уверен, что вы просто купите мою работу, а деньги переведете на какой-нибудь банк.

— Как вам объяснить, чтобы вы правильно поняли меня? — ответила женщина. — Ваш труд сам по себе не представляет особой ценности. Но он характеризует вас как исследователя и ученого, определяет ваши мыслительные потенции. Нам не нужна эта работа без вас. Мы хотим купить ваш ум. Мы должны иметь уверенность, что вы будете работать только на благо США.

Это было мое Ватерлоо. Я потерпел чудовищное поражение. На пути к моей цели, до которой, казалось, уже можно было дотянуться рукой, вдруг выросла непреодолимая преграда. И никакая, даже самая гениальная афера не могла эту преграду разрушить. Потому что расчетливым и дальновидным американцам были нужны не бумажки с формулами, не разработки в соответствии с методом Сницаря. Им были нужны мозги, которые работали бы на благо США. Но переставить себе мозги Чемоданова я не мог ни за какие деньги.

У меня хватило сил только на то, чтобы прошептать в трубку:

— Я думаю...

Глава 19

Предложение

Не знаю, сколько времени я пролежал в позе кабана с охотничьего натюрморта. Сознание возвращалось ко мне в виде черных скользких пятен. Это были обрывки совершенно невыносимой информации, и чтобы как-то стряхнуть их с себя, я поднялся и стал ходить по комнатам, хватаясь за голову и бормоча про себя: «Ужас! Ужас!»

Позвонила Зоя и спросила, какое подвенечное платье ей купить: белое или розовое. Я ответил, что лучше черное, последний крик моды. Зоя ответила, что за черным ей, видимо, придется ехать на Якиманку.

Отключив телефон, я продолжал усиленно думать: «Они предлагают мне должность ведущего инженера. Но я не потяну ее, а вот Чемоданов потянет. Но он — это не я, и здесь большой конфликт. Надо найти другое решение...»

Я чувствовал, что выход есть. Меня наполняла воля к борьбе за свои кровные восемьсот тысяч. «Коль им нужны мозги исследователя с большой мыслительной потенцией, то пусть эти мозги и едут в Америку. Надо отправить в Вашингтон Чемоданова. Объяснить американцам, что моя настоящая фамилия — Чемоданов, а Савельев — это псевдоним. Но к чему

это приведет? К тому, что Чемодан вступит в должность и заграбастает мои восемьсот тысяч. Как пить дать, заграбастает, ему веры нет».

Я остановился посреди комнаты. Где-то забрезжил свет. Прекрасная идея — Чемоданову должность в НАСА, а мне деньги! Да он умрет от счастья, когда я предложу ему такой расклад. Ведущий инженер в НАСА с собственным домом и окладом в двадцать «косарей»! Фантастика!

Хорошо. Допустим, он вместо меня полетит в США. Но как заставить его перевести на мое имя деньги? Когда он окажется за океаном, то сразу забудет все свои обещания. Нужен какой-то мощный рычаг. А какой рычаг может быть мощнее моего личного воздействия? Значит, я должен ехать вместе с Чемодановым. Надо немедленно позвонить в НАСА и сказать, что Чемоданов с псевдонимом Савельев согласен вылететь только в сопровождении личного переводчика Савельева с псевдонимом Чемоданов. Согласятся прислать вызов на двоих, никуда не денутся. А там я живым с Чемодана не слезу.

Я стал торопливо набирать номер бюро. Женщина с акцентом ответила почти сразу.

— Я согласен! — выпалил я. — Но только со мной поедет мой личный переводчик.

— Прошу прощения, господин Савельев, но это невозможно.

— Что?! — не сдержавшись, крикнул я. — Опять невозможно?! Почему невозможно?! Разве я не имею права...

— Вы имеете право взять с собой только жену и детей, — не терпящим возражений голосом сказала женщина.

— Жену? — опешил я, мысленно меняя диспозицию. В этом варианте мне явно не предусматривалось место. — Я подумаю...

Жена и дети. Жена и дети. В роли жены я никак не могу выступить. В роли ребенка Чемоданова тем более. Это будет похлеще, чем у Остапа

Бендера, когда он провел на борт теплохода мальчика. Неужели, это окончательный тупик? Нет, меня ничто не остановит! Я за свои кровные пол поменяю, стану транс... транспор... трансфер... Слово какое-то дурацкое, напрочь из головы вылетело! В общем, мужиком с бабьей внешностью. Позор, конечно, страшнейший, но за восемьсот тысяч можно и на это пойти.

Безумные идеи лезли мне в голову, но ничуть не пугали меня, я лишь выбирал из них менее безумную. Кстати, а зачем уродовать себя? Можно ведь зарегистрировать себя в качестве жены Чемоданова без всяких изменений внешности. Где регистрируют браки педиков? В Голландии, кажется? Так и поедем мы на пару с Чемоданом. «Здравствуйте, господин директор, — скажет он в вашингтонском аэропорту. — Знакомьтесь, это моя жена Серенька». А я буду стоять рядом, как идиот, с накрашенными губами, и подавать встречающим руку для поцелуя.

Зайдя в ванную, я пустил струю холодной воды и сунул под нее голову. Когда от холода у меня стали сворачиваться в трубочку уши, ко мне пришло озарение.

«Господи, — подумал я, глядя на свое отражение в стекле, похожее на большой одуванчик. — Как все просто! Лишь бы она была дома! Лишь бы была дома!» — повторял про себя, одеваясь на ходу, и помчался к двери.

У станции метро я купил двадцать штук роз. Показалось мало, и я прихватил еще корзинку с гвоздиками. В продуктовом магазине взял бутылку шампанского, английскую зажигалку для курительных трубок и ромовую шоколадку в виде маленькой скрипки.

Настя долго не открывала, я даже начал бить ногами в дверь. Наконец она открылась, и на пороге появилась сонная Настя, кутавшаяся в теплый махровый халат. Я бросил цветы на комод и заключил ее в объятия. Так мы стояли и молчали. Я думал о том, в какой последовательности буду подводить Настю к своей идее. Настя тихо сопела мне в шею.

— Отец дома? — прошептал я, не отпуская ее.

— Нет, в академии.

— Я купил ему английскую зажигалку.

— Столько цветов! — Настя подошла к комоду, напоминающему небольшую клумбу, выбрала один цветок, поднесла его к лицу и требовательно проговорила: — Ну? Почему молчишь? Ты собираешься сделать мне предложение?

— Да, — ответил я.

— Так делай же! Делай!

— Я прошу тебя выйти замуж... за Чемоданова.

Настя окаменела. Потом резко повернулась ко мне и посмотрела на меня как на сумасшедшего:

— За кого?

— За Чемоданова... Ну, за Витьку, моего одноклассника.

— Ты хочешь, чтобы я вышла за Чемоданова? — тряхнула она головой, словно желая проснуться.

— Да... Я тебе сейчас все объясню...

— Что-то я никак не пойму, а какая твоя роль? Ты собираешься быть шафером?

— Нет!.. Хотя, могу быть и шафером. Но не в этом суть. Нужен фиктивный брак. На время. Всего на полмесяца.

— Фиктивный брак?

— Да! А потом ты разводишься и выходишь за меня.

— Тоже фиктивно?

— Настя! — торопливо заговорил я. — Выслушай меня внимательно! Деньги, которые лежали в шкатулке, взял я. Для очень важного дела. Я не мог сразу рассказать тебе об этом, потому что боялся сглазить.

— Подожди! — сказала Настя, оттолкнула меня от себя и пошла на кухню. — Я приму валокордин.

Я скинул ботинки и пошел за ней. Настя трясла пузырек над стаканом и считала капли.

— Мне тоже, — попросил я.

Мы выпили, и я принялся все объяснять заново — спокойно и последовательно.

— Я провернул грандиозную сделку и заработал большие деньги. Очень большие деньги! Но их может получить только Чемоданов, причем только в Америке. Если отпустить его туда одного, он не вернется, и денег нам не видать. А если ты поедешь с ним, то ему придется раскошелиться.

— А зачем выходить за него замуж? — попрежнему ничего не понимала Настя.

— А как иначе? Кто тебе даст визу?

Мне пришлось рассказывать все начистоту: как Календулов поместил диссертацию на сайте

академии, как я получил письмо из НАСА с требованием дописать выводы, как я продал машину и квартиру, а потом взял займы из шкатулки, чтобы рассчитаться с Чемодановым, как американцы назначили меня на должность главного инженера.

— Невероятно! — шепотом проговорила она. — Какие огромные деньги!

— Да! Да! Огромные! И они будут наши, если ты сумеешь вытрясти их из Чемоданова!

— А он согласится?

— Почему бы нет? Благодаря мне он получит работу, о которой даже мечтать не мог! Я из этого грязного алкаша человека сделал! Он должен до конца дней своих ноги мне целовать!

— В голове не укладывается, фиктивный брак, Америка...

— Давай-давай! — поторопил я.

— Что «давай-давай»?

— Одевайся, и поехали к Чемоданову. Представляешь, он пить завязал, живет в гостинице и подыскивает себе квартиру!

— А ты в Америку позвонил, чтобы приглашение выслали? — спросила Настя, едва поспевая за мной к лифту.

— Нет. Вот когда брак заключим...

— Ты доиграешься, что там займут вакансию, и плакали наши денежки! Звони немедленно! — схватила она меня за плечо.

Пришлось подчиниться. Чтобы не мешал шум машин, я позвонил отсюда же, из подъезда, стоя рядом с мусоропроводом.

Глава 20

Репетиция свадьбы

— Это Савельев! — громко говорил я в трубку. — Я принимаю ваши условия.

— Прекрасно! — ответила женщина с акцентом. — Я высылаю на ваше имя приглашение. Через день-два оно поступит в отдел виз американского посольства в Москве.

— Со мной полетит моя жена! — предупредил я.

— Окей! У вашей жены фамилия Савельева?

— Савельев — это мой творческий псевдоним. Настоящая моя фамилия — Чемоданов.

— Че-мо-та-ноф? — переспросила женщина.

— Да! Зовут Виктор. А отчество... — Я поморщился, как от боли! Вот чего я никогда не знал, так это отчества Чемоданова.

— Отчества не надо! — шепнула Настя. — У американцев нет отчеств.

— Ваша жена носит вашу фамилию? — спросила американка.

— Да, Чемоданова Анастасия.

Женщина на всякий случай переспросила по буквам. Потом поздравила меня с принятием судьбоносного решения и напомнила, чтобы я обязательно позвонил ей, когда у меня на руках будут билеты.

— Все, — сказал я. — Отступить некуда. Я или убью Чемоданова, или заставлю его расписаться с тобой.

Мы поймали такси и поехали в гостиницу «Спортивная», где в последнее время обитал мой гениальный одноклассник. На этажи нас не пустили, и пришлось вызывать Чемоданова в фойе. Пока мы его ждали, сидя в креслах за журнальным столиком, я придумывал дополнительные меры воздействия на него. Когда в его руках окажутся восемьсот тысяч, ему очень не захочется с ними расставаться, а у Насти не хватит сил вырвать у него эти деньги. Может, ей сразу по прилету в Вашингтон купить «магнум» тридцать шестого калибра?

Но, похоже, эта проблема волновала только меня. Настя по своей наивности об этом еще не думала. Она смотрела на маленькую кудрявую болонку, которую несла на руках пожилая дама, и умиленно улыбалась.

Чемоданов сошел к нам в дорогом спортивном костюме и роскошных кроссовках. Я на мгновение залюбовался его прической, сделанной, по видимому, хорошим мастером. Жирует, негодяй, на мои деньги. Все ему задарма достается.

— Привет! — сказал он, небрежно пожимая мне руку и демонстративно целуя Настю в щечку. — Какими судьбами? Опять нужны доработки?

— Время доработок прошло, Витя, — усмехнувшись, ответил я. — Пришло время снимать сливки. Мы к тебе с грандиозным проектом.

— Валий! — равнодушно бросил Чемоданов, опускаясь в кресло.

— Выходи за меня замуж! — вдруг встряла в мой тщательно продуманный сценарий Настя.

— Что?! — недоверчиво произнес Чемоданов, глядя то на Настю, то на меня. — Это что — розыгрыш?

— Какой розыгрыш? Тебе предлагают должность главного инженера... — Настя не успела договорить, так как я закрыл ей рот ладонью и, делая страшные глаза, с вымученной улыбкой попросил:

— Дай же мне слово вставить!

— Какую должность? — захолопал глазами Чемоданов. — Я ничего не понимаю. В твоей фирме, что ли?

Я вынул из кармана какую-то смятую деньги и протянул Насте:

— Иди, купи себе мороженого.

Настя надула губки и на некоторое время замолчала.

— Я могу устроить тебя, — медленно произнес я, глядя прямо в глаза Чемоданову, — в крупнейшую авиационную компанию США с окладом двадцать тысяч долларов.

— В год? — не поверив, ахнула Настя.

— В месяц, — ответил я. — Плюс бесплатное жилье и гражданство.

— Что-то слишком щедро, — с сомнением произнес Чемоданов, ерзая в кресле.

— Твоя голова заслуживает того. Я всегда относился к тебе с уважением, и мне было жалко тебя. Вот я и попросил одного своего хорошего знакомого, чтобы он подыскал тебе приличную должность. И вот результат... Впечатляет?

— Невероятно, как в сказке, — признался Чемоданов. — И что ты хочешь за эту услугу?

— Ничего. Почти ничего. На твое жалованье, твой дом в Америке, твои кабинеты и лаборатории я не претендую. Но тебе будет выплачена некоторая сумма в качестве подъемных. Не слишком большая, если судить по тем деньгам, которые ты будешь зарабатывать, но и не слишком маленькая, чтобы я мог ею пренебречь.

— Там та-акие бабки! — снова вставила Настя.

— Как бы то ни было, — продолжал я, больно наступив ей на ногу, — эти деньги по справедливости принадлежат мне. Ведь это я все организо-

вал, я вышел на американцев, я нашел тебе работу. Без меня ты бы до сих пор сидел бы в своем Промышленном поселке и топил бы диссертацией печь.

— Допустим, я соглашусь, — осторожно произнес Чемоданов. — А при чем здесь она? — и покосился на Настю.

— Только не подумай, что я тебе не доверяю. Просто у тебя могут возникнуть большие проблемы с переводом денег сюда. А Настя заберет их у тебя и привезет в Москву.

— А зачем мне жениться на ней?

— Видишь ли, по-другому она не может попасть в Америку. Ей обязательно надо считаться твоей женой, чтобы получить визу.

Чемоданов снова покосился на Настю. Теперь он смотрел на нее оценивающе.

— А сколько денег дадут?

— Восемьсот тысяч, — с трудом произнес я.

Чемоданов присвистнул. Настя покрылась пунцовыми пятнами. Все ясно, пора выкладывать козырь.

— Витя, — мягко сказал я и опустил ладонь на его колено. — Чтобы, не дай бог, у тебя не появился соблазн оставить эти деньги у себя, я хочу тебе напомнить о нашем договоре. Если эти деньги не попадут мне в руки, то я сразу обращаюсь в суд. Ты не имеешь права получать за свою диссертацию гонорары. Правда на моей стороне, и у тебя начнутся неприятности. Американский суд ты не подкупишь, а скандал только повредит твоей карьере.

— Пугаешь? — усмехнулся Чемоданов.

— Предупреждаю, — поправил я.

— Не нравится мне это все.

— Что тебе не нравится, Витя? Что тебе может не нравиться после улицы Рабочей в Промышленном поселке? Ты, вообще, хорошо представляешь, что я тебе предлагаю? Ты понимаешь, что о такой должности даже зажавшиеся американцы мечтать не могут?

— Значит, я заслуживаю эту должность.

— Тысячи ученых заслуживают ее. А займешь ее ты! Думаешь, так все просто?

— Мне не нравится, что ты надумал с этим фиктивным браком, — сказал Чемоданов, покачивая ногой. — Хочу — женю, хочу — развожу. Что я, собака? Это мероприятие серьезное, к нему надо подходить взвешенно.

— Да брось ты! — поморщился я. — Я ж тебе не настоящий брак предлагаю, а фиктивный. Штамп в паспорте — только и всего. Через две недели разведешься и женишься на какой-нибудь богатой американке. Давай, собирайся! Поедем в загс.

— Что? Прямо сейчас?

— А чего тянуть? Чем быстрее распишетесь, тем быстрее полетите в Америку.

— Завтра уже вызов придет, — добавила Настя.

— Да, — подтвердил я. — Но я его сожгу, если ты откажешься жениться.

— Значит, так, — вдруг решительно произнес Чемоданов, — я к этому делу отношусь серьезно. А потому все должно быть по-людски. Свадьба — так свадьба! Я требую, чтобы ты организовал венчание в церкви и столик в приличном ресторане. Разумеется, подвенечное платье для невесты и золотые кольца. О машинах с лентами и куклами я не говорю, это и коню должно быть понятно... Правда, Настя?

— Ты что, Витя? — опешил я. — Какие ленты? Какие куклы? Нам требуется только отметка в паспорте! А свадьбу ты сыграешь с американской негритяжкой.

— Как хочешь! — стал подниматься с кресла Чемоданов. — Но без ритуала я не согласен.

— Ты готов отказаться от работы в Америке из-за какого-то глупого ритуала? — воскликнул я.

— Работа меня всегда найдет, — самоуверенно заявил Чемоданов. — А ритуал запомнится надолго. Мне же придется расстаться с Россией. Ностальгия... Тебе этого не понять!

— Да пойми же ты! — закричал я. — Настя — моя невеста! Как она второй раз за месяц в церковь венчаться пойдет?

— Это твои проблемы, — сухо ответил Чемоданов.

— Бес с вами, — сдался я наконец. — Венчайтесь.

— Все за твой счет, — добавил Чемоданов, — включая авиабилеты.

— Родной ты мой! — произнес я. — Не слишком ли много ты хочешь?

— А не слишком ли ты много заработал на моем горбу? — отпарировал Чемоданов.

Крыть мне было нечем.

— Ну-ка, дай свой телефончик! — достав из кармана куртки сложенную вдвое газету, приказным тоном проговорил он.

У меня уже не было сил возражать, поэтому я молча протянул ему трубку и только спросил:

— А куда ты хочешь позвонить?

— Да вот, нашел телефон фирмы, которая организует свадьбы.

— Послушай, я сам все организую! Эта фирма с нас три шкуры сдерет!

— Какой жадный у тебя жених! — повернулся Чемоданов к Насте. — На моей диссертации восемьсот тысяч заработал, а копейки считает! — и стал набирать номер. — Алло? Это фирма «Гименей»?.. Проблема одна — хочу жениться... Да, вы правы, учиться не хочу. Ха-ха-ха! — Оговорив церемонию в церкви, включая и хор, количество и марки машин, ресторан и меню, он подвел итог: — И сколько за все?.. Сколько-сколько? Всего-то? А я думал, что больше...

— Короче, — перебил я его. — Сколько это будет стоить?

— Ерунда на постном масле, — весело ответил Чемоданов. — Восемь тысяч долларов.

— Сколько?! — ахнул я от его непомерной наглости.

— Так это с кольцами, платьем и рестораном. Ты чего жмешься, Серенька? И так по самому дешевому тарифу!

— Ой, как я хочу подвенечное платье! — радостно хлопнула в ладоши Настя.

Глава 21

Выпадение осадка

Мне показалось, что в мое горло вогнали сухую сосновую щепку.

— У меня нет таких денег, — поставил я Чемоданова перед фактом.
— Продай квартиру, — безапелляционно заявил он.
— Сейчас! — обозлился я. — А жить где я буду? На вокзале?
— Можно поменять на меньшую, — тихонько вставила Настя.
— Прекрасная идея! — поддержал Чемоданов. — Если особенно не торговаться, все можно сделать за полдня. Ну, что, спонсор? Почему стоим? Погнали в загс!

Мне казалось, что я падаю в пропасть. Скорость нарастает, гибель неотвратима. Я в ужасе оглядываюсь, надеюсь за что-нибудь ухватиться, но гладкая стена не оставляет никаких шансов на спасение.

Я отошел подальше от этой парочки, вполголоса спорившей, можно ли в это время года купаться в Атлантике у берегов Америки, и позвонил своему риелтору. Совсем недавно я разговаривал с ним тоном богатого клиента, твердо держал свою цену и не соглашался на компромиссы. Теперь все изменилось.

— Мне нужно десять тысяч долларов, — сказал я ему. — Сейчас. Немедленно.

— Вы уже решили продать квартиру? — оживился риелтор.

— Поменять, — ответил я. — Поменять на меньшую. Подыщите какие-нибудь варианты, но деньги привезите немедленно. Я торговаться не буду.

— Хорошо, — согласился он, смекнув, что может неплохо заработать на мне. — Я буду у вас с деньгами через пару часов.

Я встал на обочине и принялся ловить попутку. Когда машина остановилась, мы с Чемодановым стали толкаться на краю тротуара, борясь за право сесть с Настей на заднее сиденье. Он нагнул неудержимо и оттолкнул меня совершенно откровенно.

— Чемоданчик! — нежно укорила его Настя. — Ты такой хам!

Он что-то шепнул ей в ответ, и Настя взорвалась громким смехом. Чемоданов все-таки усадил Настю на заднее сидение, плюхнулся с ней рядом и захлопнул дверь. Мне ничего не оставалось, как сесть рядом с водителем.

Вскоре мы остановились у загса. Я ожидал увидеть у подъезда скопление машин с лентами и куклами, празднично одетых людей и порхающих, как снежинки, невест. Но на стоянке царила пустота, и лишь дворник в оранжевой спецовке ковырялся лопатой.

— Иди, шафер, договаривайся! — сказал мне Чемоданов. — А мы здесь посидим.

— Паспорта! — сказал я и, не оборачиваясь, протянул руку назад.

С двумя паспортами я зашел в пустой и холодный холл и стал дергать за ручки все двери подряд. Кажется, на сегодня все свадьбы уже отгреме-

ли. «Начинается полоса неудач!» — подумал я и уже собрался выйти, как меня окликнул женский голос:

— Вы кого ищете, молодой человек?

Я обернулся и увидел полную даму с высокой пышной прической.

— Надо срочно зарегистрировать брак этих двух людей, — приблизившись к ней, шлепнул я паспортами по ладони.

— Срочно? — усмехнулась женщина, даже не взглянув на паспорта. — А когда подавали заявление?

— Никогда, — ответил я. — Не было заявления.

— Как же я их зарегистрирую? — пожалла она плечами, хотя на ее лице не было и тени сомнения в том, как это сделать.

— За деньги, — откровенно подсказал я.

— Зайдите, — снисходительно усмехнулась женщина и, забрав у меня паспорта, открыла ключом дверь кабинета. Подойдя к столу, села, надела очки и стала их листать. — Куда торопимся? Кого хотим обмануть? Сейчас срочно зарегистрировать, а завтра срочно развести. Так? В итоге, пострадает государство. Простые налогоплательщики. — И вдруг, без всякого перехода: — Две тысячи долларов!

Я даже не сразу сообразил, к чему относится эта сумма. Женщина повернулась к сейфу, открыла тяжелую скрипучую дверь, вынула оттуда чистый бланк свидетельства о браке и коробочку с печатями и спросила:

— Чью фамилию брать будем?

— Чемоданова.

— Я бы удавилась от такой фамилии, — поджав губы, призналась она.

И тут я вспомнил, что у меня осталось долларов триста, не больше.

— Одну минутку! — сказал я. — Сейчас принесу, — и бегом кинулся к Чемоданову: — Раскошеливайся! Она требует две тысячи. А у меня всего триста.

Продолжая одной рукой обнимать Настю, он показал мне кукиш:

— Не наглей, Серенька! Мы же договорились — все за твой счет!

— У меня сейчас нет таких денег! — крикнул я. — Дай мне займы, я завтра верну!

— Нет, — наотрез отказался Чемоданов. — Вот завтра и распишемся. Я на твои уловки не пойду.

Я сплюнул и бегом вернулся в загс. По моим глазам женщина поняла, что торжественный акт отменяется, брезгливо швырнула паспорта на край стола и проворчала:

— Только голову морочат...

Не скрывая своего раздражения, я сел в машину. Пока мы ехали, Чемоданов с Настей на заднем сиденье хихикали, дрались, обнимались, изредка затихая. Я не мог позволить себе обернуться и посмотреть на них, потому как никакой силой волей не смог бы убрать с лица униженное выражение поверженного соперника. Это была страшная пытка, и у меня даже затылок онемел от напряжения. Чем дольше мы ехали, тем я все более отчетливо понимал, что допустил роковую ошибку, выбрав на роль жены Настю.

Когда мы уже почти подъехали к моему дому, Чемоданов хлопнул водителя по плечу:

— Шеф! Тормозни у винно-водочного! Надо шампанского прихватить!

Я мысленно поклялся, что умру, но не побегу за шампанским. Чемоданов уговаривал меня не долго, вздохнул и открыл дверь.

— Ну, ловкач! — проворчал он, вылезая из машины. — Опять хочет за мой счет поживиться!

Я едва дождался, когда Чемоданов скроется за стеклянной дверью магазина, и немедленно пересел на заднее сиденье.

— Настя, ты отвратительно себя ведешь! Я перестаю тебе верить! Где гарантии, что ты не снюхаешься с ним окончательно?

— Бессовестный, — покачала головой Настя, — по-моему, я не давала тебе повода так говорить со мной.

— Не давала повода?! — вскрикнул я. — Да что он только с тобой не делал! Ты ему позволяешь все, тебе это нравится! Он тебе симпатичен!

— Что я ему позволяю? Что? — оправдывалась Настя. — Он наш компаньон. Мы должны доверять друг другу, иначе нам этих денег никогда не заполучить!

— Давай доверять, но должна же быть грань приличия!

Я хотел еще что-то добавить, но мой взгляд вдруг намертво прилип к окну. Вдоль магазинов мелкими шажками продвигалась Зоя! Лицо ее излучало беспредельное счастье, в обеих руках она несла большие пакеты, на которых были изображены пересекающиеся кольца. Все ясно! Эта не-

нормальная что-то купила в магазине для новобрачных и торопится ко мне, чтобы похвастать.

— Кого ты увидел? — спросила Настя.

— Кажется, мой риелтор, — произнес я и взялся за ручку. — Сидите тут и ждите меня!

Я выскочил из машины, побежал через арку по кругу, чтобы перехватить Зою до того, как она приблизится к моему подъезду.

Увидев меня, Зоя чуть пакеты от счастья не выронила.

— Ты вышел меня встречать, да? — воскликнула она. — Целуй в щечку! А что я купила! Ты сейчас выпадешь в осадок!

Я схватил Зою под руку, открыл дверь подъезда, быстро затолкал ее туда и процедил сквозь зубы:

— Ты очень вовремя.

— Правда? — обрадовалась она. — Я так и думала!

Мы зашли в квартиру. Я сразу подошел к окну и посмотрел на такси. Машина стояла на прежнем месте, из выхлопной трубы вился дымок, только не видно было, пришел Чемоданов с шампанским или еще нет.

— Зоя, — сказал я. — Ты меня извини, у меня сегодня мало времени. Есть неотложные дела...

— Поняла, поняла, поняла, — пропела Зоя, стаскивая сапожки со своих страусиных ног. — Уже бегу в ванную...

— Стой! — крикнул я, едва сдержавшись, чтобы не добавить бранное слово. — Подожди! Что ты там принесла?

Пританцовывая вместе с пакетом, Зоя устремилась на середину комнаты и, извиваясь как стриптизерша, стала вытаскивать что-то большое и черное, похожее на тюль для окна.

— Что это? — спросил я.

— Свадебное платье! — пропела она и игривым голосом добавила: — Сейчас примерю...

Когда на пол упал джемпер, а потом кофточка, в дверь позвонили. У меня сердце ушло в пятки.

Я поднял руку и знаком показал Зое, чтобы она заткнулась. На цыпочках приблизился к двери и посмотрел в глазок. На пороге стоял риелтор.

Глава 22

Возьмите меня
в Америку!

— Оденься! — бросил я Зое и открыл дверь.

Риелтор с порога пожал мне руку и стремительно зашел в комнату. Не обращая внимания на Зою, которая еще заправляла кофточку в юбку, он опустился на подоконник дипломат, раскрыл его и стал раскладывать договора.

— Здесь десять тысяч, — сказал он мне, протягивая пачку долларов, перетянутую резинкой. — Можете пересчитать... Это ключи от квартиры. Двухкомнатная в «хрущевке», санузел совмещенный, кухня — четыре и два десятых метра, первый этаж... К сожалению, ничего лучшего в такие сжатые сроки я подыскать вам не смог. Все остальные документы мы оформим позже.

— Хорошо, хорошо, — согласился я, чтобы поскорее закрыть рот риелтору. — Что подписывать?

Когда все бумаги были подписаны, риелтор, пряча их в кейс, произнес:

— Новый хозяин требует, что вы освободили квартиру немедленно.

— Но до вечера он хотя бы подождет?

— До вечера подождет. А если надумаете покупать особняк, — добавил он, протягивая мне руку, — звоните. Я подберу вам отличные варианты. Не успел я закрыть за ним дверь, как снова в нее позвонили. «Не дай бог, это Настя!» — подумал я, впервые в жизни чувствуя себя в роли неверного мужа. Я неслышно подкрался к двери, посмотрел в глазок и мысленно выругался. Настя, собственной персоной! Да еще с Чемодановым!

Покусывая губы, я на цыпочках вернулся в комнату. Звонки продолжались — долгие, настойчивые. Тут из ванной выплыла Зоя в черном подвенечном платье, и я аж поперхнулся, настолько она напоминала своим видом старуху Шапокляк.

— А вот и я, а вот и я! — пропела Зоя и хотела еще что-то добавить, но я закрыл ее рот ладонью и шепнул:

— Тихо! — и, с ненавистью глядя на пустые стены, подумал: «Куда же ее спрятать? У меня даже шкафа нет! Хоть из окна ее выбрасывай!»

Надежды, что Настя и Чемоданов уйдут, не было никакой. Я бродил по комнатам со зверским выражением на лице, и Зоя все старалась меня успокоить:

— Не волнуйся ты так, с кем не бывает? Хочешь, я сама с ней поговорю? Я умею с людьми ладить.

И вдруг мне на голову буквально свалилась идея. Я остановился посреди комнаты и, глядя на нее в упор, голосом следователя, ведущего допрос, произнес:

— Зоя, ты меня любишь?

— Родненький! — с придыханием ответила она. — Конечно. Конечно, я тебя люблю...

— Ты можешь ради меня выполнить одну опасную работу?

— Конечно, родненький мой! Конечно! Хоть в огонь, хоть в воду!

В дверь уже не только звонили, но и колотили ногами. У меня не было времени на то, чтобы подробно рассказать про диссертацию, Чемоданова, должность в НАСА и восемьсот тысяч подъемных, но Зоя должна была понять, что от нее требуется, чтобы правильно вести себя с Настей.

— Ты должна выйти замуж за незнакомого тебе человека, — быстро проговорил я. — Разумеется, фиктивно. Под видом его жены полетишь в Америку. Он примет должность главного инженера в национальной космической администрации и приступит к работе... — Чем больше я говорил, тем сильнее у Зои вылезали глаза из орбит. Она судорожно сглатывала и кивала. — Через две недели твой «муж» получит восемьсот тысяч долларов, по закону принадлежащие мне. Ты должна взять их у него и вернуться в Москву. И на эти деньги мы начнем строить нашу, выделил я, семью.

— Я сделаю это! — с жаром произнесла Зоя. — Можешь не сомневаться. Я выбью из него эти

деньги. Родненький мой! Ты не пожалеешь, что доверился мне! В лепешку расшибусь! Я...

— Иду! — рявкнул я, не в силах больше слушать трель, подошел к двери и открыл замок.

Настя и Чемоданов ворвались ко мне, словно группа захвата в воровской притон. Настя с хищным выражением лица зашла в комнату, увидела Зою и, плотоядно усмехаясь, внимательно ее оглядела. Безусловно, рост Зои ее впечатлил, но еще больше — платье.

— А это еще что за нефтяная вышка? — спросила она. — Что она делает в квартире моего жениха?

— Полегче, девушка, полегче! — предупредила Зоя, желая показать, что тоже не лыком шита.

— Настя, выйди, пожалуйста, — попросил я.

— Ага, разбежалась! Первой отсюда выйдет она. Выпорхнет вороной.

— Я вас не знаю, — холодно проговорила Зоя. — И пришла не к вам.

— Давай без скандала, — предложил я, впрочем, мало надеясь на то, что Настя меня послушает.

— Ты деньги получил? — спросил Чемоданов, глядя на подоконник, где лежала пачка долларов.

— Возьми, — поймал я его взгляд, — там хватит на все.

Чемоданов, не заставляя себя уговаривать, взял баксы и затолкал их в нагрудный карман куртки.

— Надо поговорить, Витя! — кивнул я в сторону коридора, и мы прошли на кухню.

Чемоданов сел на подоконник и приготовился слушать.

— Ситуация меняется, — заговорил я после долгой паузы, — вместо Насти с тобой полетит Зоя.

К моему огромному облегчению, Чемоданов равнодушно пожал плечами, мол, Зоя, так Зоя, мне какая разница.

— И чем, интересно знать, вызвана эта рокировка? — на всякий случай спросил он.

— Видишь ли, Настя слишком непредсказуема. А Зою я знаю много лет, — убеждал я, не скупясь на эпитеты. — Это умная и хорошо воспитанная девушка. У нее масса преимуществ. Во-первых, она прекрасно владеет английским, во-вторых, хорошо знает деловой этикет, в-третьих, умеет работать на компьютере. А самое главное — у нее прекрасные манеры, с ней тебе не будет стыдно на презентациях... — Я не договорил, так как из комнаты, которую Зоя планировала отвести под детскую, вдруг раздался душераздирающий визг.

Мы с Чемодановым выбежали из кухни и замерли в дверях. Нашим глазам представилось редкое зрелище: хорошо воспитанная Зоя с прекрас-

ными манерами возвышалась посреди комнаты, широко расставив ноги, и обеими руками крепко держала за волосы Настю. Дочь академика, путаясь в полах дубленки, стояла на четвереньках, вцепившись зубами бульдожьей хваткой в ногу Зои. Обе девушки выли от боли.

Мы кинулись их разнимать. Я пытался оторвать руки Зои от Настиной головы, а Чемоданов силится оттащить Настю за ноги. Нам не без труда удалось разорвать клинч.

— Кобыла пучеглазая! — орала дочь академика на специалиста по компьютерам и этикету.

— А ты вошь постельная, вымоченная в хлорке! — отвечала специалист.

— Ты где нашел эту воблу?! — переключилась на меня Настя. — Ты же рядом с ней как ежик перед цаплей!

— Сережа, — строгим голосом говорила Зоя. — Она не бешеная? Ее же опасно на люди выпускать!

Мы поняли, что запала у девушек хватит надолго, и, взяв тайм-аут, развели «бойцов» по разным комнатам.

— Успокойся, — сказал я Зое. — Будет так, как я хочу.

— Надо эту овцу окунуть пару раз головой в унитаз, — предложила она, поглаживая лодыжку в месте укуса.

— Не надо с ней вообще разговаривать! Стой здесь, пока я не договорюсь с Чемодановым.

Противоборствующая сторона расположилась на кухне. Настя все еще часто и тяжело дышала, ее щеки полыхали румянцем. Чемоданов что-то негромко говорил ей, будто давал напутствия перед очередным раундом.

— Иуда! — презрительно бросила Настя и прищурила глаза. — За сколько ты продался?

— Витя, — не реагируя на ее выпад, сказал я, — пора действовать!

Но Чемоданов не был готов к решительным действиям. Он чесал темечко и смотрел на свои туфли.

— Видишь ли, — произнес он, не поднимая глаз, — мы с Настей уже договорились лететь, и как-то нехорошо все менять.

— Это я предложил тебе ее, — жестко продолжал я. — И теперь снимаю ее кандидатуру! Потому что она не умеет себя вести!

— Так нельзя, — ответил Чемоданов, — не по-человечески это. И вообще, я этой Зое не доверяю, слишком глазки у нее лукавые.

— Ребята, — твердо сказал я, окончательно теряя терпение, — или летит Зоя, или не летит никто.

— Никто, так никто, — кивнул Чемоданов и вынул из кармана баксы.

— Ты что? — не поверил я своим глазам. — Из-за бабы хочешь отказаться от престижной работы в США?

— А ты из-за бабы хочешь отказаться от восьмисот тысяч долларов? — с ехидной улыбкой спросила Настя.

И вдруг мне стало все безразлично. Запереться бы в маленькой квартирке без телефона и дверного звонка, лечь на диван, накрыться одеялом и спать долго-долго...

— Черт с вами, — произнес я, закрывая глаза и прислоняясь к стене. — Делайте, что хотите...

— Как это «что хотите»?! — выкрикнула Зоя, неожиданно появляясь в кухне. — Ты что такое говоришь? Полечу я, и только я! Ты мне обещал! Ты у меня спрашивал! Я тебе клялась!

— Пошла вон! — гаркнул я, хватая Зою за руки. — Вон из моего дома!!

— Ах, так? Ты меня плохо знаешь! Я заставляю тебя сдерживать свое слово!

— Гражданочка! — испуганно попросил Чемоданов. — Выпустите нас, пожалуйста. Мы уйдем, а вы сами тут разбирайтесь!

Он явно погорячился, сказав эти слова. Зоя мгновенно повернулась к нему и, шурша своими многочисленными юбками, медленно двинулась на него:

— Чемоданов, родной мой! Возьмите меня в Америку! Я всю жизнь об этом мечтала. Ради всех святых! Вы будете со мной, как у Христа за пазухой. Я вас в обиду не дам. Вы горько пожалеете, если не возьмете меня с собой...

— Да тебе не в Америку, а в Сургут надо! — вспылила Настя. — Отойди от него. Это мой жених! А твой вон у стены слюни пускает!

Но Зоя не хотела смотреть, как я пускаю слюни. Она решила драться за Чемоданова не на жизнь, а на смерть и вцепилась ему в руку. Настя схватила Чемоданова за вторую руку, и они принялись разрывать гениального физика пополам.

Моя роль была исчерпана. Больше я никому не был нужен. Центром Вселенной стал Чемоданов. Распахнув дверь, я выскочил из квартиры, просвистел мимо лифта и вошел в крутое пике на лестнице. Меня преследовали какие-то крики, они смешивались с эхом, превращаясь в невыносимую ка-

кофонию, заставлявшую меня бежать еще быстрее в маленький уютный мир двухкомнатной «хрущевки», где меня никто не мог достать.

Глава 23

Вот это, называется,
вляпался!

Я валялся на скрипучей тахте в своей «хрущевке», крепко провонявшей средством от клопов и тараканов, время от времени отхлебывая из горла бутылки водку. Новый хозяин моей прежней квартиры привез на собственной «Газели» коробки с моим барахлом, свалил их в коридоре, и они громоздились там, как баррикада. Не было ни сил, ни желания раскладывать вещи и наводить порядок. Новое жилище вызывало у меня отвращение. Мне казалось, что я поселился в поселке Промышленном, на улице Рабочей, в квартире Чемоданова. Время для меня остановилось. Я сделал все, что мог, и теперь оставалось только ждать.

И тут в дверь неожиданно позвонили. Звонок, оставшийся от прежних хозяев «хрущевки», напоминал лай простуженной собаки. В этом доме меня никто не знал, никто из моих знакомых не знал этого адреса, и потому я был уверен, что кто-то просто ошибся квартирой. Я зажег в прихожей свет и открыл дверь.

На пороге стоял пожилой мужчина с худым морщинистым лицом, с аккуратно уложенными седыми волосами и щеточкой белых усов. На нем было длиннополое пальто, плотно закрывающее шею.

— Гражданин Савельев? — тихо спросил он.

Не люблю я таких визитов, когда не знаешь того, кто называет твою фамилию.

— А что? — недовольным голосом поинтересовался я.

Мужчина вынул из кармана красную «корочку», раскрыл ее и поднес к моему лицу. Я успел увидеть фотографию седого незнакомца в форме и надпись «Министерство внутренних дел РФ».

— Я могу зайти? — спросил незнакомец и расстегнул пальто, но снимать его не стал. — Моя фамилия Лавров, — представился он. — У меня к вам очень серьезный разговор. Где мы можем сесть?

Я провел его в комнату и предложил тахту. Сам сел на коробку с обувью.

Лавров некоторое время так пристально смотрел мне прямо в глаза, что мне стало как-то не по себе.

— По обвинению в разглашении сведений, содержащих военную и государственную тайну, нами задержан гражданин Календулов, — сказал Лавров, не сводя с меня своего пронзительного взгляда. — Вы знакомы с ним?

— Мы виделись с ним всего два раза, — ответил я.

— Советую быть со мной откровенным, — предупредил Лавров и, словно желая сакцентировать мое внимание на каком-то скрытом смысле этих слов, качнул головой. — В диссертации, которую он поместил на сайте академии, содержались секретные сведения.

Вот тут мне стало по-настоящему нехорошо. Хмель, тоска и все прежние обиды растаяли в одно мгновение. Я понял, что случилось нечто очень скверное, какая-то крупная неприятность, не имеющая ничего общего с прежними моими неудачами, и осипшим голосом переспросил:

— Какие сведения?

— Секретные, — повторил Лавров. — Касающиеся технологии новейших отечественных истребителей. Календулов утверждает, что именно вы заставили его поместить диссертацию в Интернете. Это правда?

— Я?! Я его заставил?

— Но ведь вы — автор диссертации?

Я чуть не назвал фамилию Чемоданова, но вовремя прикусил язык. Если я его выдам, его арестуют этой же ночью, и ни в какую Америку он уже никогда не полетит.

— Так кто автор диссертации? — допытывался Лавров.

— Я ее... — пробормотал я, не зная, как убедительнее солгать. — Понимаете, я только выдавал себя за автора. Я вообще в физике дуб дубом. Мне просто кандидатскую защитить надо было...

— Я спрашиваю, где вы взяли эту диссертацию? — перебил Лавров.

— Я ее... нашел, — с трудом произнес я. От такой нелепой лжи у меня даже в глазах потемнело.

— Где? — скривил рот Лавров.

— В поселке Промышленном, — выпалил я, и дальше вранье пошло как по маслу. — Я искал там квартиру своего давнего друга — мы в армии

вместе служили, — но поселок давно вымер, там никто уже не живет, почти все квартиры пустые. Я зашел в одну, а там буржуйка на кухне. Я решил погреться, начал искать, чем бы протопить, и нашел под диваном целую стопку бумаг с машинописным текстом. Сжег пару страниц и зачитался. Вижу — диссертация. Думаю, а почему бы мне задарма кандидатом наук не стать. И отнес ее Календулову...

Пока я вдохновенно врал, Лавров встал и принялся ходить по квартире. Сначала он внимательно осмотрел потолок, будто искал на нем подслушивающую аппаратуру, потом занялся изучением подокона и, наконец, стал рассматривать коробки.

— Это ваши вещи?

— Мои! — честно признался я.

— Прекрасно! Тогда, если вас не затруднит, распакуйте компьютер и установите его.

И тут меня словно обухом по голове грохнули! Компьютер! В нем же есть файлы, которые я собственноручно заполнил цитатами из диссертации! И по совету Насти сохранил их задним числом! Идиот! Это же главная улика!

— Ну, что же вы? — поторопил меня Лавров, заметив, как я начинаю медленно умирать перед коробками.

Слабыми руками я стал вытаскивать монитор, думая про себя без всякой надежды: «Может, не найдет? Или попытаться уничтожить файлы до того, как он их прочтет?» Опустил монитор на пол, запутался в кабеле и чуть не упал. Когда начал извлекать из коробки системный блок, Лавров подошел ко мне и спросил:

— Вы ничего не хотите мне сказать?

Он давал мне шанс во всем чистосердечно признаться, но я сделал вид, что не понял его вопроса. «Это старый, заплесневелый чекист. Он разбирается в компьютерах, как я в физике. Успешно запустил программу форматирования «винта», и все файлы сотрутся подчистую... Пусть потом ковыряется до посинения».

Я нарочно отнес системный блок в дальний угол комнаты, чтобы Лавров не успел помешать мне «совершить диверсию». Пока подсоединял кабели, Лавров прохаживался между коробок. Небольшая плоская коробочка привлекла его внимание. Он поднял ее и вытряхнул из нее папку с завязанными тесемками. Я пережил еще один удар. Именно в эту папку я сунул листочки с формулами, поддельные «черновики» диссертации. Что это? Профессиональное чутье, выработанное годами? Или какой-то гнусный фокус?

— Вы по-прежнему не хотите мне ничего сказать? — спросил Лавров, просматривая мои каракули.

— Я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете, — произнес я, нажимая кнопку загрузки компьютера. Монитор я решил включить в последний момент, чтобы потом сразу ввести команду на форматирование «винта».

Лавров, казалось, не обращал внимания на мою возню с кабелями, ходил по комнате и покачивал головой, словно мысленно спорил с самим собой. Я уже опустил пальцы на клавиатуру, но тут вдруг он как-то слишком по-доброму произнес:

— Не усугубляйте свое положение. Отойдите от компьютера. Я же понял, что вы собираетесь сделать.

Моя рука медленно продолжала тянуться к кнопке монитора. Пусть знает, но улика будет уничтожена! Даже если он сейчас кинется на меня, я все равно успею ввести команду.

— Какой же вы, однако, настойчивый! — усмехнулся Лавров. — Наверное, не стоило вас утруждать, потому как необходимое доказательство у меня уже есть. Да оставьте вы в покое ваш компьютер! Не буду я его трогать. Взгляните лучше на меня! — Он вынул из кармана пальто мятый почтовый конверт, вытащил из него письмо, развернул и зачитал вслух:

— «А еще хочу похвастать перед тобой, милая Настя, что я завершаю работу над диссертацией. Тема ее тебе мало что скажет: «Течение с образованием волн разрежения при обтекании угла сверхзвуковым потоком», но для меня это значит очень многое...» Ну, и так далее. Датировано письмо двадцать седьмым августа прошлого года.

«Значит, Настя продала меня с потрохами, — подумал я, тупо глядя на жилистую руку Лаврова, в которой он держал письмо. — Ее арестовали? Или она донесла на меня добровольно?.. А какое это имеет теперь значение!»

Я сел на пол и обхватил голову руками.

— Ну, ладно, ладно! Не умирай! — заботливым голосом произнес Лавров и потрепал меня по затылку. — Комиссия по определению степени секретности только приступила к работе... Собирайся, поедем.

— Куда? — безвольными губами шепнул я.

— Как куда? В отделение.

Мы вышли в ночь. Лавров подошел к серой, забрызганной грязью машине, открыл ключом дверь и кивнул мне на переднее сиденье:

— Садись.

Когда машина тронулась с места, он повернул ко мне голову и повторил:

— Не умирай, в комиссии не боги сидят. Обыкновенные пенсионеры, которые когда-то давно имели отношение к науке. Поковыряются они в твоей диссертации, напишут расплывчатое резюме, где что-то среднее между «да» и «нет». Потом придут ко мне и спросят: Петрович, так какой вывод писать? А все зависит от того, найдет ли следствие в твоём поступке преступный умысел.

Я так резко вскинул голову, что ударился темечком о потолок кабины. Если я не ослышался, то Лавров совершенно открытым текстом говорил мне: «Как ты со мной договоришься, так и будет».

— А что надо сделать, чтобы вы... чтобы сказали... — мучился я, не зная, как точнее сформулировать вопрос.

— Что секретных сведений в диссертации нет? — пришел на помощь Лавров, но тут же переключил внимание на управление машиной: — Вот же приткая какая! Так и норовит под колеса сигануть!

Я же так глубоко погрузился в раздумья о своей судьбе, что не заметил, как мы приехали.

Лавров провел меня мимо дежурного с автоматом, который приветственно вскинул руку, подошел к тяжелой двери, обитой металлом, и позвонил. Лязгнул замок. Мы зашли в холл, где за толстым стеклом сидел дежурный по отделению.

— Добрый вечер, Константин Петрович! — поздоровался он.

Темная лестница, ведущая на второй этаж. Снова коридор, в котором гулким эхом отзывались наши шаги. Множество пронумерованных дверей. Лавров открыл ключом одну из них и жестом предложил зайти. Указав мне на стул, при-

нялся заваривать чай. Молчание становилось невыносимым, но я понял, что все его мысли заняты размером взятки, которую он намеревался с меня востребовать.

Наконец Лавров поставил передо мной чашку, налил в нее чай, сел напротив и закурил, задумчиво глядя на меня.

— Ну что с тобой делать, Савельев? — спросил он.

— Я могу заплатить, — с трудом произнес я, исподлобья взирая на него.

Он вдруг рассмеялся, затушил сигарету и отставил пепельницу в сторону.

— Ты по-прежнему думаешь, что все можно купить?

— Не все, но... — пробормотал я, пытаюсь смягчить прямолинейность своего предложения.

— Далеко не все, — перебил Лавров, — меня, например, невозможно.

Внутри все оборвалось. «Вот это вляпался!» — подумал я.

Лавров достал из ящика стола лист бумаги с отпечатанным на нем мелким текстом и протянул мне:

— Это подписка о невыезде. Иди домой, закройся и сиди тихо, как мышь. Когда будет надо, я тебя вызову.

Я готовился к следственному изолятору, обыску, допросу, протоколам, а тут вдруг — иди домой! Боясь, что Лавров вдруг передумает, я торопливо подписал бумагу и встал из-за стола.

— Иди, иди! — махнул он на меня рукой.

Глава 24

Всюду жизнь

Я вернулся в свою вонючую «хрущевку» как во сне. Скинул с себя куртку, ботинки и забрался на тахту под одеяло. Буду спать до тех пор, пока не вызовут на допрос. Закрою глаза, и весь этот продажный мир исчезнет. И не нужны мне ни Настя, ни доллары, ни особняк. Счастье в том, чтобы ни от кого не зависеть и ничего не хотеть.

Не знаю, сколько я проспал. Но когда открыл глаза, за окнами по-прежнему было темно. Я лежал, глядя на потолок, и прислушивался к шороху в прихожей. Кто-то ковырялся в замке. «Опять милиция? — почти равнодушно подумал я. — А почему не звонят?»

Дверь тихо скрипнула. Щелкнул выключатель. По полу загромыхали тяжелые ботинки. «Да тут, наверное, целое отделение!»

— Я не понял, Витек, а что это за коробки? — раздался чей-то голос.

— А хрен ее знает, — отозвался второй. — Может, моя стерва уже вещи упаковала?

Я резко вскочил с тахты и, щурясь, посмотрел на освещенный лампочкой дверной проем. В прихожей стояли трое небритых мужчин в спортивных шапках, надвинутых на глаза. Они тоже с удивлением уставились на меня.

— Оба! — сказал один из них — коренастый, с массивным сизым носом и серым от щетины лицом. — А это еще что за дятел?.. Эй, мужик! Ты что тут делаешь?

— Живу, — спокойно проговорил я.

Небритые физиономии вытянулись от удивления.

— Я не понял, Витек, — сказал худой, как подросток, мужчина. — Это что? Хахаль твоей бабы, что ли?

— Сейчас разберемся, — ответил Витек и зашел в комнату.

Трое незнакомцев, пахнущие водкой и табаком, обступили меня.

— Ребята, — развел я руками, — если вы пришли грабить, то я могу предложить вам только компьютер.

— Наглеет, — буркнул рослый мужик, с тугим пакетом в руке. — Отмочалим его и в окно выкинем?

— Погодь, — остановил его Витек. — Разобраться надо, как он сюда попал.

— Я купил эту квартиру, — тихо заговорил я и даже попытался улыбнуться. — Сейчас покажу документы...

— Купил? — переспросил Витек и скривил лицо. — Как ты мог ее купить, если это квартира моя? Я здесь прописан, понял! Я только вчера из зоны вернулся. Хватай манатки и вали отсюда, пока мы тебе кишки не выпустили.

— Это какое-то недоразумение, — пробормотал я, надевая ботинки.

— Я тебе щас устрою недоразумение! — завопил худой.

— Это моя стерва хату продала, — прошептал Витек. — Замочу суку...

Спорить с этими уголовниками не имело никакого смысла. Я накинул на плечи куртку и покорно вышел из квартиры.

— Еще раз тут появишься — тебе кранты, — предупредил Витек. — Эта хата была моей, моей и останется. Понял?

На улице было ветрено. Подняв воротник, я брел по незнакомым темным дворам, проваливаясь по щиколотку в жидкую грязь и не выбирая дороги, шел прямо, в надежде, что рано или поздно выйду к какой-нибудь станции метро.

Мокрый, в грязных ботинках, я спустился в подземный переход, и только там обнаружил, что оставил дома не только часы, но и бумажник с деньгами. Я обыскал все карманы, но не нашел даже нескольких рублей на метро, чтобы доехать до дома Насти.

— Скажите, который час? — обратился я к проходящему мимо мужчине.

— Без четверти восемь, — ответил он.

— Это утро или вечер? — уточнил я.

Мужчина как-то странно взглянул на меня и, не ответив, ушел.

Я вынул мобильный и проверил остаток денег на его счете. Осталось три доллара — на несколько минут разговора.

Я набрал номер Насти и долго слушал длинные гудки. «Или еще не пришла с занятий, или еще не проснулась». В любом случае, надо ехать к ней.

Подойдя к дежурной, стоящей на страже турникета, я, обаятельно улыбнувшись, попросил:

— Вы не могли бы пропустить меня бесплатно? У меня украли кошелек...

— Иди отсюда! — вдруг с необычайной ненавистью крикнула дежурная и сунула в рот свисток. — Сейчас полицию позову!

После подписки о невыезде мне только полиции не хватало!

«Надо позвонить папаше в академию, — подумал я. — Он меня, как мужик мужика, поймет. Отвезет домой, накормит. А там мы вместе с ним покумекаем, что дальше делать. Все-таки, я не чужой ему человек, а почти зять».

Вахтерша, ответившая мне, поразила меня своим ответом:

— Аристарх Софронович уволился и у нас больше не работает.

Я хотел еще что-то спросить, но связь уже прервалась. Уволился! Что же это может значить?

Я «прилип» к спине мужчины, проходящего через турникет, и побежал к приближавшейся электричке. А уже через час входил в подъезд Настинного дома.

Но в этот день рок преследовал меня, удар следовал за ударом. Я сначала подумал, что ошибся этажом. Деревянная дверь профессорской квартиры бесследно исчезла, а вместо нее стояла брошенная, обшитая черным ледерином.

Я позвонил. Дверь открылась, на меня выплыло облако известковой пыли, а вслед за ним — белое лицо незнакомого мужчины.

— Чего тебе? — спросил он.

— А... — произнес я. — Это тридцать седьмая квартира?

— Да!

— А где Настя?

— Нет тут никакой Насти. Ремонт! — ответил мужик и захлопнул дверь.

Я вышел на улицу, посмотрел по сторонам, чтобы лишний раз убедиться, что не перепутал дом или подъезд. И мне стало нехорошо. Я сел на лавку. Кружилась голова, в груди было пусто, как в барабане. И тут, где-то рядом, раздалась мелодичная трель. Я поднял голову, прислушался, а когда до меня, наконец, дошло, что это мой мобильный телефон, спрятанный в кармане, вытащил трубку и со страхом проговорил:

— Слушаю...

— Что ж ты не держишь своего слова? — услышал я тихий голос «друга». — Обещал, что через пять дней мы встретимся в Шереметьево! Я даже на платное объявление не поспешил. Хожу по залам, жду тебя.

— Что?! — хриплым голосом выкрикнул я. — Это ты?! Это ты?!

— Мы же договорились, — весело продолжал «друг», — что встретимся. Так подъезжай, поговорим!

— Если я подъеду, — произнес я, — то тебе будет плохо.

— Мы еще посмотрим, кому из нас будет плохо, — нагло заявил он.

— Ты где? — сквозь зубы процедил я.

- В здании аэропорта. На втором этаже. Там, где экспресс-кафе.
- Я приеду, — пробормотал я и отключил телефон.

До аэропорта я добирался очень долго. Билетерши выкидывали меня из автобуса из-за отсутствия денег, но я дожидался следующего, проезжал на нем одну остановку, и меня снова выкидывали. «Друг» звонил через каждые полчаса, спрашивал, как идет мое продвижение. Я, сжав зубы, отвечал, что мы обязательно встретимся.

Наконец контролеры выкинули меня из автобуса в аэропорту Шереметьево. Я чувствовал, как меня начинает охватывать волнение, словно мне предстоял боксерский поединок на ринге. «Это же тщедушный, злобный старичок, — думал я. — Почему же меня всего трясет? Неужели я его боюсь?»

— Ты уже в аэропорту? — спросил «друг» по телефону. — Поднимайся по эскалатору на второй этаж. Не отключай трубку...

Протискиваясь сквозь кордоны встречающих с цветами и пассажиров с чемоданами к эскалатору, я думал, что должен был сейчас находиться среди этих людей в роли пассажира. В дорогом костюме и с дипломатом в руке. У меня в кармане должны были лежать билет «бизнес-класса» в какую-нибудь красивую европейскую страну и чистая, как совесть, таможенная декларация. А впереди меня ждал бы недолгий перелет, банк с моим счетом, роскошная гостиница и услужливые портье. Это обязательно должно было наступить! Мне выпала счастливая карта, и я сделал все, чтобы завершить партию в свою пользу. Я, умный, удачливый, вроде бы все рассчитал и продумал. Но... что случилось, что мне помешало? Почему вместо того, чтобы наслаждаться пятизвездочным отелем где-нибудь в Париже, Копенгагене или в Лондоне, я остался без работы, без денег и даже без заваливающейся «хрущевки» на задворках Москвы?

По залам эхом разносились слова диктора, объявляющего посадку на очередной рейс, а моя душа корчилась от боли. Какая несправедливость! Почему кто-то улетает, а я нет? Почему этот мелкий лысый старик смеет издеваться надо мной? Кто ему дал на это право? Кто он такой?

— Ты уже дошел до экспресс-кафе? — спросил «друг». — Теперь иди дальше вдоль щита с расписанием, прямо до стойки таможенного контроля...

Мое сердце колотилось, как церковный колокол. Я чувствовал, что злость уступает место страху и неуверенности, и шел все медленнее, исподлобья глядя по сторонам, стараясь заметить лысого академика раньше, чем он увидит меня.

— Ага! — воскликнул «друг». — Я уже вижу тебя! Теперь возьми чуть левее — к столу, где пассажиры заполняют декларации...

Отступить было поздно. Надо было сжать зубы, стиснуть кулаки, решительно подойти к нему и сходу ударить его в лицо. На крайний случай, дать пощечину. Я просто обязан что-то сделать. Святое дело рассчитаться с человеком, буквально наслаждающимся моим несчастьем. Но я продолжал медленно брести к столу, глядя себе под ноги. Главное, не сломаться, не струсить. Не сломаться, не струсить...

И тут, вскинув голову, прямо перед собой я увидел... Аристарха Софроновича, Настю и Чемоданова.

Глава 25

Все сначала?

— Здравствуйте, молодой человек, — первым поздоровался профессор, пряча в карман пальто трубку мобильного. — Хорошо, что рейс на час отложили, иначе мы бы уже не встретились.

Я остановился перед троицей, как вкопанный. Удар был настолько сильный, что я сразу понял: все, уже сломался, уже струсил, и дай бог сил защититься от новых ударов.

— Привет, — сказала Настя, легко и просто улыбаясь. — Познакомься, это мой муж Виктор, — и кивнула на Чемоданова.

Они вызвали меня, чтобы всласть поиздеваться надо мной! Собрались лететь в Америку! Чтобы присвоить себе мои деньги. Пусть летят! Земля дрогнет от моего гнева. Я добьюсь справедливости. Договор лежит у моего сердца.

— Мы ждали тебя, чтобы ты принял участие в торжественном акте нашего бракосочетания, — промяукала Настя и прикрыла плутоватые глаза. — Но ты куда-то исчез.

Я посмотрел на профессора, на его благородное, умудренное жизнью лицо, и произнес:

— Ладно, Настя молодая и глупая. Но вы, Аристарх Софронович... Неужели вам не страшно за то, что вы сделали со мной? Совестью прикидывались. А сами? Лгали мне столько времени.

— Вы заметили, как вы изменились? — спросил профессор, натягивая на руки тонкие кожаные перчатки. — Мне приятно отметить, что в вашем словарном запасе появилось слово «совесть». Вы уже не столь самоуверенны? Не считаете, что крепко стоите на ногах, что держите Бога за бороду?

— Значит, вас задела моя самоуверенность? — спросил я. — Вы хотели мне доказать, что если у меня нет ученой степени, то я ничтожество?

— Нет, — возразил профессор, — что вы! Зачем? Жизнь рано или поздно все расставит по своим местам. Я всего лишь хотел проверить, насколько искренни и честны ваши намерения относительно Насти. Вы как-то сказали мне, что любите ее. Я позволил себе усомниться в ваших словах и предложил дочери провести маленький тест.

— Что? — не понял я. — Тест?

— Да, — кивнул профессор. — Тест. Элементарная и надежная система проверки внутреннего мира человека, которая с успехом практикуется во всем мире. Я решил проверить, кого вы больше любите — Настю или себя, богатого и преуспевающего? На чем вы остановитесь, если у вас будет выбор, на Насте или на деньгах?

Я посмотрел на Настю, потом перевел взгляд на самодовольную физиономию Чемоданова.

— А-а-а! — дошло до меня. — Сговор! Вы все сговорились! Вы все давно знакомы.

— Да, — кивнула Настя. — Мы знакомы с Витей уже несколько лет. И все эти годы он трепетно добивался моей руки. Как-то мы проходили мимо твоей фирмы и увидели тебя. Витя сказал: «Это мой одноклассник Савельев». Я смотрела, как ты садился в свою машину. Ты меня тогда очень впечатлил, я сразу увлеклась тобой. А Витя тихо ревновал.

— Значит, ты делала вид, что вы незнакомы? Спокойно смотрела на то, как я продаю машину, квартиру, чтобы заплатить ему деньги? — все более громко говорил я. — Кого вы проверили? Да вы же сами себя проверили и сделали свой выбор в пользу денег! Если бы не я, диссертация до сих пор бы лежала у Чемоданова под диваном! Я вывел ее в свет, продал американцам. А вы просто предали меня, воспользовались ситуацией и погнались за деньгами!

Профессор, Настя и Чемоданов молча переглянулись.

— Не горячитесь, молодой человек, — наконец сухо произнес профессор. — Все не совсем так, как вы себе представляете.

— Не так?! — вспыхнул я. — А куда вы намылились, если не за моими деньгами?

— Нет, не за вашими, — с достоинством ответил Аристарх Софронович. — Мне дают кафедру в частном университете Вашингтона. Контракт на пять лет, если вам угодно знать.

— Надо же, какое совпадение! — иронично крикнул я и хлопнул в ладоши. — Америка просто сыплет престижными вакансиями! Стоило мне пробить должность в НАСА, как в том же городе профессору предлагают кафедру... Вы все лжете! — громче добавил я. — Лжете! Вы мошенники, вы летите, чтобы прибрать к рукам все то, что я заработал!

— Успокойтесь! — попросил профессор.

Но я разошелся не на шутку, и на нас уже косо поглядывали пассажиры.

— Не выйдет! — потрясал я кулаком. — Ничего у вас не выйдет! Вы думаете, что смешали меня с грязью, удовлетворились своей победой, и вам все сойдет с рук? Дудки! — Расстегнув куртку, вынул из нагрудного кармана договор и, размахивая им как флагом, крикнул: — Вот! По этому договору Чемоданов не имеет права использовать диссертацию в коммерческих целях. Ни одного предложения, ни одного слова из диссертации он не имеет права продать. Я затаскаю вас по судам! Вы будете сидеть в американской тюрьме! Я добьюсь справедливости!

Профессор, Настя и Чемоданов терпеливо ждали, когда я выдохнусь. Наконец я замолчал, спрятав договор поглубже в карман и вытер со лба пот.

— Молодой человек, — тихо заговорил профессор. — Никто не пытается оспаривать ваши права на диссертацию. Но, на всякий случай, хочу поставить вас в известность, что тот труд, который вы называете диссертацией, таковой вовсе не является. И Витя Чемоданов не имеет к ней никакого отношения.

— Как не является? — произнес я, переводя взгляд с профессора на Чемоданова. — Как не является? Что вы меня разыгрываете!

— Мы действительно вас разыграли, — подтвердил профессор, снял очки и принялся протирать стекла платком. — Я же вам сказал: мы вас тестировали. Грубо говоря, проверяли степень вашей алчности. Толстая рукопись, которую вы приняли за диссертацию, была обыкновенной лекцией, банальной перепечаткой из учебника по аэродинамике.

— Но как же?! — опешил я, не желая верить словам профессора. — А как же звонок из Франции? Письмо из США? Не надо меня сейчас держать за дурака!

— Звонок из Франции был произведен из моей квартиры, — пояснил профессор. — Я был уверен, что первый сигнал вы не станете тщательно проверять. А вот что касается письма из США — то здесь все честно.

— Ну, вот, — с облегчением произнес я. — А вы говорите...

— Честно то, — перебил меня профессор, — что оно действительно пришло из США. Но не из НАСА!

— Да я же сам туда звонил! — слабеющим голосом произнес я.

— Вы звонили в скромную вашингтонскую квартиру, где проживают родители Вити Чемоданова, и его мама, Галина Павловна, успешно разыграла вас. Вам очень хотелось верить в огромные деньги из НАСА, и вы поверили.

— Нет, — прошептал я. У меня потемнело в глазах. — Нет, это ложь! Вы... вы нарочно так говорите, чтобы заграбастать мои деньги!

— Никаких восьмисот тысяч и должности главного инженера не существует, — подтвердил Чемоданов. — Это все блеф.

— А куда же ты намылился лететь, если не в НАСА!

— К маме и папе, — спокойно ответил Чемоданов. — Знакомить их с моей женой. — И он нежно обнял Настю за плечо.

Мне казалось, что я сейчас упаду в обморок. Я все еще отрицательно крутил головой, безумными глазами глядя на троих мошенников.

— Я вас искренне любил, молодой человек, — сказал профессор, поднимая с пола чемодан. — Много раз звонил вам, представляясь вашим другом, уповал на вашу совесть и порядочность. В общем, давал вам шанс избавиться от греха, сказать Насте о деньгах, разделить с ней свою радость. Но вы скрыли от нее свои дела с Америкой. Значит, ваши намерения были не чисты. Признайтесь, что я говорю правду.

Я схватился за голову и тихо завыл:

— Кругом ложь, кругом одна ложь... — Вдруг я вспомнил про Календулова: — Стоп! Но мой научный руководитель мне лично сказал, что диссертация замечательная! Он что, идиот, не способный отличить лекцию от диссертации?

— Он не идиот, — возразил профессор, — а начальник склада технических средств обучения. Он сделал и сказал вам то, о чем я его попросил.

— А Лавров из полиции? Секретные сведения?

— А вот Лавров из полиции настоящий, — кивнул профессор. — Правда, он давно уволен из органов и работает в наградном отделе. Он мой давний друг и тоже сыграл небольшую роль в нашем милом спектакле.

— Нам пора на регистрацию, — сказал Чемоданов.

— Вы преступники! — прохрипел я. — По вам тюрьма плачет!

— Почему мы преступники? — удивилась Настя. — Никто тебя не заставлял покупать у Чемоданова старую лекцию. Мы не виноваты, что ты такой глупый, что не смог отличить лекцию от диссертации.

— Я глупый? — пробормотал я. — Разве я глупый?

— Очень, — с сочувствием произнес профессор и первым устремился к стойке таможенного контроля.

Я ухватился за край стола, иначе упал бы. Настя на мгновение задержалась возле меня и поцеловала в щеку:

— Прощай, я не буду думать о тебе плохо. С тобой в моей жизни связано самое светлое.

— Издеваешься?

— Нет, я говорю правду. Ведь благодаря тебе мы с Чемодановым смогли обрести друг друга и организовать такую замечательную свадьбу.

Не помню, как я вышел из аэропорта. Не помню холодной промозглой ночи, ветра и мокрого снега в лицо. Я пришел в себя и стал соображать лишь тогда, когда меня кто-то схватил за руку. Обернувшись, я увидел плачущую Зою.

— Мне тебя жалко, — сказала она, повязывая мне на шею свой шарф, пахнувший чем-то солнечным и радостным.

— Откуда ты здесь? — равнодушно спросил я.

— Я следила за ними...

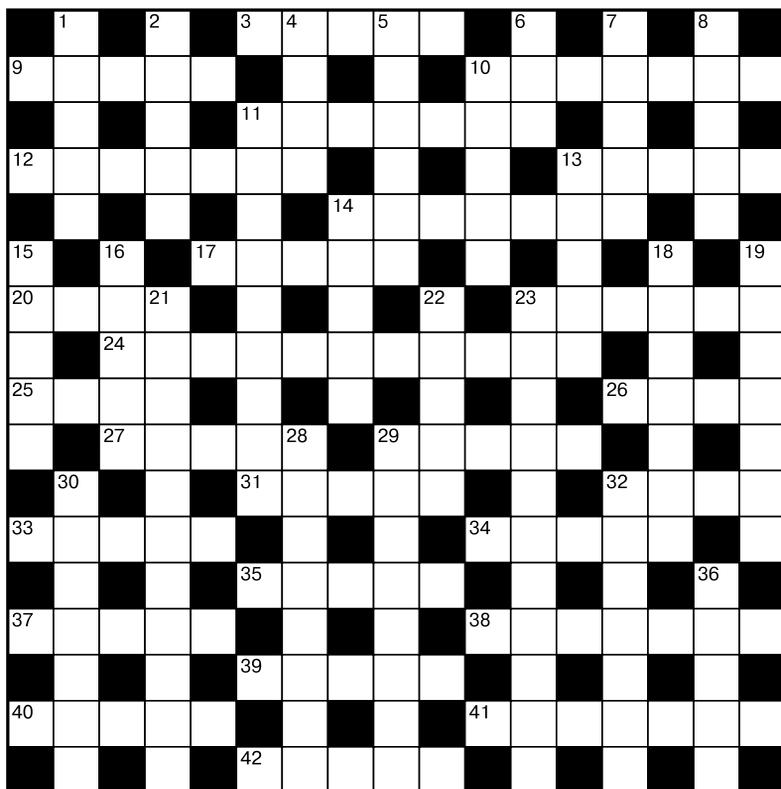
— Они — мошенники.

— Я знаю. — Зоя обняла меня и повела на остановку автобуса. — Директор простил тебя, — всхлипывая, говорила она, — и восстановил на работе. Обещал помочь с квартирой. С завтрашнего дня выходи... Сереженька, миленький, давай начнем все сначала? У нас с тобой все будет хорошо, вот увидишь. Сначала поживем у меня — хоть в тесноте, зато в согласии. А потом купим отдельную квартиру, мебель, родим ребеночка...

Она еще что-то нежно ворковала мне на ухо, а я все быстрее и быстрее шел вперед, чувствуя, что на меня обрушилось новое, волшебное чувство. Мне казалось, что я стал легким, как снежинка, и взлетаю над землей, ветер играет мною, а я лечу, кувыркаюсь, и все тяжелое, черное, что вынуждало меня ползать, осталось где-то внизу, среди огромных грязных сугробов. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Позывные дьявола у мусульман. **9.** У какого сорняка «дурацкая репутация»? **10.** Дед Трескун из русских сказок. **11.** Что «мешает плавать» заливной рыбе? **12.** Чтобы избавить Латинскую Америку от испанского рабства, ему потребовалось за пятнадцать лет победить в 472 битвах. **13.** Народная мудрость гласит: «Голод не ..., пирожка не предложит». **14.** Приспешник

Карабаса. **17.** Олимпийские правила бадминтона гласят, что ... должен содержать ровно шестнадцать перьев. **20.** Страна, в которой длина железных дорог меньше длины нефтепроводов. **23.** Богатырская дубинка. **24.** Какой областной центр когда-то носил имя последнего русского царя? **25.** «Чудо геной инженерии». **26.** «Сумасшедшие слова». **27.** Житель африканской страны, где выда-

ют орден «За супружескую верность», если прожить четверть века с одной женой. **29.** Праздник освященных куличей. **31.** Каким украшением можно измерять количество электричества? **32.** Суперагент с лицом Мэтта Деймона. **33.** Что позволяет одну картофелину продать по цене килограмма? **34.** Колдун с бубном. **35.** Наконечник широких масс. **37.** Степной хоровод снега. **38.** Что оборвало жизнь отца Александра Македонского? **39.** Самое южное из прибалтийских государств. **40.** Синтетика вместо шерсти. **41.** Кто из английских классиков запивал глотком горячей воды каждые из 50 написанных им строк? **42.** Какой мультяшный пес говорит голосом Льва Дурова?

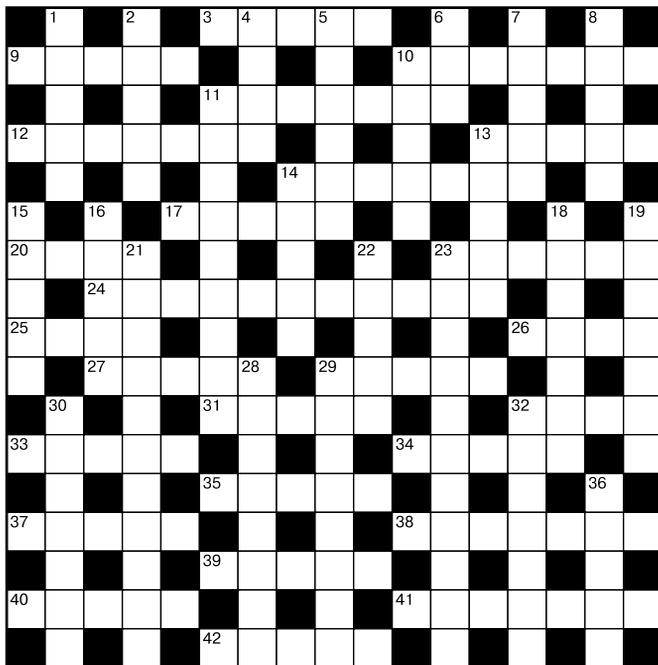
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чью беседу с ужом как-то подслушал Максим Горький? **2.** Какой драгоценный камень имеет химическую формулу белой глины? **4.** Что означает японский иероглиф «оги», состоящий из «двери» и «крыльев»? **5.** Конь под жокеем.

6. Уважаемый итальянец. **7.** Во что завернули Клеопатру, чтобы представить Юлию Цезарю? **8.** Что Вольтер считал за «нашего самого большого врага»? **10.** Какую игру заказывает преферансист, обещая ничего не брать? **11.** Каждый из тех, кто встает с первыми петухами. **13.** Начинка для сигареты. **14.** Оппонент Голиафа. **15.** Какой столовый прибор запретил французский король Людовик XIV? **16.** Лодка, участвующая в Олимпийских играх. **18.** Какая бактерия похожа на запяточку? **19.** Какая рыба названа в честь острова в Средиземном море? **21.** «Государственный заем» преступно нажитого имущества. **22.** «Лежанка Обломова». **23.** Какому обследованию Зигмунд Фрейд подвергал всех, кто хотел стать его учеником? **28.** Чтобы ... долго держалась на своем месте, нитку, которой она пришивается, протрите воском. **29.** «Шашки наизнанку». **30.** «Детское шампанское». **32.** Галстук под смокинг. **36.** «Когда ... кончается, из укрытий вылезают герои».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Заря. **6.** Визбор. **10.** Ватикан. **11.** Вокзал. **12.** Эрудит. **13.** Обертка. **14.** Касса. **17.** Бок. **18.** Примитивизм. **21.** Деликатес. **22.** Реформа. **25.** Кизил. **26.** Авианосец. **27.** Едок. **29.** Зависть. **30.** Стрип. **31.** Пастух. **33.** Марафонец. **36.** Лампас. **38.** Тело. **39.** Балакирев. **40.** Долг. **41.** Дань.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Зевс. **2.** Рюкзак. **3.** Бал. **4.** Чизбургер. **5.** Макраме. **7.** Икра. **8.** Беда. **9.** Ритм. **10.** Вакса. **12.** Экстремал. **14.** Корея. **15.** Автопортрет. **16.** Изумление. **19.** Финик. **20.** Падишах. **23.** Австралия. **24.** Леопольд. **25.** Комсомол. **28.** Гималаи. **29.** Зураб. **32.** Конец. **34.** Цена. **35.** Боль. **37.** Сад.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Один из четырех «вечных странников» из «Психоанализа и религии» Эриха Фромма. **9.** Инструмент с гравюры «Меланхолия» Альбрехта Дюрера. **10.** Единственный в истории конь, в чью честь назвали город. **11.** Какой цикорий идет на витаминные салаты? **12.** Возле какой крепости Александр Пушкин повстречал гроб с телом Александра Грибоедова? **13.** Кто однажды предложил жениться Иосифу Сталину на своей сестре Марии? **14.** Русский император, любивший в детстве вешать щенков на березах. **17.** Самый ред-

кий из существующих в природе химических элементов. **20.** «Слово не ..., в лоб не бьет». **23.** Золотое дерево. **24.** Норвежец, возглавивший в 1899 году первую экспедицию, прожившую год в Антарктиде. **25.** Первый посол Израиля в СССР. **26.** «Король из Бразилии», чьим именем назвали станцию метро в Берлине. **27.** Голливудская звезда, чей отец погиб от пули ее же матери. **29.** Какой напиток разрушил здоровье Джека Лондона? **31.** Какой обычай предписывает тунгусским охотникам оставлять часть добычи соро-

дичам? **32.** Какой зверь стал символом Канады? **33.** «Оскар» для фантастов. **34.** Под какое вино Ротшильды предоставили заем царскому правительству России? **35.** Какой цветок украшал плащи пажей при французской королеве? **37.** От чего Юрий Олеша советовал спастись с помощью одеяла, натянутого на голову? **38.** Китайский «обезьяний персик», ставший прародителем новозеландского киви. **39.** Какая оса слывет врагом хрущей? **40.** Пальма с самыми длинными листьями. **41.** Какой совет решал судьбу новорожденного в Древней Спарте? **42.** Раз и обчелся.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** В одном древнем папирусе сказано, что нет должности без подчинения, кроме этой. Какой? **2.** Германское племя, с которым воевал император Марк Аврелий. **4.** Какой народ считают древнейшим населением Японских островов? **5.** Собеседник духов. **6.** Лучшая певчая птица Океании. **7.** Одна из двух рек, чьи воды очистили «Авгиевы конюшни». **8.** Какая порода коров составляет лучшее в мире «мраморное мясо»? **10.** Рыцарский шлем, напо-

минавший ящик. **11.** Кого Деметра обрекла на вечный голод, заставив сгрызть самого себя? **13.** Какой салат самый полезный для нашей нервной системы? **14.** Единственное государство в мире, не имеющее официальной столицы. **15.** Ржавое ожерелье из слов. **16.** Элементарная ячейка хранения информации в квантовом компьютере. **18.** Кем был Генрих Наваррский до того, как принял католичество, чтобы стать королем Франции? **19.** Бразильский ковбой. **21.** Какую систему записи движений придумал в 1700 году некий танцмейстер Фейе? **22.** В XX веке известен только один случай возрождения мертвого языка как разговорного и государственного. Что это за язык? **23.** Штаны из меха у древних персов. **28.** Лакей мысли (по Федору Достоевскому). **29.** Кто появляется из яйца, отложенного семилетним петухом, когда Сириус сверкает высоко в зените? **30.** Где отказался служить Мухаммед Али и потерял титул чемпиона мира? **32.** Иранская гора, с которой началась дешифровка клинописных текстов. **36.** Экстракт из буковых орехов.

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Тигр. **6.** Шверер. **10.** Роскошь. **11.** Героин. **12.** Ферман. **13.** «Атомиум». **14.** Цакни. **17.** Шиш. **18.** Чревоугодие. **21.** Чинтамани. **22.** Эзбекие. **25.** Транс. **26.** Удивление. **27.** Угра. **29.** Торнаги. **30.** «Пьянь». **31.** Султан. **33.** Демантоид. **36.** Аритум. **38.** Кадо. **39.** Робертсон. **40.** Гага. **41.** Бойи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Того. **2.** Герлаш. **3.** Бон. **4.** Екатерина. **5.** Ишимова. **7.** Выем. **8.** Рему. **9.** Руна. **10.** Риони. **12.** Фукудзава. **14.** Цицис. **15.** Понедельник. **16.** Сицилиана. **19.** Утира. **20.** Амонтон. **23.** Адигрантх. **24.** Бумсланг. **25.** Троллинг. **28.** Инженер. **29.** Тамур. **32.** Отбой. **34.** Дато. **35.** Тоги. **37.** Моа.

Уважаемые читатели!

ОТКРЫТА подписка на 1-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на 1 месяц с учетом доставки стоит 77 руб. 00 коп.

Подписка на 3 месяца с учетом доставки стоит 231 руб. 00 коп.

Подписка на 6 месяцев с учетом доставки стоит 462 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2013 года по каталогам через любое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Михаил Дмитриевич Скобелев прошел через множество войн, стал кавалером немереного количества орденов и обрел всенародную славу не только в России, но и за ее пределами — в Средней Азии и Болгарии. На венке от Академии генерального штаба, возложенном на гроб «белого генерала», серебрилась надпись: «Герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву — полководцу СУВОРОВУ равному».

Светлана **Бестужева-Лада** «Белый генерал»

« При упоминании имени этого поэта сразу возникают ассоциации с чем-то зловещим, едва ли не сатанинским. Но так его стали воспринимать после смерти. А при жизни он был всего лишь «одним из», мало известным широкой публике, зато принесшим неисчислимые страдания своим родным и близким из-за обвинения в безнравственном поведении и подрыве моральных устоев общества. Все это — родоначальник символического направления в поэзии Шарль-Пьер Бодлер.

Денис **Логинов** «Осужденные цветы»

« Французскому художнику Эжену Делакруа удалось создать творение, ставшее не только символом Франции и французской революции, но и Революции вообще. Таких картин в истории искусства мало, и она до сих пор не потеряла актуальность и философское значение, продолжая свое блистательное существование. Величественная богиня Свободы всегда живет в душе французского народа...

Ирина **Опимах** «Свобода на баррикадах»

« Детективная повесть **Геннадия Трохина** «Филиал»